

Д 8
Д 306

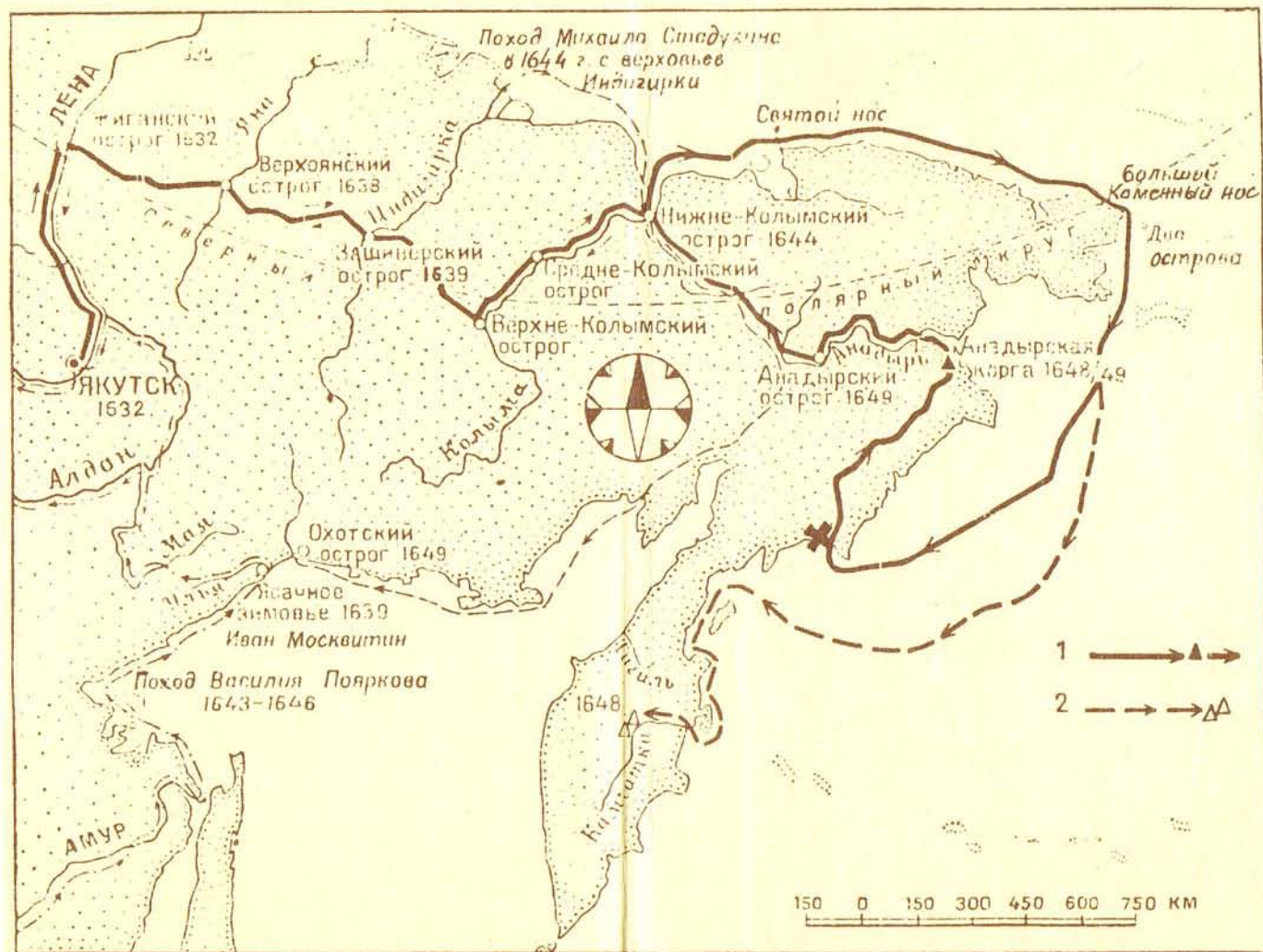
МАЛАЯ СЕРИЯ

Л. М. Дёмин

СЕМЕН ДЕЖНЕВ

Жизнь
замечательных
людей

1 — пути Дежнева. 2 — путь спутников Дежнева, попавших на Камчатку.

МАЛАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ
замечательных
людей

3

Д.8
1.306

Л. М. Дёмин

СЕМЕН ДЕЖНЕВ

895665

МАГАДАНСКИЙ
областная библиотека
им. А. С. Пушкина

Москва
"Молодая гвардия"
1990

ОТДЕЛ
АБОНЕМЕНТА

1. РАССКАЗЫВАЕТ БЫВАЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Крепкий ледяной панцирь сковал широкую северную реку. Ошетилилась макушками прибрежная кромка леса. К самой опушке прижались на высоком яру берега избы, рубленные из добротной, толстовольной сосны. Избы на высоких подклетах, с тесовыми кровлями, резьбой, напоминающей затейливое северное кружево, на карнизах, оконных наличниках, крылечках...

Сумерки надвигаются рано. И тогда ели на лесной опушке сливаются в сплошную темную стену. Она просветляется, когда из-за леса выползает холодный медно-красный диск луны. В избах зажигают салютные светильники, и начинается своя вечерняя жизнь. Помор-крестьянин не привык сидеть без дела. В поте лица своего трудится он, добывает хлеб насущный, иначе не выживешь. Землица здешняя малоплодородна, скудна. Природа северная сурова и неохотно делится щедротами своими с человеком. А государевы служилые люди, тиуны* и воеводы, корыстолюбивые лихоимцы, своего не упустят. Как говорит народ, до бога высоко, до багюшки-государя Михаила Федоровича, севшего на московский трон после изгнания поляков, далеко. Волостной тиун, а тем более уездный воевода здесь бог и царь.

И все же тиун и даже сам воевода из Холмогор или Великого Устюга — это тебе не боярин-вотчинник, а

* Этот и другие термины объяснены в словаре в конце книги.

лишь государев служилый человек. А северный крестьянин не крепостной. Вольнолюбивые, знающие себе цену, гордые поморы не очень-то склоняют голову перед чиновной братией. Уж если слишком прижмет лихоимец-воевода, нестерпимым станет бремя поборов, соберется ватага обиженных, снарядит кочи и уйдет промышлять морского зверя к Кольскому берегу, на Новую Землю, а то и на далекий студеной Грумант. А то ударится в бега. Немало бродит по русскому Северу гулящих людей, не знающих постоянного пристанища, пробивающихся охотой или каким-либо ремеслом. Северяне народ искусный, мастера на все руки. И по кости резать, и серебро червлёным узором покрыть, и дивной красоты берестяные туески смастерить, и добротную лодью или коч построить, и по кузнечному делу — во всем поморы великие искусники. А самые лихие из гулящих и к разбойным шайкам пристают. Шайки те шалют порой на больших трактах. Свою голытьбу не тронут, ну а как попадется боярин со свитой или богатый купец с товарами — потрясут сердечных.

Уходят поморы и за Каменный пояс, то бишь за горы Уральские, в Сибирь. Манит она, матушка, просторами своими бескрайними, богатствами неведомыми. Вербуются на государеву службу в сибирское казачье войско, прибываются к отрядам промышленных и торговых людей.

Тускло мерцают фитилек в глиняной плошке, наполненной жиром, отбрасывает колышущиеся блики на закопченные стены. Полутемно, таинственно и угарно. В большинстве поморских изб бедняков и людей среднего достатка печи топят по-черному. Дым стелется под потолок, всасываясь в дощатую трубу. Молодая хозяйка за самодельным станком сноровисто ткёт холстину. Престарелая бабка на лавке у стены прядет, наматывая крючковатыми пальцами шерстяную нить на пряслице. Дед плетёт из бересты туесок. Молодой хозяин, присев на пороге, шорничает, чинит хомут. У него на подхвате

сын-подросток. Малый присматривается к отцовской работе, подает отцу шило, дратву. Такова обыденная картинка, какую увидишь в любой избе.

Однажды привычный ритм вечерней жизни нарушился. После долгих лет скитаний вернулся в родное поселение из-за Каменного пояса бывалый человек. Мало кто возвращается из-за Каменного пояса. Одни теряются в лесных сибирских просторах, не оставляя и следа своего, гибнут на кочах в Студеном море, другие, как говорят, приживаются в Сибири, берут тамошних бусурманских женок, крестят их, плодят ребятишек и живут, уже не помышляя о том, чтобы возвратиться когда-нибудь в родные поморские края. А этот, ишь ты, возвратился. Уж и помнят-то его только старики.

Набилась изба любопытствующим людом. Парни, девки расселись по лавкам, старики за стол, поближе к красному углу. Старикам особое уважение. Самые ветхие еще сохранили в цепкой памяти времена грозного царя Ивана и поход славного Ермака Тимофеевича с воинством своим против сибирского хана Кучума. Бывалого человека усадили на почетное место под образа, застелив лавку медвежьей шкурой. Поднесли ему корец хмельной медовухи, чтоб разговорить. Не нажил, видать, богатства на сибирской-то службе. Зипунишко обветшавший, драный. Сам израненный весь, хроменький. Опирается на кедровый батожок. Досталось суженому лиха.

Неторопливо ведет разговор бывалый человек...

О земле сибирской, что раскинулась за Каменным поясом, земле, которой конца и края нет. На севере упирается она в море Студеное, на юге в киргизские и мунгальские степи. А на востоке — неведомо где и кончается. Реки сибирские многоводны и широки, а в низовьях морю подобны. С одного берега другой не узрешь. Что супротив сибирских рек наши Двина или Пинега, реки немалые!

А идет в Сибирь тропа от города Соликамска через

леса и горы, через Большой каменный пояс на Верхотурье. Есть такой острожек на Туре-реке. Это уже Сибирь. Дальше путь приходится держать по рекам — Туре, Тоболу, Иртышу. Это прежние владения хана Кучума, а теперь земли, управляемые воеводами московского царя.

На высоком берегу Иртыша, там, где впадает в него Тобол, раскинулся Тобольск, самый главный из сибирских городов. Там воеводский двор, лавки купцов, съезжая изба, храмы. Если плыть от Тобольска вниз по Иртышу, потом по Оби, великой реке, выйдешь в Обскую губу и достигнешь Мангазеи. Отсюда уже и до Студеного моря недалеко. А в Мангазее торговые люди ведут торг с оленными людьми, выменивают у них на разные полезные в хозяйстве вещи мягкую рухлядь, иначе говоря, шкурки соболя, лисицы красной и черно-бурой, горностая.

А если подняться вверх по правым обским притокам, а потом перетащить волоком в иные реки, попадешь в могучий Енисей. И на нем поставлен острог Енисейский, обнесенный частоколом с башнями. А за Енисеем, говорят, текут другие могучие реки, живут другие племена и народы, еще не ведомые русским людям...

Неторопливо ведет свой рассказ бывалый человек. Иногда слушатели прерывают его возгласами удивления. Надо же! Ишь ты! Иногда он сам замолкает и потирает ладонью изувеченную стрелой ногу. Прикладывается к ковшу живительной медовухи.

...А обитают в Сибири всякие народы-нехристи. Олень разводят, охотятся, рыбу ловят. Носят меховую одежду. Есть и такие, что личины свои краской малюют. Живут в юртах или чумах, крытых шкурами или древесной корой. Ежели не забижать их без нужды, не грабить, уживаются с нашим братом, русскими, мирно. А иные нехристи крестятся, учатся у русских хлебопашеству, ремеслам всяким. А наши мужики, которые пришли в Сибирь без женок, ихних девок берут в жены.

И живут славно. На Оби, на Иртыше, по другим рекам русские землепашцы селятся, хлеб выращивают. Земли свободной, никем не занятой вокруг много. А какие знатные пойменные луга на тех реках. Трава там вырастает такая, что всадника на коне скроет. Ну если всадника и не скроет, так человека с головой непременно.

Опять возглас удивления. Один из стариков вопрошает:

— И чем это матушка-Сибирь так народ привораживает?

Отвечает бывалый человек степенно. Несметно богата Сибирь. И земли в ней много. И леса ее изобилуют всяким пушным зверем. И в реках много всякой отменной рыбы, а в земле, как поговаривают сведущие люди, много добра всякого, и железной руды, и серебра, и золота, и камней самоцветных. А из зверя пушного особенно ценится соболь. Меха его редкой красоты. Сибирские народы облагаются ясаком, иначе говоря, соболиным налогом, который идет в государеву казну. Конечно, не все попадает в Москву. Немалая толика перепадает и воеводам, казачьим атаманам, сотникам, приказным, купцам. Кто-то наживает в Сибири состояния, а кто-то умирает в нищете. Для кого-то она, матушка-Сибирь, золотое дно, а для кого-то горькая доля. Всякое бывает.

Разгорелись глаза у слушателей. Внемлют рассказу бывалого человека. Завидуют сибирским удачникам. Расспрашивают об охоте на соболя. Редко-редко встречается теперь этот изящный с серебристой шерстью зверек на Двине, Пинеге и даже на Мезени. А верно ли, что его шкурка ценится чуть ли не на вес золота?

Высоко ценится. Бывалый человек вспоминает о том, что слышал от сына боярского, человека сведущего, доставлявшего соболиную казну из Тобольска в Москву. Царь-де Михайло отослал какому-то иноземному государю, не то римскому кесарю, не то датскому королю, ответный подарок — мешок отборных соболей. А тот

иноземный государь посылал нашему царю серебряный сервиз чудной работы пуда на три весом. Покупает царь Михайло у иноземцев разные диковинки для украшения своих палат и расплачивается не серебром, не золотом, а соболем. Так пожелали-де сами иноземные купчихи.

А притесняют ли сибиряков лихие воеводы?

Вопрос этот задал мужик, битый недавно батогами по повелению воеводы за то, что пытался было уклониться от извозной повинности.

Притесняют ли? А как же иначе! На то они воеводы, чтобы лихоимствовать да над простым человеком куражиться. Однако же волков бояться... Вашего воеводы стражники и за неделю доберутся до вас по зимнику и покажут вам, где раки зимуют. Тяжелую власть великих мира сего везде ощущаешь. А Сибирь велика. Отправили тебя нести службу в какой-нибудь дальний острожек или зимовье, за тридевять земель. До воеводского острога долгие месяцы пути. Пока соберут казаки государев ясак с окрестных князюв-нехристей, сходят в поход для приискания новых земель, не один воевода сменится. Как будто и нет над тобой воеводской власти. Правда, стоит над тобой в зимовье начальник отряда, атаман или сотник. Но этот чином помельче воеводы, из своих же казаков. Ежели человек он башковитый, сообразительный, поймет, что жить с сотоварищами пристало в заговоре и мире, по заповеди — один за всех и все за одного. А начнутся обиды и раздоры — пропадешь в глухомани, сгинешь от черной смерти или не устоишь под напором лихих людей.

Мы постарались представить картину поморского быта первой половины XVII века и встречу возвратившегося из Сибири бывалого человека с земляками. Многие-многие поморы отправляются искать счастья за Каменный пояс. И лишь единицы из них, обычно на склоне лет своих, возвращаются в родные края. Все же иногда возвращаются и приносят сведения о сказочно

богатой Сибири. И возбуждают у земляков рассказами своими интерес к этой стране. Наслушавшись рассказов таких бывалых людей, и другие загораются желанием тоже погнаться за счастьем, последовать примеру тех, кто ранее уходил на Восток. Время от времени царские власти через местных воевод проводили вербовку в сибирское казачье войско и находили отклик среди тех, кого манили неизведанные края. Преимущественно это были люди социально неустроенные и не обремененные семьей, молодого возраста.

К миграции в Сибирь жителей русского Севера подталкивали многие причины. Главная причина заключалась в стремлении уйти от феодальной эксплуатации, избавиться от многочисленных поборов и повинностей. И хотя Север не знал крепостного права, хотя здесь не было бояр-вотчинников с крупными хозяйствами, основанными на крепостном подневольном труде, крестьяне и промыслово-ремесленное население страдало здесь от всевозможных повинностей в пользу центральной и местной власти. Размеры налога с того или иного хозяйства зависели от площади земельного надела, имущества, количества работоспособных членов семьи (раскладка «по сохам», «по животам», «по головам»). Практиковались разного рода поборы в пользу воеводы, приказных, волостного тиуна, своей сельской верхушки в лице старост, сотских, десятских. Приходилось платить «пищальные деньги», «ямские деньги», «оброк за белку», «оброк за горностая», «морской оброк» и т. п., а также отбывать трудовую повинность на прокладке и ремонте дорог, строительстве городских сооружений, рубке леса и пр.

В деревне происходило расслоение. Выделялась зажиточная верхушка, сочетавшая сельское хозяйство с охотничьими промыслами и торговлей и использовавшая наемный труд батраков. На сельском и волостном сходе решающая роль принадлежала местным богатым, пользовавшимся поддержкой властей. Разоряющаяся часть

сельского общества нередко лишалась собственного надела и попадала в долговую кабалу к богатеям или становилась «гулящими людьми».

На основании архивных документов первой четверти XVII века известно, что в пятнадцати северных уездах из 37750 дворов 3609 (или 9,5 процента) стояли заброшенными. Эта заброшенность свидетельствовала о миграционных процессах. Покидали свои дворы, как правило, разорившиеся, задавленные беспросветной нуждой крестьяне. Они переселялись на посад, приобретая к ремеслу или работая по найму, становились «гулящими людьми», а кое-кто устремлялся в Сибирь, присоединяясь к очередной партии служилых людей, завербовавшихся на сибирскую службу.

Немалую роль в устремлении северян за Каменный пояс сыграл и предприимчивый поморский характер, опыт, накопленный поморами в дальних плаваниях и походах. Суровая жизнь на Севере, упорная борьба за существование, схватки с морской стихией закаляли людей, делали их физически крепкими, выносливыми.

В северорусских житиях святых, таких, как житие Зосимы и Савватия, покровителей основанного в 1435 году на островах Белого моря Соловецкого монастыря, повести о Варлааме Корецком, житии Антония Сийского, основателя Сийского монастыря, житии Трифона Печенгского, основателя Печенгского монастыря, и некоторых других произведениях этого литературно-исторического жанра мы находим яркие свидетельства о героических плаваниях поморов в Белом и Баренцевом морях в XVI—XVII веках. На основании этих же свидетельств можно составить представление о высоком уровне развития нашего полярного судостроения этого периода. О плавании русских поморов на Грумант (старинное русское название Шпицбергена) сообщают не только русские, но и датские источники.

Еще задолго до этого русские проявляли интерес к северному Зауралью и ходили в Карское море, район

Обской губы и на нижнюю Обь. Сохранилось летописное свидетельство о том, что двинский посадник Великого Новгорода Улеб предпринимал в 1032 году поход в Карские Ворота, пролив, соединяющий Баренцево море с Карским. В XII веке новгородцы во главе со своим предводителем Гюрятой, ходили за Урал к Обской губе. А с XIV века морские плавания поморов, подвластных сперва Новгороду, а потом Москве, из устья Двины к Печоре и далее на восток становятся регулярными. В качестве опорного пункта Московского государства в устье Печоры был заложен Пустозерский острог, где впоследствии царские власти сожгли идейного вдохновителя раскола, неистового протопопа Аввакума.

Многие выходцы из поморских земель участвовали в историческом походе Ермака Тимофеевича (1580—1582), в сражениях с полчищами сибирского хана Кучума. В результате этого похода произошло значительное расширение Московского государства, его восточная граница далеко отодвинулась на восток. Началась массовая миграция русского населения в Сибирь, снаряжались все новые и новые экспедиции, устремлявшиеся в глубь сибирских просторов. В землях сибирских строились новые города и крепости-остроги, осваивались пахотные угодья. И в этот процесс вносили свой большой вклад поморы. Люди предприимчивые, искусные корабельщики, промысловики, они передавали свой опыт народам Сибири и сами многому учились у них.

Велика была роль выходцев из Поморья в освоении Северо-Западной Сибири. Для продвижения в этот район использовался старинный морской путь, так называемый Мангазейский морской ход. Путь этот начинался в северодвинском устье. Отсюда мореходы плыли Баренцевым морем, огибали полуостров Канин и далее попадали в один из двух проливов, разделенных островом Вайгач,— Карские Ворота или Маточкин Шар, выходя в Карское море. Продолжая плавание этим морем, подходили к полуострову Ямал. Можно было обогнуть

его с севера, чтобы попасть в Обскую губу. Но мореходы предпочитали пересечь Ямал внутренними водными путями, мелководными речками и озерами, доступными для мелкосидящих кочей. При этом приходилось преодолевать и короткие волоки. Из Обской губы плыли в Тазовскую. Через порожистые правые притоки Таза и волок можно было выйти в Турухан, левый приток Енисея.

В 1601 году, еще, вероятно, до рождения героя нашего повествования, на реке Таз, километрах в двухстах от его устья, отряд русских служилых людей под предводительством В. М. Рубца-Масальского основал город Мангазею. Название это произошло от имени обитавшего здесь одного из ненецких племен. Очень скоро город приобрел значение важнейшего опорного пункта русских и центра торговли в Северо-Западной Сибири. Здесь проходят многолюдные ярмарки. Только в 1610 году в Мангазее пришло 16 кочей. В некоторые годы отсюда вывозилось до ста тысяч соболиных шкурок. Город быстро растет, и уже в 20-х годах в Мангазее насчитывалось более двух тысяч жителей. По тому времени это был крупный для Сибири населенный пункт. Жители города занимались главным образом меновой торговлей с ненцами, пушным и рыбным промыслом. Были среди них, как можно судить по археологическим находкам, и искусные корабелы, кузнецы, плотники, мастера прикладного искусства.

В 1627 году московское правительство наложило запрет на пользование Мангазейским морским ходом с целью предотвратить проникновение иностранных торговых кораблей. Это, а также освоение южного пути на Енисей через правый приток Оби Кеть и Кетский волок подорвали значение Мангазеи. Город хиреет, приходит в упадок, уменьшается его население.

На Енисее русские появились еще в конце XVI века. А в 1607 году при впадении реки Турухан в Енисей был заложен Туруханский острог. Отсюда русские пер-

вопроходцы достигали енисейского устья и реки Пясины. Еще в 1610 году этот путь проделал торговый человек Кондратий Курочкин. Из Пясины они проникали по волокам в верховья Хеты, в южной части Таймырского полуострова, и по Хете спускались в Хатангу и выходили в Хатангский залив. Видимо, этим путем шел в 40-е годы стрелецкий десятник Василий Сычев, основавший на реке Анабар ясачное зимовье. Река эта впадает в Анабарский залив моря Лаптевых чуть восточнее Хатангского залива. При выходе из него промышленные люди открыли остров с лежбищем моржей. Ныне этот остров назван именем Бегичева. Как пишет исследователь М. И. Белов, большой знаток истории освоения Арктики, позднейший открыватель этого острова Н. А. Бегичев обнаружил здесь развалины древней избы, а также пять стрелецких секир, образцов русского холодного оружия XVII века. В избе, расположенной на самом берегу, в одном ее углу лежали шахматы, подобные тем, какие были найдены на городище Мангазеи.

Есть все основания предполагать, что между устьем Пясины и устьем Анабара, огибая полуостров Таймыр, и далее к Лене в благоприятные годы русские мореходы совершали морские плавания. Это предположение подкрепляется археологическими находками и документами Якутской приказной избы.

Освоение русскими людьми западной и средней части Северного морского пути стало выдающимся событием в истории развития отечественного арктического мореплавания. И этому помогал многовековой опыт, накопленный поморскими мореходами и кораблями.

Помимо морского пути с нижнего Енисея на Лену, русские стали осваивать в начале XVII века и второй путь — через Нижнюю Тунгуску, правый большой приток Енисея. Имелись два его варианта. В первом случае подымались по Тунгуске до ее среднего течения, до крутого поворота реки на юг, по ее мелким правым прито-

кам. Переходили волок на Вилюйском хребте и выходили на Вилюй, левый ленский приток. Во втором случае плыли до самых верховьев Нижней Тунгуски, где она совсем близко подходит к Лене. И оттуда перебирались через горную цепь, так называемый Чечуйский волок, на Лену в районе теперешнего города Киренска.

Семен Иванов Дежнев, в просторечье Семейка, о котором мы ведем речь, родился в поморской семье. Вырос среди поморов, людей предприимчивых и непоседливых, дерзко отважных и мужественных, свободолюбивых и несгибаемых перед трудностями. С молодых лет привились к Дежневу черты поморского характера, пытливость, жажда неизведанного, нового, дальних скитаний. Среди его родичей, соседей, друзей-сверстников наверняка были мореходы, участники плаваний по Студеному морю и люди, ставшие сибиряками. Нетрудно предположить, что с ненасытной жадностью слушал молодой помор рассказы земляков, побывавших в Сибири, завидовал их подвигам. Все чаще задумывался — а не попытать ли и ему счастья за Каменным поясом? Не податься ли в Сибирь, которая звала и манила его?

Вернемся же в поморскую избу...

Долго неторопливый рассказ бывалого человека. Тускло мерцает в жарко натопленной избе светильник. Погрузились в темноту почерневшие от копоти лики святых угодников в медных червлёных окладах, сработанных устюжскими умельцами.словно крохотное отражение светильника краснеет фитилек лампы. Теребят свои окладистые бороды старики, раздумывая. Вот же жизнь долгую прожили, немало на веку своем лиха хватили, а такого не видали. Начать бы все сначала, да повидать Сибирь с ее реками великими, просторами необъятными, народами диковинными да соболями себрыстыми.

Притихли парни, насупились. Девки не задирают. Притих и Семейка Дежнев. Засела в голову дума крепкая. Говорят, в Устуге тамошний воевода вербует мо-

лодых мужиков и парней в сибирское казачество. Не податься ли?

Ведет свою речь бывалый человек...

А на островах Студеного моря морж водится. Цена моржовому клыку, или, как еще его называют, «рыбьему зубу», велика. Искусные мастера всякие безделушки из того клыка сотворяют, и для самого царя, и для бояр его ближних, и для гостей иноземных. Говорят, у государя московского трон дивной красоты, резной моржовой костью разукрашен. А за Енисеем еще одна великая река к Студеному морю течет. Сам он на той реке не бывал, а слышал про нее от тунгусов бродячих. Говорят, самая великая река на всей сибирской земле. А что за ней, какие дальние реки текут, какие народы обитают, никто того не знает. И где то море Студеное кончается — тоже никому не ведомо.

«Будет ведомо», — думает Семейка. И опять упрямая, неотвязная мысль сверлит мозг. Не податься ли в Сибирь? Не уйти ли с очередной партией служилых людей, которую собирает устюжский воевода? Чтобы открывать дальние реки, найти самый край земли сибирской.

Так ли зародилось у Семена Дежнева неистовое стремление отправиться в Сибирь? Этого мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем. Наш рассказ бывалого человека, который произвел неизгладимое впечатление на Семейку, — это литературная версия, подсказанная авторским домыслом.

До обидного мало сохранилось документальных биографических свидетельств о славном землепроходце. Это прежде всего составленные им самим отписки (донесения) и челобитные, наиболее ценные документы. Их немного, всего лишь несколько, и они освещают его жизнь и деятельность только за ограниченный период. Среди отписок Дежнева особое значение имеют две первые, адресованные якутскому воеводе И. П. Акинфову. Долгое время они были известны лишь в копиях, вы-

полненных для Миллера со множеством описок. Лишь в 1951 году были обнаружены в Архиве древних актов их подлинники. Есть еще некоторое количество документальных материалов его сослуживцев, современников, воевод, в которых можно найти скупые и разрозненные упоминания о Дежневе. Какими-то бумагами, не дошедшими до нас, либо пока не обнаруженными в архивах, располагал русский историк XVIII века Г. Ф. Миллер, посетивший Восточную Сибирь и работавший в архиве Якутска. Сведения, касающиеся Дежнева, почерпнутые из этих бумаг, можно найти в трудах этого ученого. Кстати, Миллер первый из русских историков обратил внимание на яркую фигуру Дежнева и нашел для него место в своих работах. Все, что известно нам о Дежневе из документальных источников, а не из домыслов различных авторов (таких домыслов было немало), относится в основном к зрелому и позднему периоду его жизни. Достоверно неизвестна дата его рождения. Исследователи ведут полемику и относительно наиболее вероятного места, где он мог родиться.

Все же постараемся воссоздать жизненный путь первопроходца на фоне исторической обстановки в Северо-Восточной Сибири середины — конца XVII века, истории русского освоения края этого периода.

2. ПОМОРСКИЙ УРОЖЕНЕЦ

С большой долей вероятности датой рождения Семена Ивановича (Иванова) Дежнева можно считать 1605 год, хотя до сих пор исследователи не располагают какими-либо документами, подтверждающими эту дату. Она может считаться гипотетической, приближенной. «Год его рождения нам неизвестен, но можно без большой ошибки предположить, что родился он

около 1605 г.», — пишет выдающийся советский ученый-географ, исследователь Арктики В. Ю. Визе. Эту же предположительную дату можно встретить и в работах ряда других авторов.

Как мы увидим дальше, Дежнев, по всей видимости, отправился в Сибирь в 1630 году. Начиная самостоятельный нелегкий жизненный путь, на который Семен Иванов мог вступить, будучи физически зрелым человеком. Если согласиться с вышеуказанной датой рождения, то первопроходец отправился в далекий путь в возрасте двадцати пяти лет. Это вполне реально.

Относительно места рождения Дежнева среди исследователей нет единого мнения. Многие склоняются в пользу Великого Устюга. Такого мнения придерживается, например, В. Ю. Визе, напоминая, что из этого же города вышли также и другие известные землепроходцы: Поярков, Хабаров, Атласов, впоследствии прославившиеся своими географическими открытиями. Таким образом, согласно этой версии, Дежнев был одним из славной плеяды устюжан. Сами устюжане чтят Семена Ивановича как своего выдающегося земляка. В этом автор смог убедиться, побывав в начале 80-х годов в Великом Устюге. В центре этого красивого старинного города возвышается памятник Дежневу. Его именем названа одна из городских улиц. В краеведческом музее Дежнев представлен как один из замечательных устюжан. Когда я, беседуя с сотрудниками этого музея, попросил привести доводы в пользу устюжского происхождения Дежнева, то услышал следующее: «Какие еще могут быть доводы? Разве можно сомневаться в том, что он устюжанин? И в самом городе, и в районе живут Дежневы. Наверное, это потомки землепроходца».

Биографы, обосновывая устюжское происхождение Дежнева, ссылаются на его челобитную, поданную на имя царя во время его пребывания в Москве в 1665 году. В ней содержится просьба взять с собой в Сибирь племянника Ивашку с женой Татьянкой. О нем сооб-

шается вскользь: «А племянник мой, Ивашко Иванов, живет на Устюге Великом ни в тегле, ни в посаде — скитаецца меж двор с женою своею...» Это воспринималось исследователями как косвенное подтверждение устюжского происхождения и самого Семена Ивановича Дежнева. Коль племянник живет в Устюге Великом, стало быть, и вся семья Дежневых устюжане.

Довод этот натянут, крайне неубедителен. Это станет очевидным, если вдуматься в слова челобитной. Из нее вовсе не следует, что Ивашка был уроженцем Великого Устюга и постоянно жил в этом городе. Он, по-видимому, принадлежал к категории «гулящих людей», не имевших ни кола ни двора, скитавшихся по городам и селам. Именно это и имел в виду Семен Дежнев — «живет на Устюге Великом ни в тегле, ни в посаде — скитаецца меж двор...». Если бы здесь проживали другие Дежневы, Ивашка мог бы, пожалуй, рассчитывать на их помощь и содействие. Скорее всего он был пришлым, без глубоких корней в городе и поэтому готов был следовать за дядей в далекую Восточную Сибирь. Примечательно и свидетельство М. И. Белова, исследователя жизни и деятельности Дежнева, просмотревшего писцовые книги города Великого Устюга, которые составлялись в 1630 и 1676 годах. В книгах перечислялось все городское население, но фамилии Дежневых в них не значилось. Следовательно, убедительных доказательств устюжского происхождения Семена Ивановича Дежнева в нашем распоряжении нет. Предки тех Дежневых, которых упоминали нам работники Великоустюжского краеведческого музея, очевидно, появились в городе в значительно более позднее время.

М. И. Белов считает с большим основанием родиной Семена Ивановича Пинегу. Речь идет о большом правом притоке Северной Двины, то есть местности более северной. Действительно, фамилия Дежневых неоднократно упоминается в разных документах XV—XVII веков, имеющих отношение к Волокопинежской волости.

Что нам известно из этих документов? В первые годы XVII века Дежневым принадлежали земля и двор в вышеуказанной волости. Среди них назван Иван Иванович Дежнев, ушедший в «давние времена» на заработки. Не тот ли это Ивашка Иванов, за которого хлопотал его дядя перед царем? Очень может быть, хотя полной уверенности в этом нет. Ведь речь могла идти и о каком-то тезке дежневского племянника Ивашки. Кстати, фамилия Дежневых довольно распространенная на русском Севере. Происходит она от старинного слова «дежа». «Словарь русского языка XI—XVII вв.» так определяет его значение: «Деревянная кадка, в которой ставят тесто или хранят продукты». Слово «дежа» могло служить прозвищем одного из дежневских предков, могло и указывать на его профессиональные навыки — искусен в бондарном ремесле. Фамилия эта скорее всего простонародная, крестьянская. Крестьянин-помор был мастер на все руки. Мог и отменную кашушку-дежу смастерить.

Более ранние упоминания пинежских Дежневых мы находим в документах второй половины XVII века, а именно — в памятных грамотах двинских воевод Ивана Милославского и Андрея Матвеева Черногорскому монастырю. В них отражена многолетняя тяжба крестьян Сояльского стана Волокопинежской волости, в их числе и Дежневых, с монастырской братией из-за земельных угодий по речке Сояла и Сояльскому озеру, речке Шуне и озерку Шунойскому. Воевода Андрей Матвеев своей памятной грамотой от 17 января 1692 года (когда Семена Ивановича уже не было в живых) сообщал о своем решении возратить пинежским крестьянам их земли, захваченные монастырем. Итак, тяжба закончилась в пользу крестьян. Среди них упоминался и некий Пашка Федоров, сын Дежнев.

Самое же раннее документальное упоминание Дежневых относится к концу XVI века. Оно связано с судебной тяжбой двух пинежских волостей из-за сенокос-

ных угодий. Среди участников этого дела упоминается Яков Дежня. По-видимому, Дежня — производное от фамилии Дежнев, либо, наоборот, прозвище, послужившее основой этой фамилии.

Мы видим убедительные доказательства того, что на Пинеге еще в XVI веке (а возможно, и ранее) проживали крестьяне-поморы Дежневы. Не только Великий Устюг, но и Пинега дала Родине замечательных первопроходцев, мореходов. Выходцев с Пинеги можно было встретить и в арктических просторах, и в далекой Восточной Сибири. Пинежане Иван Угрюмов и Федул Угрюмов заслужили похвалу от Бориса Годунова за походы в Мангазею, а Леонтий Иванов Шубин Плехан в 1601—1602 годах плывал с Двины по Мангазейскому ходу.

Вся деятельность Семена Ивановича, его опыт морехода, пытливый характер землепроходца, острая наблюдательность — все это проявления поморских традиций, накопленных веками. Таким мог быть и пинежанин. К сожалению, документы не дают бесспорных подтверждений прямой родственной связи упоминавшихся выше пинежан Дежневых с Семеном Дежневым. Хотя и можно говорить о большой вероятности пинежской версии происхождения землепроходца, более вероятной, нежели великоустюжская, абсолютной уверенности в ней у нас нет.

Не можем не упомянуть еще об одной версии. Она пока не подкреплена серьезными научными публикациями и неизвестна исследователям. Пока нет оснований соглашаться с этой версией, как и начисто отвергать ее. Поэтому ограничимся констатацией того, что такая версия выдвигалась. Во время своей поездки в Великий Устюг в начале 80-х годов автор имел возможность познакомиться в редакции районной газеты «Советская мысль» с одним местным краеведом, сотрудничавшим с ней. Это был уже пожилой человек, одержимый энтузиаст, горячо влюбленный в свой город, свой

край. Он увлеченно рассказывал об истории старинного города, водил по достопримечательным местам, горько сожалел, что замечательные исторические здания реставрируются слишком медленно. Мой новый знакомый поведал о другом краеведе, многие годы собиравшем литературу и всякие материалы по истории края. В его архиве будто бы оказалась старинная книга метрических записей из давно несуществующей церкви села Нюксеница. Село это расположено на левом берегу реки Сухоны, километрах в полутораста выше Великого Устюга. В той книге будто бы содержалась запись о рождении Семена Ивановича Дежнева, подтверждающая таким образом, что землепроходец — уроженец села Нюксеница. Поскольку село это находилось не слишком далеко от Великого Устюга, то с определенной натяжкой Дежнева можно считать устюжанином. Дату рождения, записанную в книге, мой знакомый не мог припомнить, но, по его словам, она выглядела правдоподобно. Он также уверял меня, что лет двенадцать назад или ранее (точную дату публикации он также не помнил) вологодская областная газета «Красный Север» публиковала заметку о нюксенинской находке, выдвигавшую новую версию о месте рождения Семена Дежнева. Владелец драгоценной церковной книги ушел из жизни. Его библиотека и архив оказались расхищенными. По предположению моего знакомого, старинный фолиант мог попасть к приятелю покойного, который тоже увлекался краеведением. Но и он умер, а все его книги и бумаги были увезены его родственниками в другой город. Так что ниточка к таинственной книге пока обрывается. На мои расспросы в Великоустюжском архиве и краеведческом музее последовал определенный ответ — о таковой книге ничего не слышали, в руках ее не держали.

Принимать всерьез эту версию, очевидно, было бы возможно, лишь имея перед глазами метрическую запись в книге из Нюксеницы и убевившись в том, что

проставленная в записи дата не противоречит примерной предполагаемой дате рождения Семена Ивановича. В крайнем случае необходимо располагать газетной публикацией, основанной на свидетельстве той книги. На наш запрос в вологодскую газету «Красный Север» сотрудники отдела культуры редакции ответили, что не помнят о такой публикации. Возможно, она и была, но давно. А возможно, ее пропускал кто-то из прежних сотрудников, которые ныне в газете уже не работают. Наши попытки отыскать заметку краеведа в библиотечных подшивках пока не увенчались успехом. Очевидно, мой знакомый устюжанин назвал время публикации ориентировочно, не точно, и, чтобы найти ее, потребовалось бы просмотреть подшивки по крайней мере за целое десятилетие. И не ошибочно ли упомянута газета «Красный Север» вместо областной молодежной газеты «Вологодский комсомолец» или же одной из районных газет? Все может быть.

Отбросим же пока нюксеницинскую версию как не подкрепленную зримыми источниками. Она может послужить лишь отправной точкой для дальнейших поисков, которые, быть может, и сулят интересные открытия. Если же обобщить все достоверные упоминания о Дежневых, связанные с конкретными географическими пунктами русского Севера, которыми располагают исследователи на сегодняшний день, то напрашивается следующее осторожное заключение. Семен Иванов Дежнев родился в поморской крестьянской семье, где-то на русском Севере, возможно, на Пинеге, и вряд ли в Великом Устюге, как это утверждают некоторые биографы. Маловероятно и утверждение о его происхождении из посадских людей.

Как провел свои ранние годы Семен Дежнев? Очевидно, с малолетства приобщался к нелегкому и многообразному труду крестьянина-помора. Помогал родителям в хозяйстве, ходил со старшими на промыслы, научился владеть оружием, ставить рыболовные снасти и

ловушки на зверя, обучался разным ремеслам, прежде всего плотницкому, овладел основами кораблестроения.

Из документов известно, что в 1630 году производился большой набор вольных людей на сибирскую службу. Набирали для Тобольска 500 мужчин и в Енисейский острог служилым людям и пашенным крестьянам на женитьбу 150 девок. Весьма возможно, что и Дежнев попал в этот набор. Пунктом формирования отряда, следующего в Сибирь, был Великий Устюг. В этот город стекались люди, откликнувшиеся на призыв, из Тотьмы, Сольвычегодска, Вологды, Холмогор, с Пинег, Мезени. Среди пожелавших отправиться в Сибирь было много и устюжан.

Какие причины побуждали людей покинуть насиженное место и отправиться в неизведанную даль? Причины были разные. Многих манила жажда познания, возможность стать участниками трудных, опасных походов, первооткрывателями. Сказывались предприимчивый, непоседливый поморский характер, влияние рассказов бывалых людей о сказочно богатой, необъятной Сибири. Люди социально неустроенные, обнищавшие, лишившиеся земельного надела и двора, вынужденные скитаться, искали лучшей доли. Они надеялись, что их новая сибирская служба принесет им долгожданную удачу, достаток, а может быть, и неведомое доселе богатство. Вероятно, и Семен Дежнев руководствовался этими же мотивами, отправляясь в Великий Устюг с напутствием родных и домашней снедью на долгий путь. Великого Устюга он никак не мог миновать. В этом городе начинался долгий северный путь к Уралу и далее в Зауралье. Стекались сюда поморские мужики и парни, рослые, крепкие. Кто постарше — с окладистой русой бородой. Шли лесными тропами и проселками, прибываясь к купеческим обозам, плыли на лодках и стругах, налегая на весла. Приносили с собой котомки, берестяные коробки с харчишками на первое время, нехитрым скарбом, инструментом и родительским образ-

ком. Растекались по постоянным дворам, обывательским избам. И в ожидании общего сбора на воеводском дворе слонялись по городу, дивились на чудные хоромины и храмы. Казался город поморским мужикам и парням невиданно огромным и сказочно красивым.

Раскинувшийся на высоком левом берегу Сухоны напротив впадения в него Юга, Великий Устюг был крупным торговым и административным центром. Город имел бурную историю. Знал он набеги новгородских ушкуйников, бывал втянут в кровавые княжеские усобицы, страдал от набегов вятичей и черемисов. Не раз опустошала его страшная моровая язва. Но выстоял Великий Устюг, отстраивался, рос, украшался новыми храмами и палатами, встречал заморских гостей-купцов.

Городские постройки были преимущественно деревянными. Интенсивное каменное строительство началось здесь с середины XVII века. Опись, составленная в 1630 году, именно в тот самый год, когда в город стекались отовсюду по призыву воеводы люди, дает наглядное представление о Великом Устюге. Собственно город состоял из детинца-кремля и примыкавшего к нему с запада Большого острога. Их окружали бревенчатые стены с башнями. В некоторых башнях были проезжие ворота. Общая протяженность городских стен достигала трех с половиной километров. Парадным востогом в город служили ворота в северной стене детинца. Над ними виднелся образ Спаса Нерукотворного. Поэтому ворота и назывались Спасскими. Через подъемный мост можно было попасть в торговую часть города, где находились лавки и палаты купцов, была сосредоточена вся деловая часть города. Купеческие хоромы отличались от изб бедного люда, они строились в два, а то и три этажа, украшались нарядными крылечками, галереями-гульбищами, резными карнизами, башенками. Их окружали многочисленные хозяйственные постройки, амбары, конюшни. Улицы были кривы-

ми и узкими. Сходились они к городским площадям, украшенным храмами. Храмов было много. Строились они обычно парами — теплый для службы в зимнее время и холодный, приспособленный для службы лишь в летний сезон. В детинце находились воеводские палаты, административные здания и главная городская площадь, где горластые бирючи выкрикивали распоряжения воеводы и царские указы. А за стенами города раскинулся посад, где обитал ремесленный люд, лодейщики, гончары, кузнецы, а также рыбаки, огородники.

Великий Устюг был городом искусных умельцев, обладавших высоким художественным вкусом. Среди их изделий особенно славилась устюжская чернь. Червлёные золотые и серебряные чаши, блюда, ковши, женские украшения покрывались тонким узорчатым орнаментом. Резчики по дереву создавали красивую мебель для палат богатых купцов и приказных, различную утварь, царские врата для храмов, представлявшие сложные рельефные композиции. Нередко в северных церквях можно было встретить скульптурные изображения святых, что было противно строгим христианским канонам. Но для талантливых мастеров, мыслящих реальными земными образами, религиозные каноны оказывались тесными, и они смело обходили их. Сложилась в Устюге и своя самобытная школа иконописной живописи. А еще устюжские умельцы работали по финифти и филиграни, литью и камню, гипсу и бересте, и нередко их изделия шли в Москву и даже в заморские страны.

С превеликим любопытством бродили поморы по лавкам, разглядывали творения рук устюжских мастеров, дивились и восхищались. Бывало, встречали они в лавках и иноземных купцов, падких на чернь, финифть и другие русские диковинки.

Великоустюжские купцы богатели, будучи силой влиятельной на русском Севере. Имея деловые связи с

крупными торговыми домами Ярославля, Нижнего Новгорода, Москвы, да и с заморскими торговыми людьми, они вели операции на Двине, в Печорском крае и Приуралье, посылали свои частные торгово-промышленные экспедиции во главе с расторопными приказчиками и в Сибирь. Купечество было кровно заинтересовано в освоении и заселении сибирских просторов и всемерно поддерживало усилия властей по привлечению на сибирскую службу все новых и новых людей. Среди богатых устюжских купцов, заинтересовавшихся широкими торговыми операциями в Сибири, выделялись Гусельниковы. Их интересовали Северный морской путь и еще не исследованные к тому времени русскими просторы Северо-Восточной Сибири.

Но не одних русских привлекали северные моря и сибирские земли. Сюда рвались и наиболее развитые по тем временам европейские державы, в первую очередь Англия и Нидерланды, располагавшие значительным морским флотом. Развивая деловые связи со своими иноземными партнерами, русские купцы и промышленники вместе с тем не без опаски следили за их активностью в северных морях, у поморских берегов. Основания для такой опаски были.

Еще при царе Иване Грозном, в августе 1553 года, приплыл в Холмогоры английский корабль капитана Ричарда Ченслера (Ченслора). В Англии уже шел процесс первоначального накопления капитала, пробивались ростки новых капиталистических отношений, расширялись основы феодального уклада жизни. Богатое лондонское купечество, заинтересованное в расширении рынка сбыта своих товаров, снарядило морскую экспедицию из трех кораблей. Перед ней ставились две задачи — исследовать морской путь вокруг Северной Европы и установить торговые связи с Московским государством. Судьба экспедиции складывалась неблагоприятно. Буря разбросала суда по бушующему морю. Корабль Ченслера «Эдуард — Благое Предприятие»,

потеряв из вида другие два судна и безуспешно прождав их в установленном месте, оказался единственным судном экспедиции, достигшим северодвинского устья. Остальные были затерты льдами в Баренцевом море. Их экипажи во главе с начальником экспедиции Х. Уиллоуби погибли от холода и лишений.

Из Холмогор Ченслер отправился в дальнейшее путешествие в глубь Московии и достиг Москвы, где был радушно принят и обласкан Грозным. Выезжая из столицы Московского государства в обратный путь в марте 1554 года, английский мореплаватель располагал грамотой Ивана IV на право свободной торговли с русскими. Опытный и зоркий моряк, разбитой разведчик, Ченслер собрал интересные наблюдения о жизни москвитов. Успех его миссии послужил основанием для учреждения в Англии акционерного общества «Московской компании», которой предоставлялось право монопольной торговли с Московским государством. Так английские деловые круги проложили дорогу в Москву.

Примеру Ченслера последовали и другие английские мореплаватели. Вскоре после его посещения Московии двое англичан, Томас Соутэм и Джон Спарк обследовали Онежскую губу Белого моря и пытались выяснить возможность пройти через реки, озера и волоки Карелии в Онежское озеро. Иными словами, англичан интересовал путь, соответствующий трассе современного Беломорско-Балтийского канала, через который они могли бы в конце концов добраться до Новгорода.

Уильям Бэрроу, спутник Ченслера, в 1556 году совершил плавание в Баренцево море на небольшом судне «Серчрифт» из Лондона, вокруг Скандинавского полуострова. Он достиг Новой Земли и пытался плыть далее на Восток. Но проникнуть в Карское море ему не удалось из-за сплошных заторов льда. Бэрроу зазимовал в двинском устье. У русских поморов он стремился выведать сведения об условиях плавания к устью Оби.

Бэрроу составил карту побережья Баренцева моря, которой потом пользовались английские моряки.

Англичане замыслили открыть северо-восточный проход в Китай, обогнув с севера Азиатский материк. В поисках этого пути проявляло заинтересованность лондонское купечество, стремившееся к развитию и расширению торговли со странами Восточной Азии. Подобные честолюбивые замыслы опирались на смутные слухи о существовании какого-то загадочного пролива Аниан, который якобы разделяет где-то далеко на Востоке Азиатский и Американский материки. Упоминание этого пролива встречалось порой в сочинениях географов того времени. Расплывчатые, неопределенные высказывания, которые истолковывались в свое время как указание на существование такого пролива, мы находим еще у более ранних средневековых арабских авторов, таких, как Аль-Идриси, Абу-ль Фида и другие. На географических картах пролив Аниан иногда показывался, а иногда отсутствовал. Единого мнения относительно реальности его существования у картографов не было. Если пролив на карте отсутствовал, то Азия и Америка выглядели тогда нераздельной массой суши.

И у русских людей давно возникала мысль, что если плыть Студеным морем все дальше и дальше на восток, то можно достичь теплых восточных стран. Эта мысль нашла отражение в высказываниях посольского дьяка Григория Истома (он же Дмитрий Герасимов), побывавшего в начале XVI века в Западной Европе, в Риме. Дьяк посетил папу римского Климента VII Медичи в качестве посла великого князя Московского Василия III. Через некоторое время после этого визита появилась книга итальянского ученого Павло Иовия, в которой автор, вероятно познакомившись с высказываниями московского дипломата, писал: «Достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несет-ся в стремительном течении к северу, и что море там имеет такое огромное протяжение, что по весьма веро-

ятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли».

На обратном пути Григорий Истома побывал в Аугсбурге, в Германии и встречался там с учеными космографами. Беседуя с ними, он высказал мысль, что Северным морским путем можно достичь Китая и островов пряностей, то есть Молукк. Высказывание это стало, по-видимому, широко известно среди картографов и мореплавателей западноевропейских стран. Роберт Торн, купец из Бристоля, обратился в 1527 году к королю Англии Генриху VIII с письмом, стараясь заинтересовать его поисками северного пути в восточные страны. «С небольшим числом судов можно открыть многое множество новых стран и королевств... причем для открытия их остается один путь, северный», — писал он.

Знаменитый западноевропейский картограф Герард Меркатор, живший в XVI веке, показывал на своей карте 1538 года Азию и Америку разделенными проливом, еще пока безымянным. Очевидно, он знал о рассказе Герасимова, возможно, по книге Павло Иовия. Однако у некоторых скептиков карта эта вызвала серьезные критические замечания. Английский исследователь Дж. Бейкер, автор интересной книги «История географических открытий и исследований» (у нас эта работа издавалась в переводе с английского в 1950 году), справедливо писал, что контуры побережья на карте Меркатора нанесены «только на основании догадок, что объясняется тем, что никто в Европе того времени не располагал ясными или хотя бы неясными представлениями об этих областях».

На итальянской карте, составленной Дж. Гастальди (1562), пролив уже получает имя Аниан. Название это было, вероятно, заимствовано из сочинений знаменитого путешественника Марко Поло. Находим мы Ани-

ан и на карте «Татарии» (как называли в Западной Европе Сибирь) Авраама Ортеля (1570).

Не будем касаться всех сумбурных и противоречивых страниц истории мировой картографии, связанных с загадочным проливом Аниан. Вокруг этого названия в свое время велось много споров. Для нас же важно другое — что послужило основанием для слухов об Аниане? Можно ли его идентифицировать с Беринговым проливом, разделяющим Азиатский и Американский материки? Если да, то можно ли согласиться с тем предположением, что еще задолго до открытия пролива русскими мореходами до Западной Европы доходили какие-то прямые или косвенные сведения о его существовании?

Не могли ли, скажем, получить сведения о проливе через североамериканских индейцев испанцы, плававшие из Мексики на Север, вдоль Тихоокеанского побережья еще в первой половине XVI века? В этот период снаряжалось несколько испанских экспедиций, ходивших этим маршрутом. Наиболее удаленной точки (все-го лишь 41° с. ш.), соответствующей одному из прибрежных пунктов современной Северной Калифорнии, достигла экспедиция Хуана Родригеса Кабрилло (1543 г.). В 1579 году знаменитый английский пират Фрэнсис Дрейк, ставший потом адмиралом королевского флота, предпринял грабительскую экспедицию к западным берегам американских владений в Испании. Но и ему удалось дойти только до 42° с. ш. Так что предположения о том, что испанцам или англичанам могли стать известными какие-то сведения о проливе, совершенно неубедительны.

В основе слухов об Аниане лежала прежде всего интуиция ученых и мореплавателей, подсказывавшая, что между двумя материками где-то на севере может и должен существовать пролив. Но эта версия не подкреплялась никакими реальными фактами. Представления об Аниане основывались на искаженных сведениях

о каком-то реальном, но более южном проливе, о котором картографы знали со слов путешественников. Может быть, это один из проливов между Японскими островами? В одном из западноевропейских сочинений мы находим такое описание Анианского пролива. В него впадает река, берега которой заросли деревьями, дающими плоды круглый год. На лугах пасутся буйволы и свиньи. В гавани стоят китайские корабли с товарами и т. п. Совершенно очевидно, что этот реальный Аниан никак не мог отождествляться с Беринговым проливом, с его голыми скалистыми берегами и льдами, покрывавшими его большую часть года. Прав академик Л. С. Берг, писавший: «Приурочение названия «Анианский» к проливу между Азией и Америкой не имеет за себя никаких разумных оснований и есть плод незнакомства с топографией Восточной Азии».

Но фантастические слухи об Аниане, о возможном пути через северные моря к богатым странам Востока манят алчных британских купцов. Они снаряжают новую экспедицию Пэта и Дэкмена с целью открытия северо-восточного прохода. Но, пройдя за Вайгач, мореплаватели встретили неблагоприятную ледовую обстановку. Хотя и был конец июля, Карское море оказалось забито льдами. Английские моряки вынуждены были повернуть назад, ограничившись новым обследованием Баренцева моря. Было очевидно, что европейские суда того времени не могли считаться приспособленными для плаваний по полярным морям.

Проникали в воды, омывающие русский Север, корабли не только Англии, но и других западноевропейских морских держав. Голландский мореплаватель из Амстердама Виллем Баренц, веривший в существование Анианского пролива, также пытался открыть Северный морской путь в Китай. Он принимал участие в двух морских экспедициях, достигших Новой Земли, а в 1594 году проник через Вайгачский пролив в Карское море. Через два года он отправился в новое плавание

в качестве главы экспедиции. Оно окончилось для голландских мореплавателей трагически. Корабль, затертый льдами, зазимовал у берегов Новой Земли. Здесь путешественники провели в страшных лишениях тяжелую арктическую зиму, питаясь мясом убитых ими белых медведей и песцов и страдая от холода. Но и на следующее лето (1597) льды не рассеялись. Экипаж во главе с Баренцом вынужден был бросить неподвижный корабль, и, достигнув открытой воды, отправиться на двух утлых челноках в направлении материка. Пять участников экспедиции, в том числе и сам Баренц, погибли дорогой от истощения. Останки погибших мореплавателей похоронили в ледяной пустыне. Оставшиеся в живых добрались с невероятными трудностями до Колы.

Отдадим должное мужеству и героизму английских, голландских и иных западных полярных мореплавателей. Склоним голову перед прахом Баренца, чье имя заслуженно носит Баренцево море. Но не станем забывать и другого. Все эти люди выступали как разведчики лондонских и амстердамских толстосумов. Их страсть к обогащению, жажда наживы заставляла вести поиски новых торговых путей, богатых земель, объектов своей будущей колониальной экспансии. Во время польско-шведской интервенции немецкий авантюрист Генрих Штаден, долго живший в Москве, предлагал германскому императору Рудольфу II и шведскому королю Юхану III план завоевания России путем нанесения ей удара с Севера. По его мнению, для осуществления такого плана было бы достаточно двухсот кораблей с двумястами орудий и несколько десятков тысяч солдат, а ослабленное войной, усобицами и голодом Русское государство не сможет противостоять завоевателям.

Власти Московского государства видели угрозу и тревожились, даже принимали меры, чтобы оградить свои государственные интересы. Закрытие в 1627 году морского пути к Мангазее можно расценивать как про-

текционистское мероприятие, имевшее целью предотвратить проникновение иностранцев в Северную Сибирь. Мангазейский ход не мог надежно контролироваться правительством, и поэтому много пушнины беспощадно уходило за границу.

Не зря тревожились московские власти, а с ними и холмогорские, устюжские и столичные купцы. Спешили с заселением и освоением сибирских просторов, посылали смелых землепроходцев в новые экспедиции, которые уходили все дальше и дальше на восток, открывали все новые и новые реки, земли и хребты, приближаясь к Тихому океану. Инициатива этого продвижения на восток принадлежала как центральной власти, так и промышленным и торговым людям Сибири, представлявшим интересы крупных торговых домов страны.

А в воеводской канцелярии Великого Устюга подьячие скрипели гусиными перьями, выводили каллиграфическим почерком с завитушками на толстой шершавой бумаге имена. Дошла очередь и до Семена. Семейка сын Иванов, по прозвищу Дежнев, из волости... лет от роду... Подьячий старательно выводил буквы и, дойдя до последней, поставил замысловатую загогулину. Людей отбирали на сибирскую службу не слишком придирчиво. Лишь бы увечным и хилым не был или беглым воругой, разыскиваемым сыскными приставами. Разве насытишь Сибирь — прорву бездонную людишками? Просят людишек сибирские воеводы, слезно просят. Нужны они и Tobольску, и Тюмени, и Березову, и Енисейску, и Томску, и Кузнецку, и далекому Туруханску. Все новые и новые города и остроги основываются русскими людьми по мере их продвижения на восток.

Наступил день проводов. Последний торжественный смотр на главной площади города. Выстроились шеренгами молодцы один к одному, рослы, плечисты. Кто статью не вышел, того в заднюю шеренгу, чтоб общего

благолепия не портил. А вокруг толпятся горожане: мастеровые, торговые, приказные, духовенство. В пестрой толпе мелькают и сермяги «гулящих людей», и рубища нищих, и форменные кафтаны стражников, и купеческая одежда из доброго сукна, и женские кацавейки, и черные поповские рясы. Вышел на красное крыльцо воеводского дома сам воевода медленной тяжелой поступью, как и положено по его высокому сану. За ним дьяки, сотники, соборный протопоп в полном облачении с дьяконом. Въедливо оглядел шеренги воевода, остался доволен статью поморских парней и мужиков. Сказал короткое напутственное слово. Служите царю нашему батюшке Михаилу Федоровичу, и отечеству, бога не забывайте, воровством не соблазняйтесь. Потом поп осенил крестом поморов, прочитал молитву за здоровье путников. Дьякон вторил ему густым громогласным басом. Всклинули бабы и девки, те, что провожали своих близких. Кто-то запричитал высоким визгливым голосом. Воевода махнул рукой — в путь, служилые.

Шагали нестройной колонной по узким, кривым улицам. Выходя из города через ворота одной из бревенчатых башен, истово крестились на надвратный образ. Толпа горожан провожала отъезжающих до Сухоны, где стояли на причале лодки и лодьи. Зареванная старуха повисла на плече у сына, голосила. Ей вторили из толпы. Сломалась шеренга, смешалась с толпой горожан. Засуетились приставы с секирами, пытались навести порядок, ругались матерно. Но тщетно. Взыли бабы все разом как по покойникам. Удастся ли когда-нибудь еще раз свидеться с сыном, братом, другом сердечным? Напоследок расщедрилось купечество, выставило бочонки хмельной браги. Гуляй, братва.

Погрузились в лодки и лодьи с нехитрым своим дорожным скарбом. Тронулись в путь. А толпа еще долго стояла на берегу и смотрела вслед удалявшимся суденышкам, пока не скрылись они за поворотом реки.

3. ДОРОГА В СИБИРЬ

Отряд выходил из Великого Устюга весной, по высокой воде. Из документов известно, что осенью 1630 года сто пятьдесят мужиков, завербованных на службу в Сибирь, прошли через Верхотурье в Тобольск. Были те мужики из самого Устюга и других северных районов. Мы предполагаем, что среди них мог оказаться и Семен Дежнев.

Многие недели и месяцы продолжался путь до Тобольска. Сперва шли Двиной, потом ее правым притоком Вычегдой мимо Соли Вычегодской. Еще в начале XVI века здесь поселились промышленники Строгановы из разбогатевших поморских крестьян, получившие от царя Ивана IV огромные земельные владения по рекам Каме и Чусовой. Они завели солеваренный промысел, развивали в своих вотчинах земледелие, пушной и рыболовный промысел, добычу руды. Семья Строгановых принимала непосредственное участие в организации в 1581 году похода Ермака. В XVI—XVII веках Соль Вычегодская становится важным экономическим и культурным центром Севера России, здесь процветали иконопись (Строгановская школа), различные художественные ремесла, торговля солью, железом, мехами. На берегу Вычегды возвышался величественный каменный Благовещенский собор, построенный еще в конце XVI века.

Из Вычегды поднялись по ее левому притоку Сысоле до Кайгородка. Оттуда лесными дорогами выходили на верхнюю Каму. Спускались по ней до Соликамска, где, очевидно, устраивался большой привал, пополнялись съестные припасы. Жители города издавна занимались соляным промыслом. В самом городе можно увидеть огромные бревенчатые амбары соляных варниц. Соликамск, или Соль Камская, обеспечивал в XVII веке более половины всех потребностей страны в

соли. Здесь сложились богатые и влиятельные династии купцов и промышленников, связанных с добычей и продажей соли. Город также приобретает важное значение, как промежуточный торговый пункт на пути из европейской части страны в Сибирь.

Дальнейший путь шел вверх по Усолке, притоку Камы, затем по другим небольшим речкам камского бассейна, через перевал у Павдинского камня. За перевалом находилась деревня Подпавдинские избушки. Дорога спускалась по восточному склону Уральского хребта, пересекала речку Павду, приток Ляли, в свою очередь впадавшую в Сосьву, далее переходила через Лялю и вдоль реки Мостовой, притока Туры, выходила к Верхотурью. Все эти реки принадлежали уже к обскому бассейну.

Еще царь Борис Годунов направил грамоту верхотурскому воеводе Василию Головину с предписанием осуществить починку дороги между Соликамском и Верхотурьем длиной в 263 версты. Царь повелевал мостить гать на топких местах, делать новую дорогу лучше и шире старой, чтоб не было на ней пней. Воевода согнал окрестных мужиков, русских и пермяков, и заставил настилать гать, строить мосты через ручьи и реки, корчевать пни, расчищать завалы. Всего было построено семь мостов. В дальнейшем на местное население возлагалась тяжелая дорожная повинность. Местные крестьяне были обязаны поставлять лошадей и подводы для проходивших по дороге отрядов, сопровождать грузы.

Время от времени, по распоряжению верхотурского воеводы, дорога чинилась, обновлялась прогнившая гать, расчищались лесные завалы, засыпались камнем и песком выбоины. Но проходило некоторое время, и сносило весенним паводком мосты, подгнивала и ветшала гать, рушились на дорожную просеку старые деревья. В распоряжении воеводы не было достаточно людской силы, чтобы регулярно поддерживать дорогу в сносном со-

стоянии. Места здесь считались сравнительно малонаселенными. В одном документе 1619 года можно прочитать относительно состояния злополучной дороги: «Мосты все погнили, и по рекам водою поносило, и кореньи отопталася... и дорогу заломило лесами большими». В более позднем документе говорится: «Грязи и болота непроходимые». Это делало дорогу почти недоступной для передвижения в дождливую осеннюю пору и в весеннюю распутицу. Поэтому путем из Соли Камской на Верхотурье предпочитали пользоваться либо в сухое летнее время, либо зимой. В зимние месяцы это расстояние удавалось покрыть за восемь дней. «А в которое время и дорога попортится, ино ден в девять или десять». В Верхотурье ожидали вскрытия сибирских рек, чтобы продолжать путь водой.

Дорога эта, несмотря на все ее неудобства, была оживленной. В обоих направлениях шли по ней купеческие караваны с товарами, скакали гонцы с царскими грамотами и донесениями воевод, в Сибирь шли партии переселенцев и новобранцев, поверстанных на сибирскую службу, из Сибири же везли соболиные шкурки и иную мягкую рухлядь. Путем этим пользовались не только устюжане и другие северяне, но и москвичи. Из Москвы путь в Сибирь лежал сухопутным трактом через Троице-Сергиев монастырь, Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль до Вологды. Далее он продолжался Сухоной на Тотьму и Великий Устюг, а оттуда теми реками и сухопутными дорогами, которыми шел Семен Дежнев с товарищами.

В XVII веке отчасти пользовались и более южной дорогой в Сибирь. Из Камы плыли вверх по ее левому притоку Чусовой до устья Утки. Здесь, в Уткинской слободе, высаживались и продолжали идти сушей через горы к реке Реж. Шли по ней до ее впадения в Нейву, а потом по Нейве мимо Невьянской слободы. Верхотурье оставалось далеко в стороне от этого пути. В первой четверти XVII века правительство учредило на Чу-

совой таможенную заставу. Однако предпочтение все же отдавалось северному пути через Соль Камскую и Верхотурье. Это был по существу несколько измененный вариант старого пути в Сибирь, который сперва проходил не через Соль Камскую, а Чердынь, расположенную несколько севернее. Из Чердыни шел путь не на Туру, а на другой приток Тобола, Тавду. Впервые путь с северной Камы на Туру, более короткий, проведаль в 1597 году сольвычегодский посадский человек Артюшка Бабинов. В следующем году был основан город Верхотурье, и новый путь был объявлен правительственным трактом. Иногда его называли Бабиновской дорогой.

Почему все-таки предпочтение отдавалось северному пути, открытому Бабиновым, а не более южному, через Чусовую? На то имелись серьезные экономические причины. Логичное объяснение им дал крупный исследователь истории Сибири С. В. Бахрушин. «Отдаленность чувовского пути от тогдашних центров торговли пушминой — Устюга и Соли Вычегодской — и отсутствие непосредственной связи с Архангельском (существующим как город с 1613 г. — Л. Д.), средоточием всех торговых сношений с Западом, которыми главным образом регулировался весь оборот пушных товаров, — все это, помимо указанных трудностей, заставило русское правительство держаться более северного направления, с Камы на Обь».

Верхотурье было самым западным сибирским городом. Сперва здесь построили деревянный острог для гарнизона из стрельцов и казаков, затем — гостинный двор. Учреждалась таможня. Город становился резиденцией воеводы, а временами их было сразу два. Таможенные приставы проводили досмотр всех проезжавших через Верхотурье в том и другом направлении. Учреждение таможни преследовало не только фискальные цели — пополнение казны за счет такого источника доходов, как таможенные сборы. Она должна была также, по замыслу московских властей, послужить засло-

ном беглым холопам, устремившимся в Сибирь от крепостной кабалы. Таможенным приставам предписывалось допрашивать с пристрастием всякого подозрительного, у кого не оказалось при себе надлежащих бумаг, чтобы выявить и задержать беглых. На практике эта мера не оказалась действенной. Обойти верхотурскую таможню и затеряться в необъятных и малонаселенных пространствах Сибири было нетрудно. Несмотря на все старания властей сосредоточить передвижение в Сибирь и из Сибири по дороге, которая шла через Соль Камскую и Верхотурье, а также прямые запреты пользоваться окольными путями, ослушники находились. Обычно это оказывались люди, бывшие не в ладах с законом. Они пользовались дорогами через Кунгур и башкирские степи. Позже и эти дороги станут оживленными. На реке Исеть, самом южном из крупных притоков Тобола, учреждается таможня.

Несомненно, Семен Дежнев с сотоварищами шел северной дорогой. Если отряд пришел в Верхотурье осенью, то самый тяжелый участок пути от Соли Камской и до верховьев Туры падал на неблагоприятное время осенних дождей, когда дорога становилась почти непроходимой. На реках брались за весла — дело для помора привычное. В верховьях рек преодолевали мели, перекаты и стремнины, перетаскивали на руках под дружные возгласы легкие дощаники и струги, растаскивали коряги, запрудившие русло. Мы не знаем, пешим ли маршем шли от Соли Камской, расщедрился ли соликамский воевода на коней. Вероятно, какой-то обоз у отряда был. Невозможно отправляться в столь дальний путь без припасов, домашнего скарба, инструмента, необходимого в хозяйстве, домашней утвари, зимней одежды. Ночи становились прохладнее. На привалах люди грелись у костра, а на ночь укладывались спать на охапку хвой, заменявшей постель, — помор неприхотлив и вынослив.

Шли на восток рослые, плечистые бородачи, с ли-

цами, опаленными зимней стужей, летним зноем, морскими ветрами. Шли навстречу открытиям и подвигам.

В Верхотурье, вероятно, зазимовали до начала навигации. Когда реки очистились от льда, тронулись в дальнейший путь. Шли сибирскими реками — Турой, Тоболом. На лесистых берегах нечасто попадались поселения, чаще сменялись лугами и пашнями. Шеренги разлапистых кедров, а к воде клонились ветви тальника с белесыми листьями...

Вот и Тобольск, раскинувшийся на правом высоком берегу Иртыша, напротив впадения в него Тобола... Административный центр Западной Сибири, город был основан еще в 1587 году отрядом казаков Даниила Чулкова. Когда-то недалеко от него находился один из главных укрепленных городов Кучумова царства. В октябре 1581 года его заняли казаки под предводительством Ермака. Хан Кучум со своими приспешниками поспешно бежал в Ишимские степи. Теперь о прежнем ханском городе напоминали заброшенные развалины.

Тобольск времен Дежнева был еще деревянным. Великолепные белокаменные храмы, гостиный двор, палаты, кремль — все это появится несколько позже. Придет время, и прославит свое имя тобольский зодчий, картограф и писатель Семен Ульянович Ремезов. Его еще не было на свете, когда Дежнев и его спутники впервые достигли города на Иртыше.

Одно из первых описаний Тобольска оставил безымянный автор, по-видимому, немец на русской службе. Его сочинение хранится в королевской библиотеке Копенгагена. Хотя оно и датировано более поздним периодом — 1666 годом, стоит к нему обратиться. Общий облик города сформировался значительно ранее. Автор этот подметил, что Тобольск делится на две части — верхний и нижний город. Верхний, составляющий главную часть города, находится на горе, а нижний — на прибрежной равнине у подножия той горы. Верхний город укреплен частоколом из еловых бревен без како-

го-либо земляного вала. Внутри его, на самой верхушке горы, находится острог. Наверху его бревенчатых стен с красивыми башнями крытая галерея с бойницами. Всех восьмигранных башен девять. В остроге находятся палаты воеводы, воеводская канцелярия, небольшая церковь, амбары для хранения амуниции.

В верхней же части города расположен большой монастырь, в котором пребывает здешний митрополит, главное духовное лицо в Сибири. Воевода сменяется каждые три года. Нижний город занимает значительно более обширную площадь, нежели верхний. Он имеет одну большую улицу и ряд маленьких улиц и узких переулков, застроенных домами, которые тесно жмутся друг к другу. «Когда стоит высокая вода, что обыкновенно случается весной, то все эти дома стоят глубоко в воде, на два локтя и больше, так что по всем улицам от дома к дому можно ездить на лодке», — пишет этот автор.

Далее он отмечает, что в городе живут русские, татары, бухарцы. Речь шла, видимо, о бухарских купцах, наезжавших сюда с товарами из Средней Азии. Русские промышляли ловлей рыбы, которая водилась здесь в изобилии, занимались ремеслом и торговлей. Многие состояли на государственной службе в качестве рейтеров-конников, солдат-стрельцов и казаков. У татар в нижнем городе были свои кварталы. Жили татары в бревенчатых юртах без окон, с низкими дверцами; свет в такое жилище попадал через дымовое отверстие в крыше. Татарская часть населения возделывала поля, раскинувшиеся вокруг города, пасла скот, ловила рыбу.

Таково любопытное описание типичного сибирского города XVII века с неизменными крепостью-острогом и посадом, гарнизоном и воеводской администрацией, а также со служилым и торгово-ремесленным людом. Другие сибирские города уступали Тобольску по размерам, по своей планировке повторяли его в разных вариантах.

Город строился. Повсюду белели свежие срубы,

пахло смолистой щепой. Высились штабеля бревен и плах. Стучали топорами плотники. Население Тобольска прибавлялось. С Верхотурья приходили все новые и новые люди. Спрос на искусных в плотницком деле мастеров возрастал. Торжище хотя и уступало по многолюдности великоустюжскому, было довольно оживленным. Торговые люди зычно зазывали покупателей. У лавок толпились русские, татары, казахи в халатах и высоких конусообразных шапках, бухарцы в пестрой одежде и тюбетейках и еще какие-то сибирские люди, все в мехах. Слышался разноязычный говор. Для порядка прохаживались стрельцы с секирами. Стрелецкий караул, вооруженный пищальми, нес службу у ворот острога.

Воевода Юрий Сулешов, человек энергичный и деятельный, открыл в городе богадельный дом для одряхлевших и немощных служилых людей. Среди них Семен Дежнев наверняка мог встретить ветхих, согбенных от тяжких ран стариков, сподвижников Ермака Тимофеевича, много повидавших и испытавших на своем веку. Старики, у кого хватало сил, выбирались из избы на волю, чтобы прогреть на солнышке старые свои кости, боевые шрамы. А если находились слушатели, молодые казакишки, еще не нюхавшие пороха, не помеченные зазубренными бусурманскими стрелами, делились ветераны воспоминаниями. Сперва куражились для порядка — давно, мол, по старческой хвори память отшибло, все позабылось. А потом уступали просьбам, собирались с мыслями и начинали свои неторопливые рассказы. Про славного Ермака Тимофеевича, статного богатыря, одетого в железную кольчугу. Про коварного и воинственного хана Кучума. Про кровопролитные бои на Иртыше, взятие русским войском главного ханского города и трагическую гибель Ермака. Про то, как ханские мурзы в конце концов склонили головы и признали власть московского царя.

Сибирское царство образовалось в результате рас-

пада Золотой Орды в начале XV века и охватывало Западную Сибирь от северных границ казахских степей до нижней Оби. Господствующим этническим элементом были различные тюркоязычные племена: кипчаки, аргыны, карлуки, канглы и др., еще не консолидировавшиеся в единую народность. В историю они вошли под очень аморфным и неточным названием «сибирские татары». Племена эти занимались пастбищно-кочевым скотоводством и отчасти земледелием и ремеслом. Основная масса населения — кара-халк («черные люди») обязаны были платить хану ежегодный ясаk, поставлять воинов в феодальное ополчение, нести разные повинности. Коренное население — ханты, манси и другие народы, занимавшиеся оленеводством, охотой, рыболовством, жестоко эксплуатировались татарскими феодалами и своей родоплеменной верхушкой. Верхушку социальной пирамиды составляли татарские мурзы и беки. Ханская власть носила деспотический характер. В отношении Московского государства ханы проводили недружелюбную, воинственную политику. Провозглашая себя наследниками золотоордынских ханов, они вынашивали честолюбивые планы реставрации ханской власти над русскими землями. Особенной воинственностью и задиристостью отличался последний сибирский хан Кучум из рода Шейбанидов. Он возмечтал о повторении времен Чингисхана и Батые и видел себя в образе грозного завоевателя, не считаясь с реальными силами своего царства. Его враждебные действия против Московского государства были пресечены походом Ермака. Успешные действия русских военных отрядов в Западной Сибири привели к разгрому и падению Сибирского ханства. Центральная и северная часть обско-иртышского бассейна вошла в состав Русского государства.

Народы этого обширного края в экономическом и культурном отношении были слабо связаны с ханской системой господства. Сибирское царство оставалось рыхлым и непрочным конгломератом различных наро-

дов, находившихся на разном уровне развития. Их взаимная связь выражалась только в даннических отношениях. Поэтому местные племена и народности: ханты, манси, селькупы, тюркоязычные родоплеменные объединения не поддерживали Кучума и татарскую феодальную верхушку в их борьбе с русскими. Распад Сибирского ханства, обусловленный глубокими историческими причинами, произошел стремительно.

Вхождение Западной Сибири в состав Московского государства открывало путь русским первопроходцам в центральную и Восточную Сибирь.

4. СЛУЖБА В ТОБОЛЬСКЕ И ЕНИСЕЙСКЕ. ДОРОГА НА ЛЕНУ

В Тобольске началась сибирская служба Семена Дежнева. Исторические документы не сохранили никаких конкретных свидетельств о тобольском периоде его жизни. Можно лишь предполагать, что он наравне с другими казаками нес гарнизонную службу в самом городе, охраняя крепость и казенные амбары с мягкой рухлядью, отправляясь в отдаленные поселения для сбора ясака, ходил на усмирение непокорных князцов.

Служилые люди состояли из нескольких категорий. Привилегированную часть войска составляли стрельцы. Они были лучше обучены и вооружены, нежели казаки, и составляли наиболее боеспособное ядро тобольского гарнизона, а также личную охрану воеводы. Казаки, более многочисленные, играли роль иррегулярного войска. На них ложилась основная тяжесть дальних походов. В условиях бездорожья средней и северной части обского бассейна основными путями сообщения оставались реки, а средством передвижения мелкие речные суда. В южной, степной части края передвигались на

конях. Поэтому казаку приходилось по мере необходимости становиться и гребцом, и уметь ставить парус, и быть хорошим наездником. Вооружение казака состояло как из холодного оружия, так и из огнестрельного оружия — ружья-пищали или ручницы самопала с кремневым курком. Видами холодного оружия были секира-бердыш и сабля с копьём. Секирой чаще вооружались при несении гарнизонной службы, а саблей и копьём — отправляясь в поход. Кроме того, казак имел при себе запас пороха. Наиболее крупные остроги располагали и артиллерией.

Кроме стрельцов и казаков, к служилым людям относились воеводские чиновники: ближайшие помощники воевод в ранге дьяков, подьячие, писаря, таможенные целовальники, ведавшие исправным поступлением в казну денежных доходов, толмачи. Во главе воеводской канцелярии стоял письменный голова — управляющий делами воеводства. На чиновные должности подбирали наиболее грамотных людей. В стрелецком и казацком войске существовала иерархия чинов: десятники, пятидесятники или полусотники, сотники, атаманы. На высшие должности обычно назначались люди из числа детей боярских, низшего феодального сословия. Достигший высокого чина стрелец, казак или чиновный за выслугу мог рассчитывать на приобщение к этому сословию. В условиях Сибири такое случалось нередко.

С конца XVI столетия русские основывают в Западной Сибири города и остроги для закрепления власти Московского государства. Они служат как опорные пункты, где сосредоточивались военные гарнизоны, административные и торговые центры. Еще за год до основания Тобольска, в 1586 году, на правом берегу Туры было положено начало первому русскому сибирскому городу, Тюмени. В 1593 году возникают сразу три города — Пелым на месте прежнего острожка пелымских мансийских князцов, Березов на Северной Сосьве вблизи ее впадения в Малую Обь, ставший впоследствии

местом ссылки знаменитого петровского сподвижника Александра Меншикова, и Сургут на средней Оби, несколько выше и восточнее ее слияния с Иртышом, на месте ставки одного из хантыйских князцов. В том году вблизи впадения Оби в Обскую губу основывается на месте ненецкого поселения острожек Обдорск, послуживший опорным пунктом русских в земле ненцев. В 1594 году на Иртыше основывается город Тара для заслона русских владений от бродивших еще в то время по степям отрядов Кучума. В 1600 году, через два года после основания Верхотурья, ниже по Туре был заложен одноименный город.

Продвигаясь вверх по Оби, русские основали в 1594 году Нарын и около того времени, вероятно несколько позднее, Кетский острог в низовьях Кети, обского притока. Здесь лежали земли селькупов. Еще южнее, на притоке Оби, Томи, в 1604 году возник город Томск в землях еуштинских татар, добровольно признавших присоединение к московским владениям. Продвигаясь по Томи, русские отряды проникали в гористую местность, землю кузнецких татар, предков шорцев. Здесь в 1618 году был основан город Кузнецк.

Дальнейшее продвижение русских вниз по Оби и Обской губе соединило их с русскими поморами и коми-зырянами, продвигавшимися сюда Северным морским путем, в единый поток. Это привело к основанию, как мы видели, в 1601 году Мангазеи.

Все эти города, остроги, острожки строились в стратегически важных пунктах, на берегах рек, служивших основными транспортными магистралями, вблизи волоков. Выбиралось обычно возвышенное место, с которого обеспечивался хороший обзор окружающей местности. Бревенчатые стены, башни острога с остроконечными тесовыми кровлями, главки церквей живописно возвышались над лесными или степными просторами, вписываясь в пейзаж. В XVII веке основным строительным материалом служило дерево. Большинство из перечис-

ленных нами сибирских городов существует и поныне.

Присоединение сибирских земель к Московскому государству проходило, за немногими исключениями, мирным путем. Если не считать Западной Сибири, у сибирских народов еще не сложилось своей государственности, хотя кое-где родоплеменные отношения достигали стадии начавшегося разложения и наблюдались первые, весьма еще слабые ростки феодализации (у бурят, якутов). Развитию производительных сил народов Сибири препятствовали постоянные межплеменные усобицы, взаимные грабительские набеги, в которых были заинтересованы прежде всего князцы и тойоны. Представители феодализирующейся родоплеменной верхушки жестоко эксплуатировали рядовых соплеменников, устраивали военные походы на более слабые соседние племена, уводили у них скот, грабили имущество, захватывали пленных. Было широко распространено и рабство. В рабов обращали военнопленных и неплатных должников. Россия находилась на более высоком уровне социально-экономического развития, нежели народы Сибири. Она находилась на стадии развитого феодализма с заметными зачатками промышленного производства, основанного преимущественно на крепостническом труде, и развитой для своего времени торговлей. Вхождение в состав Русского государства, общение с русскими переселенцами давало возможность сибирским народам знакомиться с более совершенными методами хозяйствования, перенимать у русских орудия труда, типы жилищ, черты быта и мировоззрения. Аборигенные народы под влиянием русских соседей приобщались к земледелию, незнакомым им доселе видам ремесел, осваивали заново или совершенствовали выплавку или обработку металла.

Сближению русских с коренным населением Сибири способствовали частые смешанные браки. Значительную часть переселенцев, направлявшихся за Уральский хребет, составляли молодые мужчины-холостяки. В резуль-

тате этого среди русской части сибирского населения имело место значительное, если не многократное преобладание мужчин над женщинами. Это демографическое несоответствие выравнивалось за счет многочисленных смешанных браков. Многие русские мужчины были вынуждены жениться на аборигенках, видя в этом единственную возможность создать семью. Вообще воззрения тогдашнего русского общества и взгляды официальной церкви отличались национальной терпимостью. «Бусурманином» называли не иноплеменика, а иноверца, вкладывая в это полубранное слово неприязнь отнюдь не к человеку иной национальной принадлежности, а только к представителю иного вероисповедания. Жена-аборигенка принимала крещение и, как все выкресты, становилась равной своему мужу перед законом и церковью. Так что смешанные браки, особенно в специфических сибирских условиях, не встречали какого-либо противодействия светских и церковных властей.

Объективно говоря, вхождение народов Сибири в состав многонационального Русского государства имело исторически прогрессивное значение. Оно способствовало развитию производительных сил, положило конец родоплеменным уособлениям и распрям, объединяло народы в единую семью с общими историческими интересами и судьбами. Наиболее смышленные аборигены овладевали грамотой и приобщались к русской культуре. Но процесс этот был сложным, неоднозначным, и идеализировать его нет никаких оснований. Господствующий класс страны преследовал свои классовые, корыстные цели. И если простой русский поселенец, казак знакомил аборигена с орудиями труда и ремеслами, передавал ему свой опыт мастерового, купец и промышленник грабили и спаивали его, старались выменять за нитку стеклянных бус или другую дешевую безделушку ценные шкурки пушных зверей. Да и корыстолюбивые воеводы подавали пример алчного стяжательства и беззакония.

Далеко не всегда отношения русских с аборигенами складывались мирно. Случались военные стычки не только с Кучумовым воинством, но и с бурятами, якутами, чукчами, коряками. И, бывало, вызывались они, эти стычки, не только воинственностью этих народов, но негибкостью, злоупотреблениями предводителей русских отрядов. Применил военную силу к приамурским народам и Ерофей Хабаров, человек нрава крутого и жестокого. Нередко сборщики ясака не удовлетворялись установленной властями нормой и норовили сорвать с ясачных людей немалую толику и в свою пользу. И это не могло не вызывать возмущения и противодействия. Для поддержания нормальных миролюбивых отношений с аборигенами требовались гибкая политика, словесная дипломатия, мягкость, доброе слово, а не силовые приемы. Это, кстати, хорошо понимал Семен Иванович Дежнев, который на протяжении всей своей сибирской службы умел ладить с коренным населением. Но это, к сожалению, понимали далеко не все служилые. Ведь речь идет о XVII веке, веке жестоким, со своими нравами и воззрениями. Но нельзя забывать и другого. Было немало случаев, когда вооруженные вылазки против русских были делом рук князцов и тойонов, их сепаратистских амбициозных устремлений. Родоплеменная верхушка желала сохранения своих старых привилегий, возможностей нападать на соседние племена, чтобы захватывать у них скот и рабов. Такие устремления никак не характеризовали отношение самих народов к русским собратьям.

Чтобы завершить оценку этого сложного и неоднозначного процесса, обратимся к капитальному изданию «Народы Сибири» из серии этнографических очерков «Народы мира», коллективному труду видных советских этнографов, вышедшему в свет в 1956 году. Как справедливо пишут авторы этого тома: «Московское правительство, в XVII в. возглавлявшее сложение многонационального Русского государства, сумело понять обста-

новку и оценить государственную важность объединения в границах России просторов Сибири, стремилось провести присоединение мирным путем и даже принимало меры к охране сибирских племен и народностей как от внешних посягательств, так и от внутренних притеснений. В царских наказах в Сибирь постоянно подчеркивается необходимость приведения населения «под государеву высокую руку» мирным путем. В сношениях с ясачным населением, добровольно принявшим подданство, предписывается «держат к ним ласку и привет и бережение, а напрасные жесточи и никакие налоги им ни в чем не чинить некоторыми делы, чтоб их в чем напрасно и в ясак не ожесточить и от государевой милости не отгонить». О мирном стремлении свидетельствует раздача ясачным «государева жалования», т. е. различных подарков за исправной взнос ясака. В числе подарков фигурируют железные изделия (ножи, топоры, пилы, иглы и т. п.)... Раздача таких товаров, в которых весьма нуждалось ясачное население, конечно, облегчало включение его в русское подданство...»

Эта политика московских царей, продиктованная стремлением к мирному присоединению Сибири, добрым отношениям с сибирскими народами и беспрепятственному поступлению в казну пушнины в качестве ясачного сбора, на практике нередко извращалась местными воеводами и военачальниками. Пользуясь удаленностью от Москвы, чувствуя полную безнаказанность, они чинили произвол и насилие, обирали местное население.

Значительную часть территории Западной Сибири — нижнее и отчасти среднее течение Оби и Иртыша и их притоков, а также обско-иртышское междуречье, Васюганье, заселяли «обские угры» — ханты и манси или, как их тогда называли, остяки и вогулы, представители финно-угорской семьи народов. Тюркоязычные племена, или так называемые сибирские татары, обитали преимущественно на юге края, в степной полосе или на границе ее.

Еще в 90-е годы XVI — первые годы XVII века некоторые хантыйские и мансийские князцы, недовольные тем, что лишились прежних доходов от сбора пушнины с соплеменников, подстрекали своих людей к вооруженным выступлениям против русских. Особенной активностью отличалась кодская «княгиня» Анна. Вместе с обдорским князем Василием она подняла обских и березовских хантов, которые осадили Березов, но были рассеяны. Позже та же самая Анна с князцами Чумеем, Кеулом и Таиром Самаровым вступили в контакт с иртышскими татарами и некоторыми западными хантыйскими родами, а позже и тюменско-туринскими татарами. Назревало широкое выступление, но русские власти смогли предотвратить его, сурово обойдясь с главными заговорщиками. Но все же эти немногочисленные случаи не были характерны для Западной Сибири. Воздействие строптивых и властолюбивых князцов на своих соплеменников не оказалось долговременным. Основные массы не хотели ссориться с русскими.

Последующие годы были для Западной Сибири более или менее мирными. Семен Дежнев стал свидетелем, как на Иртыше и его притоках, на средней Оби появляются все новые и новые русские поселения. Да и казаки, помимо своей службы, занимались разными ремеслами, столярным, кузнечным, гончарным, скорняжным, портновским — и для удовлетворения собственных нужд, и ради дополнительного заработка. Они также охотились на зверя и ловили рыбу. Семейные старались обзавестись хозяйством, держали домашний скот и птицу, возделывали огороды. Это давало необходимое подспорье семье. Жалованье служилым людям выплачивалось нерегулярно. Это впоследствии испытал и сам Дежнев. И денежная казна присылалась из Москвы с большими задержками, и корыстные воеводы не спешили с выплатой. Поэтому и приходилось ради пропитания обзаводиться хозяйством, заниматься подсобными промыслами, шить для себя одежонку взамен старой,

обветшавшей, мастерить самому все, что необходимо в доме. Вот игодились поморские навыки. Разве по-мор не мастер на все руки?

После непродолжительной службы в Тобольске в середине 30-х годов Семен Иванович Дежнев перешел в Енисейск. Очевидно, отправлялся он к новому месту службы не один, а с партией товарищей по тобольской службе. Освоение новых земель к востоку от Оби и Иртыша требовало людских пополнений.

Каким путем шел Дежнев из Тобольска в Енисейск? Несомненно, южным речным путем с Оби на Енисей, которым чаще всего пользовались в XVII веке. Путь этот не был легким. Из Тобольска спускались по Иртышу до его слияния с Обью, отсюда поднимались на веслах вверх по Оби. За Сургутом река растекалась на рукава и протоки, образующие множество лесистых островов и островков. В этом лабиринте легко было заблудиться, но он манил своими щедротами. В мелководных протоках водилось много всякой рыбы, а на островах у воды гнездилась водоплавающая птица. У Нарыма входили в правый обский приток Кеть, впадающий в Обь тремя рукавами.

В 1675 году этим путем следовал в Китай выдающийся ученый, дипломат и путешественник Николай Спафарий-Милеску. Грек по происхождению, молдаван по месту рождения и истинно русский по духу, он преданно служил Русскому государству. Среди его многочисленных литературных трудов и научных трактатов имеется описание путешествия через Сибирь. Это было первое в России большое географическое описание ее сибирской части, написанное и по личным наблюдениям, и по расспросам сведущих собеседников-сибиряков. Спафарию не довелось встретиться с Дежневым, так как ко времени его проезда через Сибирь Семена Ивановича уже не было в живых. Но о путешествиях Дежнева Спафарий наверняка узнал от ученого хорвата, Юрия Крижанича, жившего в то время

в Тобольске. О Крижаниче еще пойдет речь впереди.

Описывая свое сибирское путешествие, Спафарий сообщает много разнообразной информации по географии Сибири, но наиболее подробно рассказывает о своем маршруте, реках, по которым пришлось плыть, порогах и волоках, которые доводилось преодолевать, населенных пунктах, которые встречались на пути. Если мы обратимся к сочинению Спафария, посвященному сибирской земле, то представим себе и тот путь, которым шел Дежнев.

Вот описание Оби. «А длина реки Оби зело великая есть, потому что начинается от самых далних полуденных степных мест, и теплых, и падет устьем в Северное Ледовитое море. А глубина ея зело велика, потому что когда живет погоды, будто по морю волны ходят, и до самого берегу глубока; и розливается по сорам, и по озерам, и по лесам. А ширина ее неравная, потому что дале устья Иртыша река гораздо широка, а вверху, когда к берегу в дву или в трех верстах, только по ней многие протоки и острова есть. А река Обь не каменистая, берега ее все земляные, и нигде каменя нет.

А рыбы всякой в той реке зело множество, а наипаче осетры великия ловят... А вода в Оби реки зело белая и мутная, не так, что в иных реках, потому из озера течет. А течет Обь не очень быстро, как инья каменные реки, однакоже и не тихая и во иных местах гораздо быстрая, а для того и не быстра, потому что зело глубока».

Обратим внимание на язык этого отрывка. Перед нами язык не прошлого, не позапрошлого, а далекого XVII века. Он существенно отличается от нашего современного и по стилистике, и по оборотам речи, и даже словарному запасу, и поэтому кажется нам архаичным и непривычным. Но все же он нам понятен. Ведь автор, высокообразованный человек, ученый, пишет на литературном языке своего времени.

В ходе нашего повествования мы не раз будем обращаться к документам того времени, челобитным, отпискам, выпискам из книг канцелярии Якутского воеводства. Стиль этих бумаг заметно отличается от высокого литературного штиля Спафария. Составляли их не блиставшие высоким уровнем грамотности приказные, писались они грамотеями под диктовку вовсе неграмотных начальников казачьих отрядов. В них порой теряется последовательная нить повествования, обрываются фразы, встречаются жаргонные словечки и элементарные нарушения канонов грамоты. Читать эти бумаги труднее, чем сочинение ученого дипломата и путешественника. Все же мы будем приводить выдержки из них, чтобы передать колорит XVII века и, главное, подкрепить наше повествование документальными источниками.

Вернемся теперь к сочинению Николая Спафария-Милеску. Кеть по его описанию река тоскливая, поскольку берега ее мало заселены, а встречаются и безлесные места на большом протяжении. «По ней ни елани, ни поля нет, только лес непроходимой, болота и озера; и для того в Кети вода черная, а места сухого мало».

Спафарий плыл по Кети в первых числах июня, когда еще стояла высокая вода. Поэтому он нигде не жалуется на трудности плавания. Другие свидетельства говорят нам о том, что Кеть река неудобная для плавания из-за извилистого русла, отмелей, стремнин и коряг, которые образуют в воде целые завалы. Особенно опасна мель у Колокольного яра. Очевидно, это свидетельство принадлежит людям, плававшим этим путем в более позднее время, когда вода спадает.

Ниже Кетского острога встречаются на берегах, по наблюдению Спафария, жилые юрты. Острог стоит на возвышенном левом берегу. В нем дворов двадцать, да две церкви. Во времена Дежнева, вероятно, и того не было. Выше него «струи великие не плавают для того, что вода живет малая».

Маковский острог был важным перевалочным пунктом на пути с Оби к Енисею. Вот наблюдение Спафария. Он «стоит на красном месте, на Кете реке, на яру, левой стороне; а во остроге церковь, а дворов с 20, и тут дощаников и каюков зело множество разбитых и целых, потому что здесь пристанище великое государевым людям. А с полверсты от острогу есть слобода торговых людей, и тут амбаров множество построено для ради того, что торговые товары тут кладут и после того ходят через волок». Доставленные сюда речным путем хлебные запасы и всякие товары в зимние месяцы перевозили по зимнику в Енисейский острог. Часть грузов оседала на Енисее, часть шла весной дальнейшим путем на Лену. Представители крупных торговых семей, Босых, Ревякиных, Балезиных и др., которые вели торговые операции и промыслы в Сибири, имели здесь свои амбары и избы «для своей нужи» и держали приказчиков.

По свидетельству Спафария, прошедшего волоком, который начинался у Маковского острога, «тот волок держит верст с пять летнею порою, а зимним путем сказывали, что с пятидесяти верст». По всему волоку, проходившему по топким местам, через болота и мелкие речки, были положены «великие мосты». Ближе к Енисейску местность становилась обжитой, попадались деревни. Спафарий отмечает, что места здесь «зело хорошия и хлебородныя».

Чертеж 1665 года определял продолжительность всего пути от устья Иртыша до Маковского волока от 11 недель 4 дней до 13 недель 5 дней. Спафарий, пользовавшийся как посол всякими преимуществами и, вероятно, сменными гребцами, прошел этот путь всего за 8 недель 3 дня.

Кстати, ниже старого Кетского или Маковского волока, между Кетью и притоком Енисея Касом, был в конце XIX века прорыт Обско-Енисейский канал, оказав-

шийся неудачным инженерным сооружением и поэтому скоро заброшенный.

С. В. Бахрушин свидетельствует, опираясь на источники, что в XVII веке для перехода с Оби на Енисей использовался не только кетский путь. Иногда подымались по более северному притоку Оби Ваху. Из его верховьев проходили за два дня Елогуйским волоком и достигали реки Волочанки, впадавшей в Елогуй, приток Енисея.

Был еще путь через другой правый обский приток, Тым, близкий подходивший к левому притоку Енисея Сыму. Фискальные соображения заставляли правительство принимать меры, препятствовавшие пользоваться этими путями, дабы не создавать конкуренцию официально утвержденного кетского пути.

До 60-х годов XVII века пользовались и северным путем, через Мангазею, для хода с Оби на Енисей. По притоку Таза Волочанке подымались вверх, откуда мелкими притоками добирались до Енисейского волока. Минув этот волок, имевший протяженность всего около версты, выходили в приток Енисея Турухан. Путь этот русские освоили гораздо ранее кетского.

Енисей река могучая, полноводная, широкая. Что перед ней Двина или Пинега, знакомые Дежневу с детства. Возможно, побывал Семен Иванович у Каменных утесов-столбов на Енисее, что стоят словно немые стражи выше Енисейска. Не упустил их из поля своего зрения Спафарий, человек наблюдательный и дотошный, хотя и не видел их самолично. «А до большого порогу не доезжая есть место, утес каменной по Енисею. На том утесе есть вырезано на камню неведомо какое письмо и межъ письмом есть и кресты вырезаны, так же и люди вырезаны, и в руках у них булавы, и иные многие такие дела... А никто не ведает, что писано и от кого. И за тем местом начинается страшный порог по Енисею, по котором никто не смеет ходить на судах, потому что утесы высокие по обеим сторонам стоят.

Только ходят дорогою и обходят тот порог по пять дней...»

Енисейск был основан в 1618 году отрядом тобольских служилых людей под предводительством сына боярского Албычева и сотника Рукина, пришедших сюда из Кетского острога. Сперва он назывался Тунгусским острогом. В пределы нового Енисейского уезда вошли земли, населенные кетами, которые жили по верхней Кети, притокам Енисея Сыму и Касу и в окрестностях самого Енисейска, эвенками (тунгусами) Приангарья и бурятами верхнего Приангарья.

Как и Тобольск, Енисейск был деревянным. Вокруг окруженного палисадом с башнями острога вырастал посад. И здесь шло строительство. Город оглашался стуком плотницких топоров, визгом пил. У берега широкого Енисея теснились лодки, дощаники. Белели остовы еще не достроенных судов. В окрестностях города и выше по Енисею и Ангаре возникали русские поселения, осваивались земли под пашню.

За Енисеем рельеф Сибири резко менялся. Лесистые, местами заболоченные равнины обского бассейна в какой-то мере напоминали поморам такой же лесистый русский Север. Только реки на родной земле были не столь широки. А к востоку от Енисея начинался обширный горный край, казавшийся непривычным. Плоскогорья пересекались хребтами и кряжами. Лишь кое-где узкие речные долины расширялись, образуя отдельные низменности, как, например, на средней Лене. Уже правый берег Енисея против низменного левого выглядел высоким, отмечая эту резкую смену рельефа.

Енисейск становится исходным плацдармом для дальнейших бросков русских землепроходцев на северо-восток на Лену, на восток — в Прибайкалье и Забайкалье и на юг — в хакасские и минусинские степи. Продвижение русских в этих направлениях подкреплялось основанием новых городов и острогов. В 1628 году был заложен выше по Енисею Новый Качинский Красный ост-

рог, или Красноярск, сделавшийся вскоре центром уезда, населенного разными кетоязычными, тюркоязычными и другими народами. Продвигаясь вверх по Верхней Тунгуске или Ангаре, русские основали на ее притоке Илимском остроге Ленский волок (1630 г.). Здесь начинался волок на Лену — отсюда и первоначальное название острога, получившего впоследствии новое название Илимска. Через год после основания Ленского волока, у расположенного выше илимского устья Падунского порога возник Братский острожек. Несколько позже он был перенесен к устью ангарского притока Оки. В остроге и ближайших к нему поселениях жили лодманы, проводившие через пороги караваны судов с разными грузами. Профессия лодмана считалась почетной, она требовала большого мужества и отваги, отличного знания фарватера капризной и норовистой реки. В окружающей местности жили в XVII веке кочевые буряты.

Сибирский картограф XVII века Семен Ремезов в своей «Чертежной книге Сибири» (1701 г.) дает схематичное изображение Братского острога. На нем типовая ограда с угловыми башнями, составляющими квадрат, и в ней разные постройки. С образованием нового Илимского воеводства или уезда Братский острог вошел в его состав. В каждом остроге находился приказчик, низший представитель власти, подчиненный уездному воеводе. Илимск впоследствии приобрел печальную славу как место ссылки выдающегося русского писателя-революционера А. Н. Радищева. В современном Илимске, небольшом поселении Иркутской области, сохранились памятники деревянной архитектуры XVII века — Спасская башня бывшего Илимского острога и две церкви. В Братске, ныне крупном индустриальном городе вблизи Братской ГЭС, можно увидеть две старинные башни из лиственничных бревен. Они дают наглядное представление о крепостных сооружениях времен первых русских первопроходцев. Основная часть такой башни ровный призматический сруб, лишь верхние пять

венцов образовывали выступ. В наружных стенах были прорублены бойницы. Нижние бойницы, более широкие, очевидно, предназначались для пушек.

В 1665 году первоначальный Илимский острог выгорел и был заново восстановлен несколько выше по Илимскому. Опустошительные пожары, уничтожавшие целые остроги и города, не были редкими событиями в ту пору. Новое строительство обычно начинали на другом, более удобном месте.

Лена давно манила первопроходцев и своими необъятными просторами, и пушными богатствами. Власти видели в народах, заселявших ленский бассейн, поставщиков ценной пушнины. Начинают снаряжаться и экспедиции на далекую Лену. Почти одновременно русские достигают ее и по северному пути, и по южному. Северный путь шел с Туруханска на нижнем Енисее через Нижнюю Тунгуску и Вилюй, между которыми находилась система мелких речек и волок. В эту систему входила речка Чурка, приток Чоны, впадавшей в Вилюй. По мелководной Чурке можно было пройти с большим трудом только в весеннее половодье. Из Вилюя выходили в Лену. Именно этим путем прошел в 1627—1628 годах М. Васильев.

Большее значение приобретает южный путь. Во второй же год существования Тунгусского острога, будущего Енисейского, служилые люди докладывали в Тобольск, что им известно от аборигенных жителей о существовании безымянной «великой реки». И ехать на ту реку до волока две недели, да идти тем волоком два дня. Речь шла о Лене и южном пути к ней. В 1628 году этим путем вышел на Лену Василий Бугор.

Как проходил южный путь? Из Енисея шли в Верхнюю Тунгуску или Ангору. Плавание по ней было сопряжено с немалыми трудностями и опасностями. Быстрое течение, стремнины, водовороты, мощные пороги... Такие пороги не встречались на спокойных реках русского Севера. Шум от ангарских порогов был слышен

издалека, а вблизи казался оглушительным ревом неведомого гигантского зверя. Немало лодок и дощаников разбила в щепки своенравная, коварная Ангара, немало унесла человеческих жизней. Но смелые землепроходцы, презрев опасности, плыли к заветной цели. Они обходили недоступные для плавания ангарские пороги, с шумом и грохотом низвергавшие вниз пенистые, клокочущие водяные массы, по суше, карабкаясь по прибрежным камням, перетаскивая на себе грузы и суденышки. На стремнинах тянули лодки и дощаники бечевой.

Ангара произвела огромное впечатление на Спафария, плывшего с посольством этим путем. Он дает яркое описание четырех наиболее опасных порогов. Вот первый Тунгусский, или Стрелочный, порог. «В том месте камня по всей реке великие, и вода зело быстра, и волны великие от камня; только есть небольшие порожия места, где камней нет, и в те места дощаники проводят канатами великими и бечевами человек с 50 и больше».

Второй Мурский порог лежит в устье реки Муры. «А того порогу версты с две. На том месте камня великие и вода зело быстрая, и волны великие от камня. И только есть небольшие порожия места, где камней нет. И в те места дощаники проводят канатами великими и бечевами».

Драматично описание третьего, Кашина порога. «А толко есть посреде реки ворота, и в те места дощаники проводят великими канатами, а тянут воротами, и протянуть не могут никоими мерами. И для того недель по 8 и стоят и дожидаются парусного погоды. А как парусного погоды не будет, и в том месте зазимуют. А как тянут канатами, и с канатов людей срывает. И утопают в том месте много. И ниже той шиверы поставлены крестов с 40...»

И еще один порог — Аблинский. «И в том месте зело быстро, для того, что во всю реку Тунгуску лежат камня великия... И толко есть ворота, где можно про-

итить дощанику, и тянули дощаник великим канатом и бечевой все что есть на дощанике людей».

В своем сочинении Спафарий употреблял названия ангарских порогов, бытовавшие в XVII веке. Позже они получили другие названия — Братский, Падун и др. Кроме этих главных порогов, на Ангаре было немало «шивер», стремнин с каменистыми перекатами, также опасных для судоходства. На одной из таких шивер потерпел аварию илимский воевода Т. А. Вындомский, на другой такая же беда приключилась с другим воеводой Б. Д. Оладыным. Эти события были увековечены в названиях — «бык Вындомского», «Оладына шивера».

Спафарий был далеко не единственным автором, отмечавшим капризный, своенравный характер Ангара и трудности плавания по ней. «Ангара река великая вышла из моря Байкала; а по Ангаре реке пороги зело страшные: запасы и товары, вверх идя и на них плывучи, на себе обносят иной порог», — писал безымянный автор в своем сочинении конца XVII века — «Описание новые земли, сиречь Сибирского царства».

Трудности пути не завершались на бурной, порожистой Ангаре. Опасности подстерегали путников и на ее правом притоке Илеме. Здесь приходилось преодолевать большой Илимский порог, стремнины и перекаты. По Илимю доходили до устья Идирмы, а дальше шли уже волоком. Позже использовался вариант этого пути — доходили по Илимю не до Идирмы, а до устья Туры. В любом из этих двух вариантов Ленский волок выводил к верховьям речки Муки. Из нее выходили в Купу, приток Куты, левый ленский приток. Волок был непродолжительным — его можно было преодолеть за один день. Однако сильно пересеченная местность и скальный грунт создавали крайне неблагоприятные условия для передвижения. Обычно через волок шли навьюченные караваны. Из Куты входили в Лену, которая до этого пункта текла с юга на север, а затем круто

поворачивала на северо-восток. Дальнейшее плавание по полноводной Лене проходило уже в более или менее благоприятных условиях. Все трудные участки пути оставались позади.

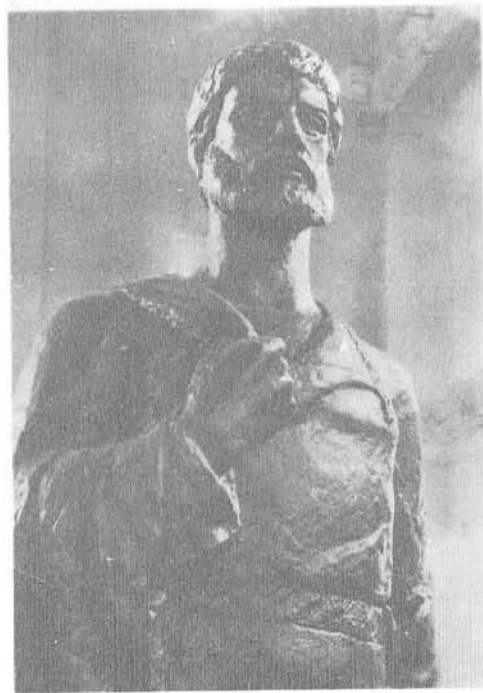
Основание в 1630 году острога Ленский волок, названного позже Илимским, было связано с открытием пути с Ангара на Лену. Острог становится важным перевалочным пунктом, базой отдыха, а в случае необходимости и зимовки торговых, промышленных и служилых людей, следующих с Енисея на Лену. Богатые торговые люди обзаводились здесь собственными избами и хлебными амбарами, а в 1639 году в Илимске был построен гостинный двор. Здесь же была учреждена таможенная изба для сбора пошлин.

В устье Куты на Лене также сложился важный перевалочный пункт, где постоянно скапливалось много торговых и промышленных людей, возвращавшихся с Лены или следовавших в обратном направлении в центральную Якутию. И здесь возводились амбары, строились речные суда, устраивались оживленные ярмарки.

Северный путь на Лену через Нижнюю Тунгуску и Вилюй теряет свое значение в связи с упадком Мангазеи и потерей его прежней роли как важного центра соболиных промыслов. С основанием Якутска эта роль переходит к новому центру на Лене, с которым захиревшая Мангазея не могла конкурировать. Путь через Ангару, Илим и Ленский волок становится официальным правительственным путем, которым пользовались и для всякого сношения с Тобольском и Москвой.

Вилюйский путь еще использовался в течение некоторого времени для местных связей с нижним Енисеем. Но вскоре его почти совсем забросили и стали вместо него пользоваться Чечуйским или Тунгусским волоком между верховьями Нижней Тунгуски почти у самых ее истоков и Леной. Преодоление этого волока требовало не более двух дней езды на коне. А весь путь от Туруханского зимовья до волока занимал до одиннадцати

Модель памятника
С. И. Дежневу в Великом Устюге.
Автор — скульптор
Е. Вишневецкая.

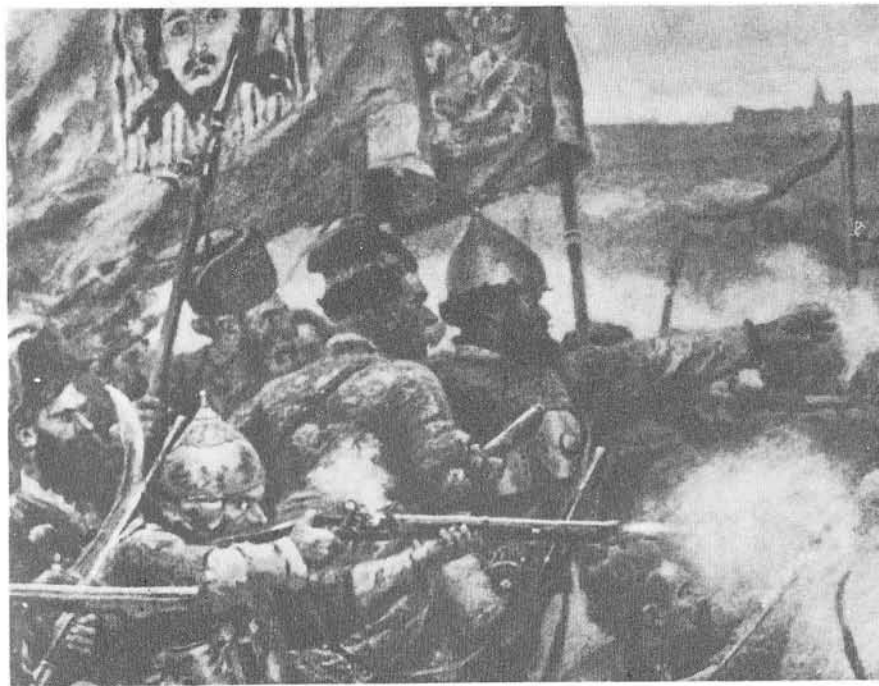

Прокопьевский собор в Великом
Устюге — архитектурный
памятник XVII в.

Церковь Вознесения в Великом
Устюге — архитектурный
памятник XVII в.

Покорение Сибири Ермаком.
Фрагмент картины
В. И. Сурикова.

Панорама города Енисейска
(со старинной гравюры).

Казанская церковь Илимского
острога — вторая половина
XVII в.

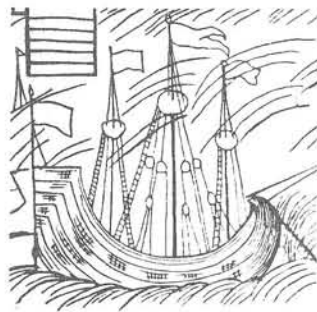
Вид города Илимска начала
XVIII в. (из серии Михаева).

Сибирский волок — рисунок к
летописи XVII в.

Сбор ясака. Рисунок из
«Кунгурской летописи».

Старинный русский беломорский
корабль (с рисунка конца
XVII в.).

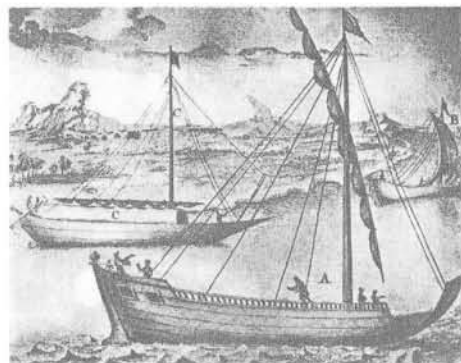
Древнерусское морское полярное
судно коч. Реконструкция
М. И. Белова.

Представители различных
народов, населяющих Сибирь.
Заглавный лист книги Витсена
(Амстердам, 1692).

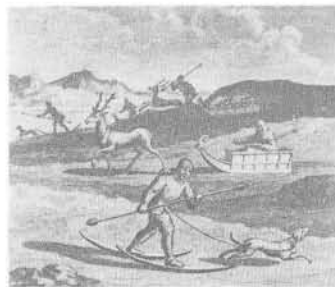
Сибирские дощаники (из книги
Н. Витсена).

Собачья упряжка (рис. И. Идеса,
1692).

Старинное русское судно
(иностр. изображение).

Оленья упряжка якутов (из
книги Н. Витсена).

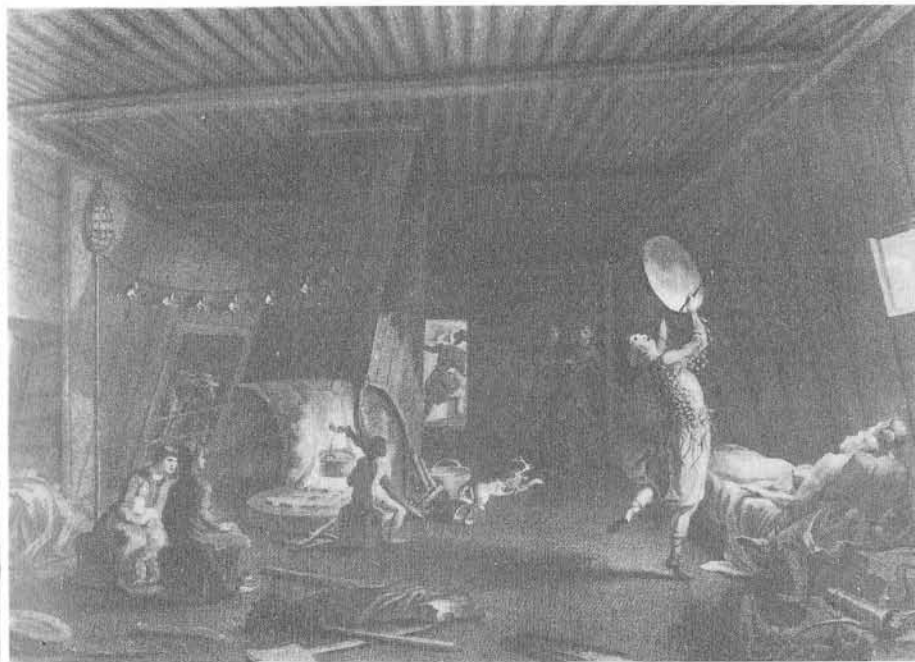

Якут (А), калмык (В), остяк (С)
и киргиз (Д) 60-х гг. XVII в. (из
книги Н. Витсена).

Оленья упряжка (рис. начала
XVIII в.).

Якутский шаман призывает
духов для излечения больных.

Татуированная чукчанка.

Чукотские женщины (из книги
Крашенинникова, 1755).

Femme Tchoutche

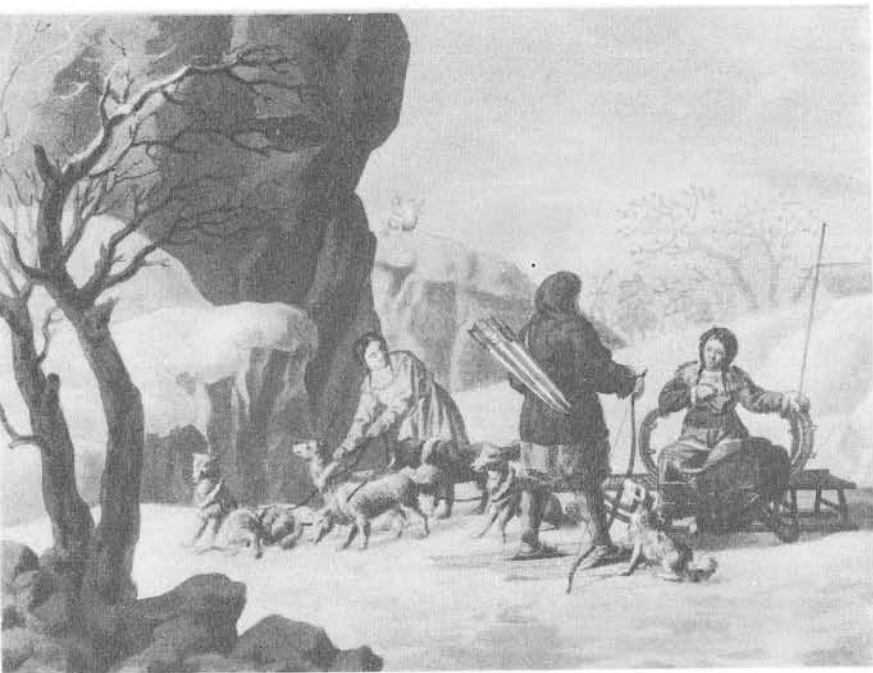
Чукотские Женщины

Мужчина-чукча.

Ительмены (камчадалы) по
Лепренсу.

Упряжка собак и сани (из книги
Н. Витсена).

Типы народов Восточной Сибири.
Ительмены (из книги Витсена).

Стрелковое и казачье оружие
XVII в. (по экспозиции
Государственного Исторического
музея в Москве).

недель. На волоке был поставлен Чечуйский острожек, а одно время здесь действовала таможня.

Служба Семена Ивановича Дежнева на Енисее, очевидно, напоминала его предыдущую службу в Тобольске. Ее наполняли походы с казачьими отрядами по огромной территории уезда для сбора ясака с ясачных племен: кетов, эвенков, хакасов и других приенисейских народов. Очевидно, судьба его бросала то в хакаские степи, то на Кетский волок, то в эвенкийские становища на нижней Ангаре. Плыл он с товарищами в дощанике по бурным рекам, ходил в дальние походы на коне. Возможно, участвовал в стычках с непокорными князьями. И, конечно, нес гарнизонную службу, охранял амбары с собольей казной, участвовал в возведении острожных построек.

В Тобольске и Енисейске служба свела Дежнева с целой плеядой славных первопроходцев, которые впоследствии станут его сподвижниками по исследованию и освоению Северо-Восточной Сибири. И те, кто непосредственно не служил в этих городах, никак не могли миновать их, следуя на ленскую службу или промыслы. Среди этих ярких людей было много земляков-поморов, выходцев с Великого Устюга, Тотьмы, Пинеги, Мезени, Холмогор, земли зырянской. Об этом свидетельствовали их выразительные прозвища: Холмогорец, Зырянин, Мезенец и пр. Среди них в первую очередь хочется назвать Федота Алексея Попова по прозвищу Холмогорец. Прозвище явно указывает на его холмогорское происхождение. Из Холмогор вышло немало славных мореходов и землепроходцев. Федот Алексеев становится приказчиком и доверенным лицом богатых московских купцов Усовых, имевших свои торговые интересы и в Великом Устюге, и на всем русском Севере. Они вели также крупные торговые операции и занимались пушным промыслом в Сибири. Усовы сочли Федота Алексея человеком надежным, деятельным и доверили ему ответственное и самостоятельное поручение, снарядив его в

Восточную Сибирь и снабдив крупной денежной суммой и большой партией товаров. Судя по всему, Федот отличался недюжинной энергией, предприимчивостью, смелостью и отвагой. Впоследствии, как мы увидим, пути Семена Дежнева и Холмогорца сойдутся на Колыме. Федот Алексеев выступит организатором и руководителем экспедиции на Восток, в которой важная роль будет отведена и Семену Ивановичу Дежневу. Инициатива первого даст возможность проявить героизм, войти в историю второму. А имя Федота Алексеева на долгие годы будет незаслуженно полузабыто, отодвинуто на второй план и даже по сей день не увековечено на географической карте.

В Енисейске служили некоторое время Парфен Ходырев, Василий Бугор, Михайло Стадухин, Посник Иванов, Петр Бекетов. Начальником над ними был атаман енисейских казаков Иван Галкин. Все эти люди оставили свой заметный след в продвижении русских на восток и северо-восток, в открытии новых неведомых дотоле земель и рек. Об этих людях еще пойдет речь.

В 1631 году енисейский воевода Ждан Кондырев направил казачьего сотника Бекетова с отрядом казаков на Лену и поручил построить там острог в знак утверждения русской власти в этих краях. Бекетовский отряд успешно поднялся по Ангаре и через Ленский волок вышел на Лену. Место для острога было выбрано в среднем течении Лены, там, где речная долина начинает расширяться, переходя в Центрально-Якутскую низменность. Принялись за строительство казаки. Расчистили площадку, валили деревья, подтаскивая по слегам бревна к месту будущего острога. Ставили проконопаченные мхом срубы, сторожевые башни, частокол.

Бекетов исследовал бассейн Лены, поднимался по ее притокам. Тем временем Посник Иванов ходил на Вилюй для объясачивания тамошних эвенков. Бугор поднимался вверх по Ангаре в бурятские земли. Возможно, что в некоторых из этих походов участвовал и Дежнев.

В 1636 году начальником Ленского острога становится Парфен Ходырев, сменивший Ивана Галкина. С этого времени острог стал называться городом Якутском. Энергичный Ходырев продолжает исследовать бассейн Лены и принимает меры для привлечения на якутскую службу новых людей. Он добивается перевода в Якутск части енисейских казаков. В 1638 году Семен Иванович Дежнев пришел на Лену в составе казачьего отряда Петра Бекетова. Приходят в Якутск и сотоварищи Семени по Енисейску: Михайло Стадухин, Василий Бугор, Посник Иванов и др. Все они шли Ангарой, описание которой оставил нам Спафарий, и Ленским волоком. Все эти люди отличались своей яркой индивидуальностью, своими неповторимыми характерами, на которые накладывали отпечаток нравы того времени и суровые условия сибирской жизни. Трудности закаляли характеры, делали людей дерзко-отважными, этакими отчаянными головами. Дерзкий и озорной, даже ударившийся в бегу Василий Бугор, задиристый и неуживчивый Михайло Стадухин, выдержанный и рассудительный, осторожный дипломат Семен Дежнев — такими предстают перед нами эти очень разные люди, сыны своего века. Бывало, что и ссорились, и враждовали друг с другом. Границы между уездами Сибири не были точно определены. И поэтому одна партия казаков, отправлявшаяся для сбора ясака, могла столкнуться с другой, и дело доходило до стычек. Мангазейские казаки сталкивались с якутскими, томские с енисейскими. А бывало, что ссорились и в пределах одного уезда. Каждому хотелось собрать как можно больше ясачной казны, напромышлять как можно больше мягкой рухляди, иметь и собственную выгоду. Между отрядами служилых и промышленных людей разгоралось соперничество, вспыхивали ссоры из-за промысловых угодий, сфер деятельности, разграниченных обычно весьма приблизительно. Мы станем свидетелем длительной вражды между Дежневым и Стадухиным. Была ли она только следствием

задиристого и неуживчивого характера Михайлы? И были в этой вражде Семен Иванович таким непогрешимым и праведным? В этом нам еще предстоит разобраться.

«Были у каждого из этих людей свои товарищи и друзья, свои недруги. Нравы того столетия были жестокими, но они смягчались бесстрашием, готовностью к любым жертвам и подвигам. Поэтому товарищей было больше, чем недругов» — так рассказывает писатель Сергей Марков, автор книги «Подвиг Семена Дежнева», издававшейся Географизом в 1948 году.

5. ЯКУТИЯ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

Большой период службы Семена Ивановича Дежнева прошел в Якутии. Он мало пребывал в самом Якутске, а основную часть этого периода провел на дальних реках: Яне, Индигирке, Колыме, Оленеке. Прежде чем повествовать о якутской службе Дежнева и его сотоварищей, постараемся рассказать о той исторической и этнографической обстановке, в которой протекала эта служба.

Обширный и малонаселенный край покрывали таежные просторы, переходившие на севере в безлесную тундру. Главной рекой и транспортной артерией края была Лена, достигавшая в нижнем течении в период весеннего половодья колоссальной ширины — десятков километров. Немалое значение имели и крупнейшие ленские притоки: левый — Вилюй и правые — Алдан, Олекма, Витим. На юге бассейн Лены отделялся Становым хребтом от амурского бассейна. А на юго-востоке хребет Джугджур служил водоразделом между реками ленской системы и реками, впадающими в Охотское море. К востоку от нижней Лены за Верхоянским хребтом протекала Яна, за ней Индигирка, а далее Колыма, впадавшие в Северный Ледовитый океан.

В Якутии Семену Ивановичу пришлось общаться с разными племенами и народами. Их обычаи, весь жизненный уклад были так непохожи на привычный поморский уклад. Чтобы наладить мирные, дружественные контакты с аборигенами, Дежнев пылливо присматривался к их жизни, привычкам, особенностям быта.

Этническая карта Восточной Сибири выглядела весьма пестрой. Наиболее древними жителями современной Якутии были предки нынешних тунгусов-эвенков, ламутов-эвенов и юкагиров-огулов. Языки первых двух, родственных между собой этносов относились к тунгусской ветви тунгусо-маньчжурских народов. Язык или языки юкагиров ученые относят к палеоазиатским языкам. Под термином «палеоазиатские» наука подразумевает наиболее древние местные языки, которые не могут быть классифицированы по известным языковым группам. В XVII веке к приходу русских юкагиры подразделялись на роды и племена — чуванцев, ходынцев, анаулов, алазеев и др. В них русские иногда ошибочно усматривали обособленные народы.

«С эпохи палеолита и неолита коренные жители Севера прошли в своей суровой стране длительный и сложный исторический путь», — писал академик А. П. Окладников. С незапамятных времен кочевые лесные и тундровые народы сумели приспособиться к условиям Севера. Они занимались, охотой, используя для этого лук со стрелами, а также разного рода хитроумные ловушки и силки. Для передвижения по целине использовались лыжи. Теплая и удобная одежда изготовлялась из звериных шкур, а жилищами служили легкие переносные чумы остроконечной формы. Они представляли собой каркас из жердей, обтянутый древесной корой или шкурами животных. Большую роль в хозяйстве эвенков, эвенов, юкагиров играл прирученный ими северный олень. Это полезное домашнее животное служило средством передвижения, а также давало мясо и теплый мех. Занимались эти народы и рыбной ловлей,

и лесным собирательством (сбор ягод, грибов, кедровых шишек).

Своеобразная духовная культура этих народов была связана с анимистическими представлениями, обожествлением сил природы, развитой мифологией, в которой можно найти попытки высказать наивные космогонические представления, найти место человека во Вселенной. В качестве посредника между человеком и сверхъестественными силами природы, заклинателя и знахаря выступал шаман. Он же был хранителем местных традиций. Шаман пользовался неограниченным влиянием среди соплеменников. Как пишет А. П. Окладников, со временен эти народы, о которых идет речь, «поднялись даже до создания зачаточной первобытной письменности в ее пиктографической и ранней идеографической форме».

Далеко не все северные племена научились выплавлять металл и пользоваться металлическими орудиями. А те, что вступили в железный век, еще долго наряду с железными пользовались и каменными и костяными орудиями труда и предметами вооружения.

Южными соседями этих народов были тюркские племена, представлявшие в языковом отношении восточную ветвь тюркских языков. Они освоили скотоводство и земледелие, используя относительно благоприятные природные условия Прибайкалья, его плодородные почвы. Они также освоили выплавку железа и пользовались металлическими орудиями, вплотную подойдя, по выражению А. П. Окладникова, к высшей ступени варварства.

Среди тюркских племен Прибайкалья обитали с незапамятных времен и предки нынешних якутов. В XIV—XV веках происходит процесс перемещения этих прото-якутов на север, на среднюю Лену. Причиной этого перемещения было, вероятно, наступление более многочисленных и сильных бурятских племен. Утвердившись на средней Лене и ее притоках, якуты, в свою очередь,

оттеснили эвенков, эвенов, юкагиров на периферию ленского бассейна или за его пределы, а частично ассимилировались с ними.

В результате переселения на север якуты попали в менее благоприятные климатические условия. И эти перемены оказали существенное влияние на социально-экономическое развитие народа, затормозили его и даже отбросили назад. В якутских сказаниях и легендах сохранились воспоминания о южной земле, земле обетованной, теплой и плодородной, где «никогда не заходит солнце, месяц был без ущерба, кукушки не переставали куковать, трава не желтела, деревья никогда не валялись...». Здесь мы видим безусловно опозитизированный и гиперболизированный образ земли обетованной. Она невольно сравнивалась с нынешней северной землей, холодной, неласковой, слякотной, с ее зимними морозами и метелями.

Переместившись на север, якуты сохранили некоторые скотоводческие навыки и продолжали разводить лошадей и крупный рогатый скот. Развитию скотоводства в средней и южной Якутии способствовало наличие обширных сочных пойменных лугов. Якуты также принесли сюда умение выплавлять железо и выковывать из него орудия труда и различные виды холодного оружия. Владели они и гончарным ремеслом, изготавливая разнообразную посуду из обожженной глины. Важным источником существования, особенно для бедняков, не имевших скота, была рыба. Ее замораживали на зиму и вялили. Принесли якуты и новый тип жилища — балаган из стоячих наклонных бревен, обложенных дерном, с плоской крышей и окнами, затянутыми пузырярем. Щели между бревнами замазывали глиной и навозом. Отапливался балаган открытым очагом — камельком. К жилищу пристраивался хлев для скота, который часто и не отделялся от жилого помещения. Вместе с тем пришельцы с юга многое позаимствовали у своих северных предшественников, например чум, который

использовался в качестве летнего жилища, тип одежды из меха, способы рыболовства и звериного лова. Впрочем, у якутов-скотоводов охота и рыболовство играли в хозяйстве подсобную, второстепенную роль.

Но многое якуты, переселившись на север, и потеряли. Они перестали разводить верблюдов и овец, на сотни лет утратили навыки земледелия, позабыли о хлебе, прервали торговые связи с югом. Были ощутимые потери и в духовной сфере. Была утрачена письменность, которая, по предположению ученых, существовала у прибайкальских предков современных якутов. Хотя в социально-экономическом развитии якуты стояли выше своих соседей, перемещение на север, на Лену отбросило их назад в своем поступательном развитии. Тем не менее якуты сохранили свои основные скотоводческие навыки и сумели продвинуть главные виды скотоводства, распространенные в Прибайкалье (коневодство и разведение крупного рогатого скота), далеко на север. Скот был главным богатством якутов. На мясо забивали не только коров, но и лошадей. Из кобыльего молока изготавливали кумыс, подававшийся на праздниках. Летом устраивались «кумысные» праздники, сохранившиеся по национальной традиции до наших дней. Коровье молоко запасали на зиму в квашеном и замороженном виде. Якутские породы скота были хорошо приспособлены к суровым условиям севера. Летом скот пасли на лугах, на зиму заготавливали сено. Сенокосение было известно якутам еще до прихода русских.

Устное народное творчество якутов отличалось богатством и многообразием. Их эпические повествования олонхо были яркими самобытными образчиками народного искусства. Культура якутов оказала благотворное влияние на соседние лесные и тундровые народы, обогатила их. В свою очередь, якуты многое восприняли из культуры эвенков, эвенов, юкагиров, прежде всего все то рациональное в быту и хозяйстве, что помогло приспособиться к суровому северному климату. «В результате

оформилось нечто совершенно новое, возникли новая культура и новый народ, представляющие, однако, не механическую смесь чужеродных элементов, а гармоническое целое, в основе которого лежал мощный пласт южного происхождения», — писал А. П. Окладников.

О широком развитии металлургии у якутов свидетельствует Столов, надзиратель железных заводов в первой половине XVIII века. Это интересное свидетельство приводит академик Окладников в написанном им первом томе истории Якутии (Якутск, 1949). «Якуты по Лене, почитай, все кузнецы. Каждый в своей юрте имеет горн и наковальню. Когда ему что надобно сделать, то, поехав на нартах, привезет руды железной, которой там везде много и очень хорошей, гольян или магнитную, положит в горн, так долго жжет, как железо делается; из одного сделает что ему надобно. Но одного на продажу весьма мало делают... Они очень искусны сундуки оковывать, за которые им якутские жители довольно платят. Однако ж на Руси хорошо и чисто оковывать едва за тройную цену кто возьмется».

Кузнечное ремесло считалось в якутском обществе почетным, престижным, а искусные мастера кузнечного дела пользовались большим уважением. Нередко кузнец, подобно шаману, был и знахарем и предсказателем. В якутских эпических былинах — олонхо часто фигурируют богатыри кузнецы, наделенные чудесной, сверхъестественной силой.

Якутские воины пользовались металлическими шлемами, украшенными красивым орнаментом, и пластинчатыми доспехами. Железные пластины прямоугольной формы крепились поверх кожаной рубахи. Такой тип боевого доспеха был широко распространен в странах Востока. Очевидно, якуты познакомились с ним еще в Прибайкалье через торговые связи с народами Средней Азии, Монголии, Китая. В качестве боевого оружия употреблялись лук со стрелами и «пальмы» — острокопечные ножи, насаженные на древко и игравшие в таком

виде роль копья или дротика. У якутов существовали небольшие «острожки» или «городки», укрепленные поселения, соорудившиеся из дерева и носившие обычно временный характер. Возводились они для того, чтобы выдержать нападение воинственных соседей, отсидеться за их стенами. До прихода русских кровавые межплеменные столкновения были обычным явлением.

К приходу русских у якутов происходил заметный процесс разложения первобытнообщинного строя. Наблюдалось имущественное расслоение якутского общества. В общей массе соплеменников выделялась родоплеменная знать — тойоны, захватившая лучшие пастбищные земли, владевшая большими стадами скота, заставлявшая трудиться на себя рядовых членов общины. Тойона окружали вооруженные дружинники из числа долговых рабов и доставшихся в качестве военной добычи, а также различный малоимущий зависимый люд. О богатстве отдельных тойонов могут свидетельствовать такие примеры. Намский князец Ника Мамыков имел не менее 150 голов скота. При дележе наследства умершего батурусского князца Молтого Огеева в 1690 году была выявлена 231 голова разного скота. По актам XVII века известно, что наиболее богатые тойоны имели по 300—400 голов скота и десятки рабов. По существу, речь идет о крупных рабовладельческих скотоводческих хозяйствах. По представлению якутов тойоны вели свое происхождение от сверхъестественных небожителей, прославленных шаманов, легендарных прародителей якутского народа. Таким образом родоплеменная верхушка окружалась определенным ореолом святости и исключительности. И это представление всячески поддерживалось шаманами.

К XVII веку, к моменту появления русских в ленском бассейне, якуты уже сформировались в народность с единым языком и культурой. Но стадии государственности они не достигли. В XVII веке у якутов был уже развитый родоплеменной строй. Сохранялись некоторые

пережитки матриархата, например в счете родства, пережитках своеобразных форм группового брака. О матриархате в прошлые времена напоминали рассказы о девушках-богатырях в якутском фольклоре.

Невесту жених умыкал и договаривался с ее родителями. В одних случаях за невесту выплачивался калым, в других случаях бралось с ней приданое. На этот счет у разных племен существовали свои обычаи. Практиковалась и такая форма брака, как брак обменом. Две семьи, заинтересованные в том, чтобы укрепить взаимные родственные связи, обменивались невестами. Эта форма иногда имела место при примирении враждующих сторон. Все зависело от договоренности и местных традиций.

Отдельные дворы находились обычно на большом расстоянии один от другого. Жили якуты большими семьями. Кроме своих лиц, связанных кровным родством, под одной крышей могли находиться пришлые зятья, воспитанники, работники, рабы. Глава семьи, отец или старший из братьев, располагал неограниченной властью над всеми домочадцами. В семье существовала строгая иерархия. Старшие стояли над младшими, жены находились в полном подчинении у мужчин, дети — у родителей. Работники и особенно рабы занимали самую низшую ступень в этой иерархии. Глава семьи был для них ага — отцом, а также тойоном — господином. Если у богатого якута было много рабов, то для них ставили специальное жилище. Рабы и работники прислуживали в доме, ухаживали за скотом, забивали животных, заготавливали дрова, выполняли всякие другие хозяйственные работы. Раб составлял собственность хозяина. Его можно было обменять на что-либо, подарить другому лицу, дать в приданое за дочерью. В целом положение рабов было тяжелым и бесправным, хотя и зависело от характера и нрава хозяина. Он мог быть и более человечным и мягким, а мог быть и более жестоким и деспотичным. В судебных

документах XVII века можно найти немало свидетельств бесчеловечного обращения хозяев со своими рабами и работниками вроде вот этого: «хозяин иво нюрюптейский якут Деник Боков иво Овсея не поит и не кормит, бьет и увечит...». В случае смерти богатого хозяина его любимых рабов убивали, чтобы они могли прислуживать ему и в загробной жизни.

Если между семьями возникали какие-либо конфликтные дела, тяжбы, например из-за угодий, в качестве единственного судьи выступал тойон. Хотя русские воеводы отнюдь не были носителями безупречной справедливости и никак не могут идеализироваться, якуты предпочитали обращаться с разными судебскими тяжбами в воеводскую избу, а не к своим тойонам. Это говорит об убежденности якутов в том, что тщетно искать какой-либо правды у своего тойона, еще большего мздоимца и деспота. Русская власть, феодальная по своему характеру, все же выступала носителем хоть какой-то законности. Не раз и Семену Ивановичу приходилось выступать в роли арбитра, примирителя враждующих сторон, вступаться за обиженных.

Если рядовые члены рода вели тяжелую трудовую жизнь, то тойоны жили в праздности и достатке, имели по многу рабов и слуг, которые трудились на них. Если они иногда и охотились, то только ради забавы и развлечения. Во времена столкновений с другими племенами или народами тойоны выступали в качестве военных предводителей. Их военную дружину составляли вооруженные родичи, занимавшие в ней привилегированное положение, а также рядовые соплеменники, слуги и рабы.

Иногда тойоны соседних родов с другими представителями богатой родовой верхушки, «лучшими людьми», съезжались на совет, заключали союзы с одними против других, решали межродовые тяжбы. Они постоянно нападали не только на своих соседей — якутов, но и на эвенков, эвенов, юкагиров. Обращение с побежденными

было исключительно жестоким. У побежденных отбирали скот, имущество, жен, детей, многих обращали в рабство или истребляли, а оставшихся на свободе облагали данью.

Острое социальное неравенство в якутском обществе не могло не привести к острой классовой борьбе. Как пишет А. П. Окладников: «Несмотря на связанность рядовых членов родовой общины патриархальными узами и зависимость их от знати, в якутском обществе еще до появления русских существовал поэтому классовый антагонизм, шла глухая классовая борьба». Наиболее распространенной формой социального протеста рабов и зависимых было их бегство от хозяина в другой род.

Между отдельными якутскими родами и племенами шло постоянное соперничество, выливавшееся нередко в кровавые усобицы. Более сильные и влиятельные тойоны стремились обратить более слабых соседей в своих данников и расширить сферу своей власти. Здесь уже просматриваются предпосылки создания крупных родоплеменных объединений. В начале XVII века одним из наиболее влиятельных и воинственных тойонов Якутии был кангаласский князец Тыгын, власть которого распространялась на левый берег Лены в центральной части расселения якутов. Из русских первым столкнулся с ним казачий атаман Иван Галкин в 1631 году. Позже он в своем донесении царю написал: «А те кангаласские князцы людны и всею землею владеют и многие князцы их боятся».

В якутском фольклоре встречается упоминание Тыгынова деда Баджея, или Дойдуха-Дархана, как о богатом и влиятельном тойоне, имевшем много рабов и воинов. В легендах якутов можно также найти рассказы о том, как Тыгын после смерти отца вел долгую борьбу за власть со старшими братьями и лишь под старость лет достигает над ними частичной победы. Образ Тыгына в фольклоре опозитизирован и идеализи-

рован. Его могущество гиперболизировано. Создатели легенд представляли его как своего рода могущественного «царя» якутов.

Не был ли Тыгын предвестником объединения якутских родов и племен в раннее государственное образование? Можно ли рассматривать появление такой фигуры шагом к якутской государственности? Советские ученые, в том числе и якутские, отвечают на этот вопрос сдержанно и по существу негативно. Приведем высказывание из такой авторитетной публикации, как книга очерков «Якутия в XVII веке», изданная в Якутске (1953) под редакцией С. В. Бахрушина и С. А. Токарева. «Наши источники не подтверждают этих представлений о межплеменных объединениях государственного типа якутов той эпохи. Более того, нет никаких оснований предполагать, что у якутов существовали какие-либо прочные, постоянные связи между отдельными племенами, связи, которые бы выходили за пределы упоминавшихся временных и эпизодических союзов.

По сравнению с соседними кочевыми народами, оленеводами и охотниками якуты располагали более сложными и развитыми религиозными представлениями. Духовные существа, которым они поклонялись, делились на светлые, или «верхние», божества и злые и темные, или «нижние». Был культ светлых божеств, покровителей плодородия и скотоводства. В их честь и устраивались «кумысные» праздники «ысыах». Изображения этих божеств-покровителей хранились в жилищах и хлевах. Очень долго у якутов сохранялись и элементы тотемизма. Каждый род имел свое почитаемое животное-тотем, например лебедя, гуся, ворона и т. п. Строго запрещалось употреблять его в пищу. С религиозно-мистическими представлениями якутов были связаны и обряды присяги или клятвы. Простейший вид присяги заключался в том, что присягаемый выпивал воду с солью. Если он при этом проливал воду на землю, то считался виновным.

С течением времени якуты, придя на Лену с юга, расселились тремя большими территориальными группами — по средней Лене и Алдану, по нижнему течению Вилюя и нижней Олекме. Вся остальная часть лено-ского бассейна оставалась заселенной эвенками. Четкой границы расселения между ними не было. Заселяя периферию Якутии, эвенки местами вклинивались в районы обитания якутов, кочевали по верховьям Яны, Индигирки и Колымы. К северу от места обитания их восточной ветви расселялись юкагиры, а к югу, охватывая и Охотское побережье, — эвены. С этими народами судьба также не раз сталкивала Семена Ивановича, всегда стремившегося к добрососедству и дружбе с ними.

Если якуты вели оседлый и отчасти полуседлый образ жизни, эвенки, эвены и юкагиры, вытесненные из центральной Якутии, продолжали вести кочевой образ жизни. К этому предрасполагали поиски новых оленьих пастбищ и охотничьих угодий. Необычайная подвижность этих народов мало способствовала устойчивости общественных отношений. Они жили родами, происходившими от большой семьи, отделившейся от первоначального рода. Каждый род управлялся старейшиной — тайшей или тойоном, а по русской терминологии — князцом, который, впрочем, не имел такого влияния, как якутский тойон. Юкагирский родовой старшина был обычно и шаманом.

У всех этих народов разложение родоплеменного строя и имущественное расслоение еще не зашло так далеко, как у якутов, хотя и здесь имело место имущественное неравенство, выделялась своя родоплеменная верхушка. Племенная организация складывалась далеко не везде, тогда как у якутов она сложилась давно и повсеместно. У эвенков русские наблюдали в XVII веке существование рабства, хотя оно, по-видимому, и не получило у них столь широкого распространения, как у якутов, и носило более патриархальный характер. Из-

вестны случаи, когда эвенки давали рабов в качестве калыма за невесту, продавали, закладывали, выменивали за соболиные шкурки.

При мирных отношениях с соседними народами якуты вели с ними торговлю, выменивая у них соболиные шкурки и другие меха на скот, молочные продукты, а также металл и предметы ремесла. Этот обмен, принимавший архаичный вид «взаимных подарков», был обоюдовыгоден. Он сопровождался угощениями и плясками. Пушной промысел втягивал эвенков, а отчасти эвенов и юкагиров, в торговый обмен с якутами, а потом и русскими.

Но часто мирные отношения нарушались. Эвенкийские роды враждовали и воевали и между собой, и с юкагирами, и с якутами. Придя на Лену, русские служилые люди стали свидетелями вражды и столкновений эвенков с Нижней Тунгуски с верхнеленскими эвенками. Инициатива исходила от первых, и верхнеленские жили в вечном страхе, ожидая нашествия недругов. Частные военные столкновения заставляли эвенков совершенствовать свое наступательное и защитное вооружение. Они использовали луки, рогатины, щиты, металлические или костяные пластинчатые панцири и шлемы-шишаки.

Неспокойным застали русские Ленский край. Стали свидетелями яростных схваток кровавых усобиц между отрядами воинственных князцов, внезапных нападений враждебных племен на мирные поселения соседей, видели опустошенные, разграбленные и выжженные становища, встречали людей изуверченных, со шрамами на лицах — отметинами, оставленными вражескими пальмами во время кровопролитных схваток. Стоило русским появиться на Лене, как стали приходить к ним якуты, эвенки с жалобами на недругов, со слезными мольбами обуздать воинственных князцов, вызвать из неволи своих сородичей, навести мир и порядок. Именно в русских местное население увидело ту реальную

силу, которая была способна покончить с межплеменными усобицами и войнами, обеспечить мирную жизнь.

Русские власти были заинтересованы в умиротворении края, прекращении кровавых стычек между племенами. Только мирные условия обеспечивали нормальную хозяйственную жизнь и бесперебойное поступление ясака. Поэтому русские администраторы на Лене видели одну из главных задач своей политики в поддержании мира, обуздании межплеменной вражды. Нередко приходилось вмешиваться в конфликтные ситуации, принимать меры, чтобы гасить их, а против наиболее задиристых князцов предпринимать военные походы. В этих операциях принимал участие и Семен Дежнев. Со становлением русской власти межплеменные усобицы в значительной мере свелись на нет. Удалось достичь этого далеко не сразу, особенно в окраинных районах. Меры властей в этом направлении встретили среди основной части аборигенного населения самую положительную реакцию.

Первоначальное место, выбранное сотником Бекетовым под Ленский (Якутский) острог, так называемое Чуково поле, оказалось неудачным. Весной его заливали вешними водами. Поэтому острог вскоре был перенесен на новое место, верст на десять выше по Лене. Его опоясывали бревенчатые стены длиной 333 сажени (свыше 700 м) с пятью башнями. Внутри острога находились воеводский двор, две церкви, амбары, помещение для гарнизона, тюрьма, изба для аманатов — заложников из числа местного населения.

Распространяя свою власть на просторы Восточной Сибири, русские ставили в качестве опорных пунктов на Лене и ее притоках остроги, острожки, зимовья. Еще в 1630 году был основан Киренск на верхней Лене у впадения в нее Киренги, а в следующем году — Усть-Кутский острог, в устье Куты. В 1632 году возникло Жиганское зимовье, или Жиганы, на нижней Лене. В 1634 году — Верхневилуйское зимовье в верховьях

левого ленского притока Вилюя. В 1637 году отряд томских казаков во главе с атаманом Дмитрием Копыловым поднялся вверх по Алдану, правому притоку Лены, и заложил здесь в следующем году Бутальский острожек.

В 1638 году из этого острожка партия казаков, предводительствуемая Иваном Юрьевым Москвитиновым, отделившись от Копылова, поднялась вверх по Мае и Юдоме и вышла перевалами хребта Джугджур на побережье Охотского моря. Так русские впервые вышли на «Большое море-окиян», которое местные жители эвены и ламуты называли Ламским морем. Пункт, которого достиг Москвитин, — это устье реки Ульи, несколько южнее теперешнего Охотска. Здесь землепроходцы прожили два года. На основании экспедиции Москвитина Курбатов Ивановым были составлены первые чертежи Охотского побережья. Хотя чертежи эти, по-видимому, не сохранились до наших дней, о них есть упоминание в челобитной Курбата от 1642 года.

Якутия послужила исходным плацдармом для двух дальнейших мощных потоков землепроходцев и переселенцев. Первый поток, южный, имел своей целью достижение Охотского побережья и Амура. Вслед за экспедициями Копылова и Москвитина последовали походы на Амур Василия Пояркова (1643—1646) и Ерофея Хабарова (1647—1651), знаменитые исторические походы.

Письменный голова якутского воеводства Поярков поднялся с отрядом казаков по Алдану почти до самых истоков, а затем по речкам Учтуру и Гонаму. Зимой он перешел через Становой хребет и вышел к верховьям Зеи, а с открытием навигации спустился по Зее в Амур. Широкая полноводная река поразила землепроходцев величием и красотой. Приамурье представляло собой холмистую степь, которая со временем могла стать щедрой хлебной житницей. А речная пойма была покрыта буйной растительностью. По живописным берегам

росли дуб, орех, тополь и еще какие-то неведомые русским деревья. Река изобиловала всякой рыбой.

Поярковцы спустились вниз по реке и зазимовали на нижнем Амуре. Следующим летом они вошли в Охотское море и шли вдоль побережья на север, до устья реки Ульи, где уже побывал Москвитин. Это было первое плавание русских по Ламскому (Охотскому) морю. О своем путешествии Поярков составил «чертеж и роспись». С Ульи экспедиция возвратилась в Якутск. Поярков докладывал якутскому воеводе, что на Амуре живут независимые племена, не признающие ничьей чужеземной власти.

Экспедиция Пояркова положила начало русским исследованиям и освоению Приамурья. Последующие экспедиции Ерофея Хабарова и Онуфрия Степанова привели к приведению приамурского населения в русское подданство. На Амуре создаются первые русские поселения и укрепленные пункты. Ни Поярков, ни Хабаров, ни Степанов никаких иноземцев из соседних стран здесь не встретили и убедились в том, что различные приамурские народы были независимы и никому не платили дани. Походы этих землепроходцев имели огромное историческое значение — южный поток русских на Восток достиг Амура и Тихого океана.

По пути, уже пройденному Москвитиным, прошел около 1646 года отряд казачьего десятника С. А. Шелковникова. Он вышел на Охотское побережье к устью реки Охоты. Оттуда он послал часть отряда во главе с А. Филипповым на кочах вдоль побережья. Филиппов за одни сутки прошел до «Каменного мысу» (полуострова Лисянского), у которого обнаружил большие моржовые лежбища. Затем он шел еще в течение нескольких суток до устья реки Мотыклеи, где, по словам местных эвенов, на прибрежных островах было много всякого зверя. В 1649 году он вернулся с Охотского побережья в Якутск. Наиболее ценным результатом этого путешествия была составленная с его слов лоция или

«Роспись от Охоты реки морем итти подле земли до Ины и до Мотыкля реки и каковы те места, и сколько где ходу и где каковы реки и ручьи пали в море, и где морской зверь ложится и на которых островах». Поморские мореходы с давних пор составляли подобные лоции, содержавшие описания берегов, приметных ориентиров и расстояний между ними. Лоциями пользовались при отсутствии карт для ориентировки во время плавания.

Пытались русские достичь Охотского побережья и другим путем — через верхнюю Индигирку и Оймякон. В 1642 году этим путем ходил Андрей Горелый, но немного не дошел до цели, собрав интересные сведения о природе и жителях края.

Еще Семен Шелковников поставил близ общего устья Охоты и Кухтуя зимовье. В 1649 году рядом с уже существующим зимовьем был поставлен острог. Так было положено начало Охотску, который сыграл важную роль для морских путешествий по Охотскому морю, к берегам Камчатки и Курил.

Второй поток был устремлен на северо-восток — на Яну, Индигирку, Колыму, Анадырь, Чукотку и Камчатку. С этим потоком была связана деятельность Федота Алексеева, Семена Дежнева, Михаила Стадухина и других. О них пойдет речь в нашем дальнейшем повествовании.

В 1639 году в Ленском крае было учреждено воеводство. О задачах, которые ставились перед воеводами, можно судить по специальным инструкциям-наказам, которые выдавались именем царя Сибирским приказом. Воеводам предписывалось обеспечить оборону вверенного им города, наладить бесперебойный сбор ясака и исправное его поступление в казну, содействовать торговле, промыслам, контролировать деятельность таможенных голов, выполнять судебные функции как в отношении русского населения, так и туземного. Это был

широкий круг полномочий и обязанностей, детально описанных в наказах.

В чиновно-бюрократической иерархии Московского государства воеводы занимали видное место. Воеводами, как правило, назначались представители знатных и родовитых фамилий, боярских и княжеских. Воеводская должность считалась почетной и престижной, а главное, прибыльной, дававшей возможность обогащаться. В представлении тогдашнего русского общества образ воеводы неизменно связывался с образом безудержного корыстолюбца и казнокрада. Чем дальше от столицы находился центр воеводства, тем, естественно, слабее был контроль центральной власти, тем безнаказаннее чувствовали себя воеводы. Поэтому лица, назначавшиеся на воеводские должности в Сибирь, ехали туда охотно в надежде обогатиться. В Якутии они располагали неограниченной и бесконтрольной властью над населением края. Приезжали новые воеводы с пышной и многочисленной свитой, десятками слуг и приближенных. Так, например, второй якутский воевода Василий Пушкин (1644—1649) привез с собой свиту в пятьдесят человек. Воеводы вели образ жизни удельных князей, окружали себя полчищами слуг, устраивали многолюдные пиршества, от участия в которых не избавлялись все дети боярские, сотники, пятидесятники, торговые люди. Для развлечения воеводского устраивались всякие потешные зрелища, кулачные бои, медвежьи травли и т. п.

Удаленность Якутска от центральных районов страны, специфические условия края сводили на нет всякие попытки правительственного контроля над воеводами, которые и всячески пользовались своей бесконтрольностью, занимались казнокрадством, чинили произвол, злоупотребляли властью. Правительство отдавало себе отчет в том, чего можно ждать от своенравных и корыстолюбивых воевод. Заинтересованные в бесперебойном поступлении из Сибири мягкой рухляди, руководи-

тели Сибирского приказа посылали воеводам предписания не притеснять ясачных людей, своевременно и сполна выплачивать служилым людям жалованье. Правительство предлагало собирать ясак «с великим рачением, всякими мерами, ласкою, а не жесточью». Это важное требование преследовало цель не ожесточать ясачных людей, обеспечить нормальные условия для регулярного и бесперебойного поступления в казну мягкой рухляди.

Как видно из наказа воеводе Ивану Большому Голенищеву-Кутузову об отправлении им воеводской должности (1658), правительство требовало проявления максимального терпения и гибкости и в отношении немирных, необъясаченных аборигенов, воздействуя на них прежде всего уговорами — «и велети их прежде уговаривати всякими мерами ласкою, чтобы они в внах своих государю доби́ли челом, и были под государевою высокою рукою и ясак с себя платили». И лишь в том случае, когда уговоры и увещания не могли достичь цели, допускалась «война небольшим разорением».

В наказах делалась попытка уберечь служилых людей от воеводского произвола, гарантировать их интересы. В том же наказе Голенищеву-Кутузову читаем: «Государь царь и великий князь Алексей Михайлович... их пожаловал, велел им давати свое государство жалованье по окладом их сполна, и велел их служилых и жилецких людей беречь и нуж их розсматривати, чтоб им ни от кого ни в чем нужи, и тесноты, и убытков, и продажи и налогов не было, и они б служилые и всякие люди, его царским милостивым призьрением и жалованьем, жили в тишине и покое безо всяки нужи, и промыслы своими всякими промышляли без опасенья». Давая подобное предписание воеводе, правительство надеялось удержать служилых людей от злоупотреблений.

Все эти указы и предписания мало возымели действия. Служилые люди годами не получали установленного им жалованья и были вынуждены промышлять

всякими дозволенными и недозволенными методами, чтобы как-то прокормиться и кое-что отложить себе на черный день. Воеводы облагали ясачных людей не только государевым ясаком, но и всяческими поборами в свою пользу, а сборщиков ясака принуждали привозить подарки — ценную пушнину.

На первых порах правительство придерживалось практики посылать в Якутск одновременно двух воевод. Расчет был на то, что двоевластие предотвратит неумеренную концентрацию власти в одних руках, ограничит возможность злоупотреблений и произвола, позволит использовать двоевластие как инструмент взаимного контроля. Такая практика применялась временами и в других воеводствах, а в Тобольске одно время было сразу несколько воевод. В Якутск в 1639 году наряду с воеводой стольником Петром Головиным был назначен еще и второй воевода, стольник Богдан Глебов. Вместо них в 1644 году были назначены Василий Пушкин и Кирилл Супонев.

Но при неопределенном разграничении обязанностей старшего и второго воевод между ними возникали постоянные конфликты, ссоры, а вокруг них складывались противоборствующие, соперничающие партии. Это нарушало нормальный ход жизни в воеводстве, парализовывало всю его административную систему. Нередко случались и драки между противниками в съезжей избе. Все это сполна испытал на себе Якутск. А бывало и другое. Воеводы находили общий язык и становились сообщниками в злоупотреблениях властью, покрывая друг друга. Все это заставило правительство в дальнейшем отказаться от практики одновременной посылки двух воевод. В 1649 году в Якутск был направлен из Москвы уже только один воевода, Дмитрий Андреевич Францбеков.

Ближайшими помощниками воевод были дьяки, государственные чиновники высокого ранга. Делопроизводством воеводства ведала приказная изба с доволь-

но большим штатом подьячих. На основании документов известно, что в 1675 году она состояла из трех главных отделений, или «столов», — казначейского, ясачного и хлебного. Казначейский ведал казной и выдачей денежного жалованья, ясачный — сбором ясака и хранением пушнины, а хлебный — пополнением хлебных запасов и выдачей служилым людям хлебного жалованья. Кроме того, имелся еще разрядный стол, ведавший пополнением личного состава и его перемещениями. Был еще в составе штата приказной избы особый таможенный подьячий. Общее число чиновников этого ранга к началу 80-х годов достигало восьми. Во времена Дежнева их было, вероятно, меньше. Подьячий получал денежное жалованье от 6 до 15 рублей в год, а также хлебное (рожью и овсом) и соляное жалованье. Для сношения с аборигенными народами имелись штатные толмачи, число которых не было постоянным. Общаясь с коренным населением Восточной Сибири, многие русские служилые и промышленные люди усваивали языки якутов, эвенков, других народов. Этому способствовали и частые смешанные браки. Поэтому подобрать хороших толмачей не составляло труда. Общение с коренными народами давало возможность получать от них разнообразную географическую информацию, которая использовалась первопроходцами при определении последующих маршрутов.

Так, в новых воеводствах, по мере освоения Сибири, складывался феодально-бюрократический аппарат. Кроме штатных чиновников административной службы, при съезжей избе состояли выборные от русской части населения целовальники, привлекавшиеся к охране казны и запасов, а также заключенных. Судопроизводство вершилось по усмотрению воеводы.

Из всех якутских воевод заслужил наиболее отрицательную оценку современников самый первый из них по времени пребывания, Петр Петрович Головин, проживший на Лене в течение пятилетнего периода. Источ-

ники характеризуют его как человека крутого, подозрительного, надменного и корыстолюбивого. От его жестокости пострадали многие служилые люди, ставшие жертвой его подозрительности и издевавшие застенков. Давая оценку жестокостям воеводы, авторы книги очерков «Якутия в XVII веке» пишут: «Головин, несомненно, отличался исключительной жестокостью, поразившей даже современников, но и самый метод следствия и даже формы пыток были не им изобретены и являлись обычным в то время». Столь же жестоким было средневековое судопроизводство и в западноевропейских странах, а пытка служила обычным средством дознания. Особенно свирепствовали инквизиционные церковные суды в католических странах, перед которыми меркнут все жестокости якутского воеводы.

Не избегал воеводского гнева и пыточной избы даже будущий герой амурского похода Ерофей Павлович Хабаров. Дежнева сия горькая чаша миновала только потому, что он во время воеводства Головина находился преимущественно в походах вдалеке от Якутска и с воеводой непосредственно почти не сталкивался.

От преследований и тюрьмы не спасала и поповская ряса. Подозревая якутское духовенство в сговоре со своими противниками, мнительный Головин проникся к нему недоверием. Был схвачен и брошен в оковах в тюрьму иеромонаха Симеон, личный духовник воеводы. Другого священника, Стефана, тоже держали в тюрьме. Воевода разрешал его отпускать на время лишь для отслужения треб. Отслужив панихиду или окрестив младенца, злополучный Стефан снова препровождался под конвоем в камеру. Священника Порфирия сковали в колоде большой нашейной цепью и водили в застенки, где подымали на дыбу. Церковные службы в городе почти прекратились.

В XVII веке православная церковь в Восточной Сибири обслуживала преимущественно русское население. Кроме Якутска, лишь в нескольких наиболее люд-

ных поселениях и острогах были церкви или часовни. Возводились они исключительно из дерева, повторяя выразительные черты деревянного зодчества русского Севера. Пока перед духовенством не ставилась цель широкой миссионерской деятельности. «Церковь в Сибири не была призвана в XVII в. воздействовать на туземное население путем принудительного крещения, — писали авторы работы «Якутия в XVII веке». — Более того, правительство неодобрительно смотрело на принятие туземцами христианства. Это объяснялось опасением, что крещение может привести к русификации ясачных людей и отказу их от охотничьих промыслов. В условиях Сибири церковь была необходима для царского правительства главным образом для воздействия на русских колонистов, в частности, на буйных служилых людей, которых не всегда было легко держать в узде одними средствами принуждения». Все же случаи обращения якутов в христианство было немало, особенно среди тех, кто оказывался в родстве с русскими или поступал на русскую службу. Обращение в христианство обычно носило внешний, формальный характер. Выкрест, то есть крещеный якут, продолжал придерживаться своих традиционных верований и обрядов, но при этом посещал церковь, желая извлечь из этого определенные для себя выгоды. Крестились, как правило, якутки, становившиеся женами русских. Но основная масса якутов продолжала в XVII веке придерживаться своих верований. Еще в большей мере это относилось к эвенкам, эвенам и юкагирам.

Служилые и торговые люди не намерены были молча сносить обиды и злоупотребления воеводы. Они писали на него жалобы, перечисляя все его лихости и прегрешения, и слали в Москву. Головин опасался жалоб и старался вылавливать жалобщиков и наказывать их люто. По повелению воеводы таможенные заставы досматривали караваны, трясли с пристрастием все грузы, чтобы обнаружить тайные грамоты, обличающие

Петра Головина. И все же грамоты доходили до Москвы с купцами, со служилыми людьми, сопровождавшими собориную казну. Беспредельна была всеобщая ненависть к жестокому воеводе. Рискуя многим, люди зашивали письма-жалобы в одежду, тайники и довозили. Сибирский приказ оказался осведомленным об обстановке в Якутске.

Поток жалоб встревожил московское правительство и заставил его поспешить с заменой Головина Василием Никитичем Пушкиным. Он не был прямым предком великого поэта, но представлял тот же старинный дворянский род. Колоритной в своем роде фигурой был третий якутский воевода Дмитрий Андреевич Францбеков (Ференсбах, 1649—1651), выходец из ливонских немцев, принявший православие. Человек деятельный, не лишенный организаторских способностей, он направлял экспедиции для открытия новых земель. Вместе с тем это был цепкий ростовщик, корыстный взяточник, изобретательность которого в изыскании новых источников личного обогащения поистине не знала предела. В целях вымогательства взятки у торговых и промышленных людей Францбеков практиковал под всякими предлогами задержку в выдаче разрешений на выезд на промыслы. Рискуя упустить сезон навигации и благоприятное время для охоты, купцы и начальники промысловых групп были вынуждены давать воеводе крупные взятки. Только после этого они могли выехать из Якутска. Таким путем Францбеков взял с Ивана Гурьева пятьдесят рублей деньгами и меду на сто рублей.

Среди документов XVII века сохранилось много жалоб на воевод и их приближенных. В 1646 году была подана коллективная жалоба. 400 служилых людей Якутского острога, среди которых был и Курбат Иванов, обратились с челобитной на царское имя. Они жаловались на свою судьбу на Лене и иных «сторонних реках», по острожкам и ясачным зимовьям. Им приходится покупать лошадей, лыжи и нарты и другое снаряжение по

высокой цене у торговых людей. Приходится голодать, питаться травой, сосновой корой, кореньями, а иной раз и помирать голодной смертью. Они собирали ясак с большой прибылью, поставили новый Якутский острог и съезжую избу, церковь и амбары. А воевода Головин удерживает из их хлебного жалованья одну треть на содержание семьи, жены и детей, оставшихся в Якутске. Иной раз семья эту треть получала, а иной раз и не получала. Приходилось покупать хлеб также по дорогой цене — до 4 рублей за пуд. Челобитчики жаловались и на то, что воевода привлекает их к строительству кочей. Если же кто строить кочи не умеет, тот должен нанимать за свой счет плотника.

Торговые люди Матюшка Яковлев Воропаев и Стенько Семенов Самойлов жаловались в челобитной: «Нас, сирот твоих, задерживал и прикащиков наших и наемных людей и покручеников твой государев воевода Д. А. Францбеков в Якутском остроге, и мы, государь, сироты твои, в тех... худых местах, где соболей нет, и в том нам, сиротам твоим, становилась беспромыслица и мы, сироты твои, обнищали и одолжали великие долги».

Францбеков вымогал с якутов взятки и подарки, в частности, быками. Этих быков воевода потом раздавал служилым людям, отправлявшимся в дальние зимовья, и вынуждал их расплачиваться пушниной и деньгами. Судьба Дмитрия Францбекова едва не обернулась для него плачевно. Воевода затронул интересы влиятельных московских торговых людей, реквизируя хлебные запасы у их якутских приказчиков для экспедиции Хабарова. Один из приказчиков написал об этом в Москву, своему хозяину, главе крупного торгового дома Василию Федотову Гусельникову, и тот подал жалобу на имя царя. Пришел в движение громоздкий бюрократический механизм царских приказов, закрепили перьями приказные, началось расследование злоупотреблений Францбекова. У него была конфискована

мягкая рухлядь на огромную сумму. В конце концов воеводе, располагавшему влиятельными покровителями в столице, удалось выйти сухим из воды, хотя и пришлось испытать немало волнений и тревог. Но карьера корыстолюбца на том, кажется, и закончилась.

Было бы неверно утверждать, что местное население, да и русские безропотно сносили деспотизм и мздоимство воевод. Якуты не раз восставали. Русские служилые люди собирались в лихие ватаги и ударялись в бега, не признавая над собой никакой власти. В Москву, как мы видели, с оказиями посылались челобитные, в которых перечислялись злоупотребления воевод и их приближенных; и иногда жалобы доходили до столицы и находили там отклик. Нашелся в Якутске и свой сочинитель сатирических каламбуров, приказчик дьяка Михайлова Афонька, зло высмеивавший воевод: «Был де Головин, и то де головнею покатыл, а приехал де с товарищами Василий Пушкин, так де стало пуще, а как де Дмитрий Францбеков приехал, так весь мир разбегал...»

Первостепенной задачей администрации воеводства был сбор ясака. Сперва его размеры не были строго определены. Собирали ясаки с якутов и других народов столько, сколько удавалось собрать. Выплатившие ясак приводились к присяге как подданные московского царя, а иногда одаривались подарками — бисером, слитками олова, медными котлами и т. п. Но случалось, что абorigены отказывались платить ясак и оказывали русским служилым людям сопротивление. И тогда сборщики ясака старались сломить сопротивление силой, забывая о царском наказе действовать ласками и увещаниями и лишь в крайнем случае прибегать к силе оружия. Они громили селения и острожки непокорных, захватывали у них меха, заложенников-аманатов из числа «лучших мужиков», то есть наиболее знатных людей. Захваченную добычу участники похода делили между собой.

Создание по ленскому бассейну системы опорных

пунктов, острожков и ясачных зимовьев, а также проведение по распоряжению воеводы Петра Головина переписи местного мужского населения позволили упорядочить систему ясачного сбора. Теперь размеры ясака зависели от семейного и имущественного положения ясачного человека. Имевший в семье больше работоспособных мужчин и больше скота вносил в государеву казну соответственно и больший ясак. Поэтому размер ясака колебался от одной красной лисицы до 30—40 соболей. Безлошадные якуты исключались из списка ясачных, так как, не имея лошади, невозможно было охотиться. За престарелых и нетрудоспособных ясак взыскивался с их детей и родственников. Примечательно, что князцы и другие богатые якуты, имевшие до 50 голов скота, а в отдельных случаях и по несколько сот, платили ясак по более льготным нормам, чем малоимущие. Рядовой якут, имея одну-две головы скота, был обязан внести в казну одного соболя в год, а богатые — одного же соболя с четырех голов. Эта политика свидетельствовала о стремлении властей опереться на богатую часть коренного населения, поставить его в привилегированные условия. В некоторых случаях индивидуальная система обложения заменялась начислением ясака на весь род.

Поборы не ограничивались только официальным государственным ясаком. Ясачных плательщиков принуждали также вносить «поминки», то есть подарки, предназначавшиеся царю, воеводе, дьякам, подьячим. Не забывали о своей выгоде и предводители отрядов ясачных сборщиков. Время от времени воеводы старались увеличить размеры сбора.

В дальних землях ясак собирали отряды служилых людей, направленные туда воеводой. В роли сборщика ясака, как мы видим, выступал и Дежнев. Время от времени ясачная пушнина привозилась в Якутск.туда же ее привозили сами якуты, проживавшие на средней Лене в непосредственной близости от города. В остроге

пушнину принимали подьячие. Соболиные шкурки тщательно проверялись на качество и сортировались по категориям — отдельно соболи «добрые», то есть высшего качества, «соболи с хвосты», «соболи с пупки», соболи низшего качества («недособоли»), а затем упаковывались в тюки для отправки с очередной партией в Москву.

Кроме ясака и «поминок», на плечи якутского населения ложились и всякие другие повинности. Якутов заставляли поставлять служилым людям лошадей и оленей для разездов по краю и перевозки пушнины, участвовать в военных походах. Нередко власти штрафовали неплательщиков ясака, налагая на них обременительную подводную повинность.

Помимо случаев вооруженного сопротивления, убийства и ограбления сборщиков ясака, якуты часто практиковали такую форму протеста против поборов, как уход в отдаленные и труднодоступные местности. При обширности и малонаселенности края еще можно было найти такие укромные места, куда долго не доходили руки ясачных сборщиков. Покидая свои насиженные места, якуты уходили в места расселения эвенков на Оленек, Индигирку, Колыму, Анбару. И это избавляло их от уплаты ясака по крайней мере на несколько лет. В ясачных книгах начиная с 40-х годов упоминается немало «сошлых и несыскных» якутов. Так, в конце 1649 года отмечено, что из 1497 зарегистрированных ясачных плательщиков 266 человек, или 17,7 процента, не явились для уплаты ясака и числились «сошлыми и несыскными».

На неплательщиков ясака обрушивались самые суровые меры наказания: конфискация скота, тюремное заключение. Практика взятия аманатов — заложников из числа детей и родственников князцов и «лучших мужиков» преследовала цель гарантировать, чтобы их сородичи исправно выплачивали ясак. В Якутске и в других острогах и зимовьях имелись для содержания аманатов специальные аманатские избы. Наказы воево-

дам предписывали доброе, человеческое обращение с аманатами, дабы не вызвать недовольства их сородичей. В наказе Голенищеву-Кутузову, выдержки из которого мы уже приводили, есть такое предписание: «а аманатов их в остроге велети кормити государевыми запасы и беречи накрепко... а в ясачной сбор, как из их земель и из улусов и из волостей с государевым ясаком ясачные люди придут, и их аманатов тем ясачным людям оказывать, чтоб ясачным людям в том сумненья никакого не было».

Все же в Якутии система аманатов получила ограниченное распространение в сравнении с другими уездами Сибири. Аманатов старались брать у эвенкийских и юкагирских племен, кочевавших по окраинам Якутского края. Это объяснялось затруднениями в сборе ясака с этих народов, вызванными их кочевым образом жизни и удаленностью их стойбищ. Во второй половине XVII века среди якутов практики выплаты ясака под аманатов уже не было. В документах того времени, перечисляющих наличных аманатов, мы уже не встречаем ни одного якутского имени.

До выплаты ясака русским служилым, торговым и промышленным людям запрещалось вести какие-либо торги с ясачными людьми. Это запрещение фиксировалось в правительственных наказах воеводам. «И не взяв ясака государева полного ясаку, самому и служилым людям с иноземцы, мимо государевых товаров своими товарами на мягкую рухлядь на соболи и на лисицы не торговать. И торговцам и промышленным людям наказ о том учинить крепкий, чтоб у иноземцев до ясачного збору ни в которых волостях у тунгусов и у якутов соболей и шуб собольих и никакой мягкой рухляди не покупали». Этот запрет был продиктован интересами правительственной монополии на пушнину, стремлением максимально ограничить деятельность своих конкурентов. От воевод правительство требовало сурового наказания нарушителей этого предписания с неперменной

конфискацией в казну всей частной пушнины, собранной до ясачного сбора. На практике, однако, нарушений этого запрета было немало. Выявить их все в особенности в удаленных от воеводского центра землях было весьма затруднительно. Этим и пользовались многие начальники отрядов ясачных сборщиков и промышленники, нарушавшие предписания правительства в надежде на бесконтрольность и безнаказанность.

В течение XVII века в Москву стекались из Восточной Сибири огромные массы ценнейшей пушнины, обогащавшие государственную казну. Следствием этой выкачки «мягкой рухляди» стало значительное оскудение к концу века пушных богатств края.

Численность русского населения Якутии росла медленно, но неуклонно. В 70-х годах в Якутском воеводстве можно было насчитать два острожка и 21 ясачное зимовье. Это были небольшие крепостцы, окруженные деревянным тыном, за которым можно было отсидеться при нападении. Внутри тына располагались изба (одна или несколько) для служилых людей, аманатская изба и амбар для хранения пушнины. Численность русских в одном острожке или зимовье колебалась от 5 до 20 человек. Лишь в Охотском зимовье находилось 44 служилых человека.

В 1649 году московское правительство установило штатную численность якутского гарнизона в 350 человек. Воеводы считали это число явно недостаточным, не отвечающим требованиям реальной жизни и постоянно настаивали на его увеличении. Францбеков самовольно поверстал «сверх государева указанного числа» 93 человека. Правительство было вынуждено посчитать с настойчивыми просьбами воевод. К 70-м годам штатная численность гарнизона была определена в 644 человека, в том числе 25 детей боярских, 5 сотников, 3 атамана, 16 пятидесятников, 40 десятников, 533 рядовых казака, 2 пушкаря. Фактически же это число не удавалось заполнить целиком. На место выбывших ввиду

смерти, болезни или преклонного возраста верстались их сыновья, младшие братья, другие родственники. Так, стали впоследствии казаками сыновья Семена Ивановича Дежнева. Недостаток в людях заставлял администрацию принимать на службу и новокрещенных якутов, а также ссыльных и гулящих людей, преимущественно из числа промышленников. Если учитывать не только численность гарнизона, но и весь штат воеводской администрации с ее слугами, торговых и промышленных людей, ремесленников, всех членов их семей, а также якутов, то население города во второй половине XVII века достигало не менее полутора-двух тысяч человек. Оно отличалось нестабильностью и текучестью. Многие служилые и промышленные люди уходили на дальние зимовья, и на их место приходили другие. Воеводы и другие чиновные люди периодически менялись.

Основную массу якутского гарнизона составляли пешие казаки, образовавшие десятки во главе с десятниками, которые за исполнение своей должности не получали никакого дополнительного вознаграждения. Десятники подчинялись своим пятидесятникам, а те — сотникам, атаманам. Дети боярские составляли высший разряд в чиновной иерархии, привилегированную верхушку гарнизона. Они обычно выполняли самые ответственные поручения воеводы, например, сопровождали ясачную казну в Москву, возглавляли гарнизоны в наиболее важных острожках и зимовьях. Только наиболее состоятельные служилые люди имели коня. Отправляясь в поход, в дальние зимовья, казаки были вынуждены приобретать за свой счет коня, снаряжение, запас продовольствия, одежды и обуви, топоры, орудия для ловли рыбы, запас пороха, подарки для ясачных людей. Все это можно было приобрести у торговых людей, располагавших запасами различных товаров.

Отправляясь для сбора ясака и для прииска новых земель, служилые люди получали вперед часть жалованья, которую и тратили на снаряжение в дальний

путь, приобретение необходимых припасов. Часто этих средств не хватало для полного снаряжения, и тогда казак залезал в долги. Пользуясь дефицитом товаров первой необходимости и спросом на них, торговые люди устанавливали непомерно высокие цены. Они же давали служилым людям ссуды под высокие проценты. Челобитные казаков полны жалоб на материальные лишения, долговую кабалу. Не избежал этого и Семен Иванович Дежнев. И все-таки служилых людей не останавливала кабала заимодавцев. Они отправлялись в дальний путь, надеясь на успешный промысел, который позволит не только сполна рассчитаться с долгами, но еще и остаться с прибылью. В дальних походах и зимовьях казакам нередко приходилось оставаться сверх срока, до пяти лет и более без всякого государева жалованья и кормиться только за счет продуктов собственных промыслов. Семен Дежнев не получал ни хлебного, ни денежного жалованья в течение пятнадцати лет. Вообще служилые люди редко получали свой оклад сполна. Под разными предлогами воеводы задерживали выплату жалованья, удерживали ее часть в свою пользу.

Служба в отдаленных зимовьях была сопряжена со многими лишениями. Нередко служилые люди терпели голод и нужду, годами не видели хлеба. Особенно тяжела была служба на севере в приполярной полосе и на северо-востоке из-за суровых природных условий, лютых зимних морозов, отсутствия лесов, воинственности местных племен. Воеводы устанавливали своеобразную таксу взятки за назначения в разные зимовья. Возможность попасть в более близкое зимовье или на юг ленского бассейна стоила более высокой взятки. Малоимущие и худородные казаки обычно попадали в худшие и отдаленные северные зимовья.

Кроме служилых людей, делают Якутию полем своей деятельности также и промышленные люди. В 40-е годы через якутскую таможенную ежегодно проходило до тысячи человек, направлявшихся на промыслы или возвращав-

шихся с промыслов. Это было время своего рода «пушной лихорадки». Привлекал промышленных людей в первую очередь соболь. Один сорок соболей ценился от 400 до 550 тогдашних рублей. А отдельные экземпляры оценивались в 20—30 рублей за штуку. Кроме соболя, ценились красная и черно-бурая лисица, горностаи, бобр. Остальная пушнина, например песец, белка, медведь, считавшаяся дешевой, не привлекала промышленников, так как расходы на ее транспортировку не окупались. Если ее и заготавливали, то только для собственных нужд.

В охоте на соболя применяли разные методы. Ставили ловушки там, где обнаруживали соболиные следы. У соболиной норы, которую обнаруживала собака, раскидывали сети и выкуривали зверька из норы дымом. Если же собака загоняла соболя на дерево, охотник убивал его стрелой из лука. Этот вид охоты требовал от охотника исключительной зоркости и меткости стрельбы. Важно было не повредить наконечником стрелы шкурку. Поэтому искусный охотник старался попасть в глаз зверьку. Русские промышленники заимствовали многие методы охоты у якутов, эвенков и других народов.

Пушной промысел вели не только отдельные промышленники и промысловые артели, но и представители крупных московских и других торговых домов. Среди них мы видим знаменитого Федота Алексева. Мелкие промышленники, не имевшие достаточно средств для подъема, складывались в артели, либо поступали на службу к богатым дельцам, выговаривая себе долю добычи. Члены одной артели назывались «товарищами» или «складниками». Богатые предприниматели формировали «ватагу», нанимая всяких малоимущих людей, которые были не в состоянии обзавестись снаряжением и орудиями лова. С ними подписывалась «покрутная запись», в которой фиксировались срок службы «покручника», круг его обязанностей и доля добычи, которую

он получал от хозяина. Обычно добыча делилась на три части, из которых две доли доставалось хозяину и одна покрученику. Подписав «покрутную запись», покрученик попадал в полную зависимость к предпринимателю. Эта зависимость по своему характеру напоминала крепостную. Если покрученик намеревался прервать дальнейшее выполнение своих договорных обязательств, он обязан был выплатить хозяину большую неустойку. Хозяева и их приказчики нередко злоупотребляли властью над членами своей ватаги, заставляли их заниматься не только соболиным промыслом, но и разведывать дороги, строить суда и зимовья, перетаскивать поклажу через волоки, ловить рыбу и т. п. За непослушание покрученика могли подвергнуть физической расправе. В документах якутской приказной избы сохранилась жалоба Малафея Парфенова на своего хозяина Макара Семенова, что он его «бил и увечил обухом и голову испробил и хотел... топором засечь и неведомо за что».

Промышленные люди вели также оживленную меновую торговлю с местными жителями: якутами, эвенками, юкагирами. Русские предлагали в обмен на пушнину бисер, стеклянные разноцветные бусы (одекуй), металлическую утварь, топоры и слитки металла, которые могли пойти на выделку оружия. Пользовалась спросом и мука. Поэтому всякая экспедиция, отправлявшаяся и на промысел, брала с собой значительные запасы этих товаров для обмена. В торговле с якутами постепенно стала практиковаться и оплата деньгами, тогда как в торговле с кочевыми северными племенами сохранялся натуральный обмен. Он был выгоден промышленникам. Шкурку соболя можно было выменять за одну стрелу или нож, а за топор брали не менее двух шкурок.

Власти категорически запрещали продавать «иноземцам» всякого рода оружие, как холодное, так и огнестрельное, а также боеприпасы. Запрет распространялся на пищали, порох, свинец, сабли, копья, панциры и т. п.

Однако торговые и промышленные люди нередко нарушали этот запрет и рисковали ради выгоды. Оружие ценилось высоко, и за него можно было получить много пушины.

Иногда в экспедицию промышленников вкладывались и государственные средства. И перед такими экспедициями ставилась двоякая цель — как открытие и присоединение новых земель с объяснением их населения, так и пушной промысел. Так, воевода Францбеков оказывал содействие и помощь в снаряжении амурской экспедиции Ерофея Хабарова. Он же снабдил хлебом и ссудил деньгами «на подъем» Юшка Селиверстова, отправившегося с экспедицией на северо-восток. Добыча таких экспедиций делилась между казной и промышленниками. Казне доставалось до 2/3 добычи.

В роли организаторов промысловой экспедиции выступали и служилые люди. Среди таких можно назвать, например, Михаила Стадухина. Не получая государева жалованья, он в течение двенадцати лет возглавлял экспедицию, побывавшую на Индигирке, Колыме, Анадыри, Пенжине, Гижиге и Охотском побережье. Вообще фигуру промышленного человека подчас трудно отделить от служилого человека, как затруднительно четко разделить деятельность правительственных и частных промысловых экспедиций. К отрядам служилых людей, направлявшихся для сбора ясака и приискания новых земель, обычно приставали промышленники. Промыслами и меновой торговлей с аборигенами занимались и казаки, находившиеся на службе. Таким образом служилый человек становился одновременно и промышленником. В свою очередь, и начальники промысловых отрядов, особенно в том случае, если они получали от властей помощь и содействие, выполняли разные официальные поручения — доставляли почту в ясачные зимовья, ходили на непокорные племена, собирали сведения о новых землях и реках. Так промышленный человек становился и служилым.

Трудности с доставкой хлеба в Якутию заставили власти воеводства уделить внимание и развитию хлебопашества в самом крае. Первые русские крестьянские земледельческие хозяйства возникают в 40—50-е годы на верхней Лене. Одним из первых ленских хлебопашцев становится Ерофей Павлович Хабаров. В 1641 году имел в устье Куты около 26 десятин распаханной земли, а также соляные варницы, используя наемную рабочую силу. Затем началось освоение других сельскохозяйственных районов: в устье Киренги, по притоку Алдана Амге и в устьях ленских притоков Витима и Пеледую. Земледелие обычно сочеталось с разведением крупного рогатого скота и домашней птицы. В окрестностях Якутска пашенных земель не было ввиду неблагоприятных природных условий, которые при тогдашней технике земледелия преодолеть не удавалось.

Однако на протяжении всего XVII века земледельческие хозяйства составляли на обширной территории Якутии лишь крохотные островки. К концу века за всеми крестьянскими дворами числилось менее одной тысячи десятин, а местный хлеб покрывал лишь около 30 процентов всех потребностей гарнизона. Но все же первый шаг к развитию земледелия на Лене был сделан. Выращивались овес, рожь, овощи. Во второй половине века к земледелию (особенно на Амге) начинают приобщаться и якуты. Заинтересованное в развитии сельского хозяйства в крае правительство оказывало крестьянам-переселенцам безвозмездную помощь, предоставляя лошадь, сошники для сохи. Иногда крестьянин получал и корову.

Техника земледелия была низкой. Повсеместно практиковалась двухпольная система — чередование пашни и пара. Крестьянам приходилось сталкиваться с непривычными и сложными природно-климатическими условиями, частыми наводнениями в речных долинах, поздними весенними и ранними осенними заморозками. Все это обуславливало низкую урожайность. Из-за частых

неурожаев, тяжести феодальных повинностей, положение основной части крестьянства было тяжелым. Хотя в его среде выделялась и небольшая прослойка зажиточных хозяев, владевших десятками десятин пашни, десятками голов лошадей и рогатого скота. В таких хозяйствах широко применялся наемный труд.

Точную численность русского населения края на основании имеющихся документов определить трудно. Учету, да и то неполному, подвергались только мужчины. Авторы «Якутии в XVII веке» определяют численность мужчин на конец века (включая и детей) примерно в 1400—1500 человек. Эта весьма приблизительная цифра не учитывает не подлежавших регистрации гулящих и промышленных людей. Значительную массу русских людей составляли выходцы из Поморья, района Великого Устюга и Перми. Видимо, среди тех, кто указывался в документах, русскими, оказывалось и некоторое количество коми-зырян и коми-пермяков. Среди якутских служилых людей встречались казаки с прозвищами Зырян, Пермьяк. Выходцев из других областей было значительно меньше. Попадали на Лену и ссыльные, осужденные за разные уголовные и политические преступления, а также военнопленные. Они либо устраивались на службу, либо занимались земледелием и ремеслом. Общая численность ссыльных на Лене в XVII веке была невелика, и они не оказывали какого-либо существенного влияния на развитие края.

Мы видели, что заметной особенностью демографии Сибири был малый процент женщин среди русской части населения. Здесь это проявлялось еще более отчетливо, чем в Сибири Западной. В Ленский край приезжали с женами и детьми лишь единицы. Поэтому распространенным явлением становятся связи русских с якутками и другими аборигенками. Очень часто такая связь переходила в узаконенный церковью брак. Предварительно жены принимали крещение и нарекались русскими именами. В одних случаях такой связи и браку

предшествовало полюбовное соглашение с родными женской стороны, в других случаях родным выплачивался калым, в третьих — женщина попадала в дом сожителя или мужа в качестве ясырки — пленницы, военной добычи. Бывало и такое — не будем идеализировать тот век. Якутские, эвенкийские, юкагирские жены быстро усваивали русские обычаи и быт. Они рожали детей, «прижитков», которые уже рассматривались как русские. Так формировался характерный тип русского населения Восточной Сибири с аборигенной примесью в крови, физически выносливых коренастых людей с признаками монголоидности в чертах лица.

Семен Иванович был дважды женат. Обе его жены были якутками и оставили ему потомство. Был женат на якутке и Федот Алексеев. Эта отважная женщина сопровождала мужа в его опасном плавании вокруг Чукотки, стоившем в конце концов мореплавателю жизни.

Общаясь с коренным населением Восточной Сибири, русские, в свою очередь, переняли у него много полезного, например образцы зимней меховой одежды, навыки езды на оленях и собаках, орудия лова промысловых зверей, навыки охоты и рыбной ловли, элементы народной медицины и т. п. Освоение многовекового опыта аборигенов позволило русским приспособиться к суровым условиям северо-востока Сибири.

Как можно оценить вхождение Якутии, да и других областей Восточной Сибири в состав Русского государства?

Видный советский историк Н. Н. Молчанов решительно отвергает бытующее в зарубежной исторической литературе стремление отождествить связи России со странами Азии с традиционной колониальной политикой западноевропейских стран. Можно, безусловно, согласиться с этой точкой зрения исследователя, справедливо подчеркивавшего, что расширение России было процессом, аналогичным формированию национальных терри-

торий таких стран, как, например, Франция. Ведь распространение ее центральной власти на Бретань, Прованс, Лангедок или Корсику никому не приходит в голову объявлять колониальной политикой. Шел естественный процесс формирования многонационального Российского государства. При этом нельзя забывать, что расширение его территории носило в основном не завоевательный, а мирный характер. Это происходило, например, как мы видим, в Сибири.

Территориальные присоединения России в Сибири были частью процесса формирования многонационального государства. Это присоединение облегчалось тем, что сибирские народы, за единичным исключением, еще не достигли стадии государственности. Как подчеркивают авторы «Якутии в XVII веке»: «В отличие от западноевропейских колонизаторов русские вообще никогда не истребляли покоренных народов, не поработали их и не уничтожали их самобытности». Мы видели, что московское правительство, руководствуясь своими экономическими интересами, предписывало в своих наказах сибирским воеводам относиться к местному населению с «ласкою, а не жесточью» и лишь в самом крайнем случае прибегать к силе оружия.

Нет оснований идеализировать московскую политику в Сибири. Присоединение Якутии, как и других восточносибирских областей, принесло ее народам немало бедствий. Речь может идти и о тяжелом ясачном обложении и всяческих иных поборах, вымогательствах со стороны корыстолюбивых воевод и служилых людей. Но если подходить по большому счету и вглядываться в исторические перспективы развития, включение сибирских народов в состав Русского централизованного государства означало конец межплеменным усобицам и способствовало установлению элементарной (хотя бы феодальной) законности, вовлекало народы в систему общероссийского рынка, приобщало их к более современному, передовому для того времени методам хозяй-

ствования, устраняло их самоизолированность. «Все это с избытком компенсировало те отрицательные стороны царского колониального режима, которые так болезненно ощущались на первых порах», — читаем мы в книге «Якутия в XVII веке».

Народы Восточной Сибири вступали в непосредственное общение с русскими, и между ними происходил взаимопользительный, взаимообогащающий обмен элементами национальной культуры. Русские приносили сюда земледелие, более совершенные орудия труда, знание разнообразных ремесел, письменность. Происходил процесс приобщения народов к мировой цивилизации через посредство русской культуры. В XVII веке процесс этот еще только начинался, затронув в большей степени якутов.

Русские и народы Восточной Сибири оказались связанными общностью исторических судеб. Эта общность интересов в первую очередь связывала трудовые массы, выступавшие впоследствии совместно против общих угнетателей. В XVII веке складывались лишь зачатки классовой солидарности, которая с полной силой проявилась во время будущих революционных событий, участниками которых были и народы Сибири.

6. СЛУЖБА В ЯКУТСКЕ

Представим себе путь Семена Дежнева с товарищами по Лене, открытой десять лет назад Василием Бугром.

Шел отряд Бекетова на веслах, а если подымался попутный ветер, ставил над стругами паруса. Сперва река была неширока; местами она растекалась до полуверсты в ширину, а местами, стиснутая крутыми каменистыми берегами, сужалась до полутора саженей. Течение было извилисто. Река петляла, змеилась, огибая

высокие мысы. Иногда, обогнув остроконечный мыс, казалось, возвращалась на прежнее место. Взобравшись на высокий берег, можно было увидеть пройденный еще накануне участок реки, серебрившийся в лесной прогалине. Кое-где на берегу дымились костры эвенкийских становищ, стояли конусообразные берестяные юрты, паслись олени с ветвистыми рогами.

Приняв справа Киренгу, потом Витим и широкую Олекму, Лена становилась шире, полноводнее. Сменявшиеся ленские пейзажи поражали путников своим разнообразием, величественной красотой. Ниже Киренги Лена вступала в живописное ущелье, названное потом русскими «Щеками». По берегам высились, как молчаливые стражи, внушительные известняковые утесы. Некоторые напоминали своими очертаниями замки, другие — сказочных великанов. Одни высились строго вертикально, другие наклонились к воде, как бы предупреждая проплывавшие мимо лодки об опасности. Ниже «Щек» встречались перекаты и стремнины — «быки», небезопасные для плавания. Потом русло вновь расширялось, и течение становилось спокойным. У впадения в Лену Витима ширина Лены превысила версту, а при впадении Олекмы достигала полутора верст. При приближении олекминского устья в русле Лены появлялись низменные островки, частью безлесные, частью заросшие кустарником. Снова появлялись прибрежные скалы в виде высоких каменных столбов разнообразной и причудливой формы. Наконец горы отступали в сторону, и Лена теперь уже текла по низменной речной долине, поросшей лесом.

По среднему течению попадались якутские поселения и отдельно стоявшие жилища. Из бревенчатых балаганов с наклонными стенами и плоскими крышами струился дымок. На прибрежных лугах паслись коровы и лошади якутской породы, низкорослые, коренастые, мохнатые. За долгое плавание по Лене казаки бековского отряда неоднократно выходили на берег, чтобы

поразматься, пособирать лесных ягод, закинуть невод, сварить уху. Лена изобиловала всякой рыбой. В невод попадались и омуль, и нельма, и таймень, и стерлядь, и осетр, и чир. Леща и щуку, рыбу несостоящую, бросали в реку — пусть живет. Во время этих стоянок казаки общались с якутами, выменивали у них говяжье мясо, молоко, битую птицу.

Гостеприимные якуты, видя, что пришельцы настроены мирно, обид чинить не собираются, приглашали их в гости, угощали лакомым блюдом — кониной с черемшой и кумысом. Гости сперва было отказывались, а потом принимали угощение. Сибирская служба отучала людей от привередливости в еде.

В балагане было дымно. Зато дым, струившийся от камелька к отверстию в крыше, разгонял назойливого гнуса. Гости и хозяева рассаживались по жердяным нарам, тянувшимся вдоль всех стен, на сундуках со скарбом. Кожаный мех с кумысом пошел по кругу. Разговорились. В отряде отыскался толмач, понимавший по-эвенки. Старый хозяин жилища с плоским лицом, изрезанным частой сетью мелких морщинок, глава большой семьи, тоже немного понимал речь эвенков — соседей с верхней Лены.

Интересовались казаки, занимаются ли здешние люди хлебопашеством. Якуты сперва не поняли вопроса, а потом, сообразив, о чем идет речь, отрицательно качивали головой. Старый хозяин пояснил — когда-то очень давно, об этом старики говорили, жили люди его племен не здесь, на большой реке, а далеко, далеко за горами, за лесами, на юге. Здесь плохая земля, холодная, под ней вечный лед. Там ярче светило солнце, и земля была другая, ласковая, добрая к людям. Они возделывали землю, бросали в землю семена, и выросло то, что русские называли хлебом. Об этом рассказывал дед, а тому рассказывал его дед, который еще помнил одного древнего старика, пришедшего со своими соплеменниками с юга. Старый хозяин закрыл глаза

и высоким гортанным голосом затянул заунывную мелодию, раскачиваясь в такт песне. О чем поет старик — поинтересовались казаки. Он сам объяснил, когда кончил петь. Это олонхо, старинное сказание о том, как счастливо жили люди в теплых краях, а потом их стали теснить многочисленные и могущественные враги. И ушли люди на север. Долго шли они через леса и горы, терпели нужду и голод, и гибли слабые и дети. И вышли они наконец к большой реке.

Беседа перешла к соболиным промыслам. А много ли в здешних местах соболя? — интересовались казаки. Нет, соболя осталось мало. Зато много медведя, рыси, росوماхи. Иной раз зверь задирает домашний скот. А за соболем надо идти на дальние реки. А далеко ли до тех рек? А кто их знает? Старик недоуменно развел руками.

Задумались казаки над словами старого якута. Значит, Лена еще не конечная их цель. За соболем надо идти на дальние реки. И еще заметили кучку девиц, должно быть, хозяйских внучек, стыдливо прятавшихся в укромном уголке. Перешептывались, поглядывая на рослых русских парней, посмеивались. Казаки оценивающе оглядели девиц. Ничего себе девки, пригожие, складные, хотя и чернявы больно, и узкоглазы. Вырядились в нарядные кафтаны из оленьего меха с оторочкой и всякими нашивками. Модницы, видать. И смекнули служилые — чем славные якутские девки не женки?

При приближении к Якутскому острогу река делала поворот на север. Речная долина расширялась, и горы отступали за горизонт. Низменные болотистые берега поросли лесом, расступаясь кое-где и образуя пойменные луга. Продолжали встречаться якутские селения, пасущиеся стада.

Вот и острог, белевший новыми стенами и постройками. Прибытие отряда Петра Бекетова стало событием в жизни маленького гарнизона и немногочисленных торговых и промышленных людей, пребывавших здесь в ту

пору. Все население острога, кроме караульных, устремилось к берегу, где приставали струги. Вероятно, среди встречавших был и Парфен Ходырев, тогдашний начальник острога. Он особенно радовался подкреплению. С прибытием бекетовского отряда якутский гарнизон значительно увеличился.

Вероятно, Дежнев, как и другие бекетовцы, прошел через таможенную избу, поставленную под стенами острога. Здесь распоряжался таможенный голова, которому помогали подьячий и выборные целовальники. Ни один из въезжавших в Якутский острог и выезжавший из него, не мог миновать сию избу и избежать уплаты пошлин. Особенно дотошно досматривал голова добычу промышленников, возвращавшихся с промыслов, и лучшие соболиные шкурки отбирал в счет уплаты государственной пошлины с пушнины-десятины. Промышленники проклинали на чем свет стоит таможенников, пререкались с ними. Иной раз норовили запрятать шкурки в потайное место, например, под седло. Но у таможенников был собачий нюх. Они ухитрялись раскрывать самую неожиданную записку. А злоумышленников били батогами за контрабанду.

Якутск был еще невелик, хотя и строился. Всех свободных от службы казаков, остававшихся в городе, Ходырев подряжал на плотницкие работы. У лавок с товарами толпились русские и якуты. На берегу строились лодки и струги.

С прибытием в Якутск Дежнев был поставлен на денежное, хлебное и соляное довольствие, о чем была сделана запись в якутской окладной книге. Ему был определен оклад рядового казака. Видимо, сразу же Дежневу пришлось участвовать в походах, сочетая службу с собственным промыслом. В «книге покупочной» Якутского острога сохранилась запись, относящаяся к 1638 или началу 1639 года, — «Куплено у служилого Семейки Дежнева 4 соболя без хвостов, дано государевы муки 12 безмен...» Это свидетельство того, что Деж-

нев имел собственную пушнину, заготовленную им лично или выменянную у якутов. Известно, что в первый же сезон пребывания на Лене Семен Иванович заготовил сто соболей, больше, чем другие его сослуживцы.

Пути-дороги Дежнева не раз скрещивались с другими известными землепроходцами. Некоторые из них прибыли на Лену вместе с ним в составе бекетовского отряда. Другие уже находились в Якутске под началом Парфена Ходырева к моменту прибытия Бекетова и его спутников. Третьи появились здесь позже. Так постепенно в Восточной Сибири собралась целая плеяда замечательных людей, смелых, неугомонных, пытливых. Упомянем здесь некоторых из них.

Среди соратников Дежнева Михайло Стадухин был одной из самых ярких и колоритных фигур. Он участвовал в многочисленных сухопутных походах и морских плаваниях с 1630 года. Свой первый поход Стадухин предпринял в составе отряда сына боярского Парфена Ходырева, пришедшего из Енисейска на Лену. Здесь произошли военные столкновения русских с якутами, которые в конце концов признали царское подданство и обязались выплачивать ясак. Перейдя в Якутск, Стадухин участвовал в 1633 году в походе небольшого отряда Посника Иванова на Вилую «для прииску неясачных тунгусов». На Вилую взяли знатного аманата из «Калтакульского роду» и в первый же год собрали с него три сорока соболей.

В 1641 году якутский воевода Петр Головин отправил Стадухина во главе отряда из 14 человек на студенный Оймьякон (Елюкон) на верхнюю Индигирку для сбора ясака с тамошних якутов и эвенков. В составе стадухинского отряда был и Семен Иванович Дежнев. Отправляясь в поход, Стадухин приобрел двух лошадей и различное снаряжение — все это обошлось ему в 60 рублей. Продолав тяжелый путь через перевалы Верхоянского хребта и достигнув Индигирки, землепроходцы узнали от местных жителей о существовании

к востоку от индигирского бассейна большой неведомой реки Ковымы (Колымы). Собрав сведения об этой реке, Стадухин поставил перед собой задачу во что бы то ни стало достичь ее. Построив надежный коч, стадухинцы спустились вниз по Индигирке и морем дошли до устья Колымы. Таким образом Стадухину принадлежит честь первого морского плавания на Колыму и открытия этой реки. Поймав в аманаты трех юкагиров, Михайло собрал за два года пребывания на Колыме восемь сороков соболей ясака. Во время поимки аманатов он был ранен стрелой в грудь.

За период этой дальней службы первооткрыватель Колымы проявил себя не только как энергичный и усердный служилый человек, наделенный и отвагой, но и оборотистый предприниматель, который никогда не забывал и о собственной выгоде. Он ссужал промышленных людей оружием, свинцом, порохом из собственных запасов. Должники обычно расплачивались с кредитором пушниной. Это дало возможность Стадухину собрать для себя четыре сорока соболей, богатство немалое. Когда он возвращался в Якутск с ясачной казной, собранной за время колымской службы, воевода Василий Пушкин отобрал у него и собственную пушнину «неведомо за что». Объяснение этого поступка воеводы можно найти. Возможно, небескорыстная предпринимательская деятельность Стадухина вызвала жалобы на него со стороны завистников и людей, им обиженных. Крутой и властный характер Михайлы постоянно создавал почву для обид. Жалобы, дойдя до воеводы, давали ему хороший предлог поживиться за счет служилого с Колымы.

В 1649 году Стадухин пытался, уже после знаменитого похода Алексева — Дежнева, пройти морским путем вокруг Чукотки на Анадырь. Но эта попытка закончилась неудачей, хотя она и демонстрирует смелость и дерзкую отвагу землепроходца.

Вскоре Стадухин, как мы увидим, ходил на Ана-

дырь, уже открытую Дежневым. На некоторое время эти два ярких человека становятся товарищами по анадырской службе, и между ними складываются сложные отношения соперников. Увидев вблизи устья Анадыри моржовое лежбище, уже открытое дежневским отрядом, Стадухин доносит якутскому воеводе: «За Ковымою рекою на море моржа и зубу моржового добре много», что от сбора моржовой кости «будет многая прибыль». Двум отрядам на Анадыри, не слишком богатой пушниной, оказалось тесно. И Стадухин со своими людьми уходит на Пенжину и Гижигу, в местность, населенную воинственными «коряцкими людьми», с которыми не раз сражается, а потом перебирается на Охотское побережье.

За время своих походов и плаваний, продолжавшихся двенадцать лет, Стадухин не получал хлебного и денежного жалованья. В челобитной грамоте на имя царя он жаловался, что «всякую нужду и бедность терпел и всякую скверность принимал, и душу свою сквернил...» и просил «пожалуй меня за мое службишко, за кровь и за раны, и за многое терпенье своим государевым прибавочным денежным и хлебным жалованием...». Подобные жалобы часто встречаются среди документов Якутского воеводства. На челобитной Стадухина нет никакой пометы, которая свидетельствовала бы о том, что просьба землепроходца принята во внимание.

Заметный след в освоении Восточной Сибири оставил казак Иван Ребров, ходивший по Лене, Вилюю, Алдану, Яне, Индигирке и другим рекам, а также Северному Ледовитому океану. Реброву принадлежит заслуга первооткрывателя рек Яны и Индигирки (Собачей). Рассказ о походах на эти реки мы находим в его челобитной 1649 года. Не получая государева жалования в течение девятнадцати лет, с 1632 по 1641 год, Ребров во всех этих походах «нужду и бедность, и голод, и холод терпел, и душу свою сквернил — ел всякое скверно... А поднимаючись на те службы, суды и судо-

вые снасти и паруса, и для ясачного сбора товары — одекуй и олово, иноземцем в подарки давать, покупал и в дом кабалы займовал, в большую цену, и одолжал великими кабальными некупными долгами». Как мы видим, Ребров жалуется на то, что был вынужден снаряжаться за свой счет и попал в кабалу к займодавцам, вынужденный подписать долговые расписки — «кабалы» на крупную сумму.

В 1641 году Ребров возвратился из дальних походов в Якутск, где и был оставлен воеводой Петром Головиным на «ленской службе». При этом воевода выдал ему жалованье только за один будущий 1642 год, а за предыдущие годы ничего не дал. Ребров жалуется, что не смог окупить тех подъемных денег, которые занимал для снаряжения в плавание. В 1642 году он отправляется на реку Оленек, где служил пять лет, а впоследствии, по приговору Сибирского приказа, был поверстан пятидесятником. Дежневу не раз приходилось ходить по следам Ивана Реброва и служить на открытых им реках.

Заметной фигурой был и Елисей Юрьев Буза. Как и другие выдающиеся служилые ленские люди, он начинал службу на Енисее. В 1637 году он вместе с каким-то промышленным человеком Друганкой вышел из Якутска, спустился вниз по Лене и вышел в море, намереваясь достичь Яны. Однако быстрое наступление зимы и неблагоприятная ледовая обстановка помешала дойти до устья Яны. Елисей Буза с Друганкой смогли добраться только до устья «Омолевы реки» (Омолоя), впадавшей в губу Буорхая к западу от Яны. Здесь мореплаватели смастерили нарты и, оставив коч, двинулись далее сухопутным путем по заснеженной тундре. Товары и припасы они вынуждены были «пометать» на берегу из-за трудностей дальнейшего пути. Отряд Бузы и Друганки перешел через Камень (очевидно, кряж Кулар) и достиг верховьев Яны. Подробностей этого перехода мы не знаем, но можно предположить, каким он был трудным. Отряд двигался в лютые морозы по открытой

снежной пустыне, где не укроешься от ветра, потом преодолевал каменистый кряж. Обессиленные люди тащили нарты с самой необходимой поклажей. Весь этот путь от губы Буорхая до Яны занял восемь недель.

На Яне Буза собрал ясак в расположении якутского рода князца Тузлука. Князец пытался было уклониться от уплаты ясака и спровоцировал военное столкновение. «И они-де с Елескою с товарищи с теми якуты бились во многие времена, а я якуты-де их в осаду осадили, и сидели-де они от них в осаде шесть недель. И те якуты на выласках убили у них служилых людей два человека». Но в конце концов «тех якутов войною смирили, и под их государеву руку привели и ясаку с них взяли вновь...» Непокорный князец Тузлук смирился.

К весне Буза с Друганкою построили кочи и, «выплыв на море на усть Чендона реки (Чондон), захватили здесь трех юкагирских князцев в аманаты» и здесь собирали ясак в течение трех лет. Речь шла о реке Чондон, впадавшей в Янский залив несколько восточнее устья Яны. В 1641 году Елисей Буза отправился с ясачьей казной в Якутск, а Друганко, по-видимому, остался на Яне для соболиного промысла.

В следующем году Буза был направлен воеводой в Москву для сопровождения «государевой казны».

Иван Родионов Ерастов (Ярастов), достигший на ленской службе звания сына боярского, плавал под начальством других и самостоятельно по Северному Ледовитому океану, Яне, Индигирке, собирая ясак и участвуя в кровопролитных схватках с непокорными якутскими и юкагирскими князцами, уклонявшимися от уплаты ясака. Сведения о его походах мы находим в пространной челобитной ленских служилых людей Ерастова, Чукичева, Терентия Алексева и Стефанова за 1646 год.

В 1644 году Ерастов вместе с Т. Алексеевым и Кайгородцевым вывезли с Индигирки на Лену собранную

ими соболиную казну. Шли они с индигирского устья морем, затем Леной. Во всех этих дальних походах Ерастов и его товарищи «холод и голод терпели, нужи и бедность принимали, и всякую скверну ели, и душу свою сквернили». А отправлялись в поход, снаряжаясь на собственные средства, «всякий походный «завод» (снаряжение. — Л. Д.) покупали на свои деньги, дороною ценою». Каждому подъем обошелся по сто рублей и более, а всех коней потеряли в походе.

И Иван Ерастов жаловался в челобитной, что не получал хлебного и денежного жалованья (сам он не получал в течение девяти лет), — «обнищали и задолжали великими долги, и стоим на правеже. А долгу на нас рублей по сто и больше».

В 1645—1646 годах Ерастов с товарищами (40 человек) совершил второе морское плавание. Воевода В. Пушкин сообщает об этом плавлении в своей отписке. «Что-де они отвели ныне новую землю: вышед из Ленского устья, итить морем в правую сторону, под восток, за Яну, за Собачью (Индигирку), и за Алазейку, за Кавыму реки — новую Погычу реки. А в той же Погычу реку впади иные сторонние реки, а по той Погыче и иным сторонним рекам живут многие иноземцы разных родов, неясачные люди, а ясаку никому нигде не платят. И на перед-де сего и по ее число на той реке русских людей никого не бывало. А соболь-де у них самый добрый черной».

Название «Погыча», упомянутое воеводой В. Пушкиным, имело в документах середины XVII века двойное значение. Так называли Анадырь в период ее поисков и на первых порах после ее открытия. И этим же названием обозначали какую-то небольшую тундровую реку, впадавшую в Ледовитый океан к востоку от устья Колымы, которую и достиг Ерастов с товарищами. Возможно, речь шла о реке Чуван или какой-то еще более восточной реке, впадавшей в Чаунскую губу. Мы достоверно не знаем, какого пункта на побережье Северного

Ледовитого океана достигла ерастовская экспедиция. Но несомненно, что она побывала в устье какой-то реки к востоку от Колымы. Так расширялись маршруты полярных плаваний русских первопроходцев, продвигавшихся все далее и далее на Восток.

Возвратившись в Якутск с ценными сведениями, Иван Ерастов «со товарищи» просил воеводу отпустить их на реку Погычу, выдав им оклады денежного и хлебного жалованья за два года вперед. По каким-то причинам просьба служилых людей не была удовлетворена сразу. Но позже Ерастов вновь отправился по знакомому маршруту. Из отписки воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова 1662 года узнаем, что в этом году сын боярский Иван Ерастов и целовальник Степан Журливой возвратились с Колымы с «костяной казной».

Судьба свела Семена Ивановича Дежнева с Ерастовым в последний период его службы. В 1662 году Иван Ерастов отправился, по поручению воеводы, в Москву, сопровождая соболиную казну. В его конвойный отряд был назначен и Дежнев. Несколько позже они встречались во время службы на Чечуйском волоке.

Заметной фигурой был якутский казак Иван Беляна, совершивший три морских плавания, а также подымавшийся по рекам Индигирке, Алазее и Колыме. Об этих плаваниях дает сведения его челобитная 1650 года.

Сын тобольского стрельца, он был поверстан после смерти отца в отцовский стрелецкий оклад, но в 1639 году был переведен в ленские казаки. В 1642 году он ходил на Индигирку сухопутным путем в составе отряда Посника Иванова. Отправляясь в поход, Беляна купил двух коней за пятьдесят рублей. Достигнув Индигирки, Посник Иванов послал Беляну в Олюбенское зимовье на смену казака Кирилла Нифонтова. Собравши здесь ясак, Беляна ходил морем на реку Алазею, впадавшую в Ледовитый океан несколько восточнее индигирского устья. На Алазее произошло столкновение с юкагирами, не хотевшими платить ясак. В столкновении было убито

двое русских, все остальные казаки из небольшого отряда получили ранения. Но юкагиры несколько поутихли после того, как Беляна захватил в качестве аманата их князца Манзитина.

Поднявшись по Алазее с шестью товарищами, Беляна миновал пояс тундры и достиг тайги. Здесь он поставил зимовье и острожек. Осенью 1643 года юкагиры подходили к стенам острожка с намерением вызволить Манзитина. Беляна вступил с юкагирами в переговоры, призывая их принять русское подданство, и захватил еще двух аманатов, в том числе брата князца. Это заставило юкагиров заплатить ясак и откочевать на Колыму. На Алазее Беляна и его спутники провели около двух лет.

Весной 1645 года казаки построили коч, спустились по реке и морем пришли к устью Колымы и затем в течение двенадцати дней шли вверх по этой реке. Здесь также произошло столкновение с воинственными юкагирами, во время которого Беляна был ранен. На Колыме русские поставили зимовье и острожек. Весной 1646 года к его стенам подошли «многие люди» юкагиры и ворвались в острожек, намереваясь отбить аманатов и разграбить соболиную казну. Нападающих удалось убить. У русских, при всей их малочисленности, было неоспоримое военное преимущество — огнестрельное оружие, «огненный бой». Но Беляна снова получил ранение, а двое его товарищей были убиты. Пользуясь малочисленностью русских, юкагиры держали острожек в осаде в течение двенадцати дней. Русские страдали от голода и уже не надеялись на спасение. Но спасение неожиданно пришло — подошел отряд русских торговых и промышленных людей, заставивших осаждавших острожек юкагиров рассеяться.

Спустившись по Колыме, Беляна вышел морем обратно к устью Алазеи и поднялся по этой реке к своему старому зимовью. Здесь он собирал с юкагиров ясак.

Сохранились краткие сведения о морском плавании

на Колыму и, вероятно, далее на восток якутского сына боярского Василия Власьева и целовальника Кирилла Коткина. Из воеводской отписки известно, что в 1650 году они прислали в Якутск «6 костей рыбыя зубу», из которых они пять костей купили у «чухощких мужиков» (то есть у чукчей), а шестую кость нашли на морском берегу на пути к Колыме.

Неоднократно Семен Дежнев встречал на своем пути Юрия (Юшка) Селиверстова. Участник морских плаваний Михаила Стадухина, он в 1651 году обращается к воеводам с челобитной: «...был он на море, и есть-де в то море выпали реки многие — Чухча река, Ковыма река, а за Ковымою рекою есть четыре реки, а от тех рек есть река Нанандара (т. е. Анадырь), да Чондон. А люди по тем рекам живут многие, а языки разные — чукчи, ходынцы, коряки, неняули (т. е. анаулы), а иные роды есть и языки многие. И то иноземцы тебе государю наперед сего не плачивали» ясака.

Селиверстов предлагал свои услуги набрать «охочих промышленных людей» и привести упоминавшиеся выше народы и племена «под государеву руку», чтобы получать с них ежегодно по 50 пудов кости вместо ясачного соболиного сбора в первое время, а в дальнейшем получать в качестве ясака и кость, и пушнину. С разрешения якутских воевод Селиверстов собрал в Якутске отряд из пятнадцати человек. Воевода Францбеков дал ему «государев коч со всей судовой снастью», а также ссудил его деньгами. В июле 1651 года Селиверстов со своим небольшим отрядом отправился «на государеву службу на море, за Ковыму реку, на новые на Анадырь и Чондон». Мореплаватели дошли до устья Колымы, поднялись по ней и ее правому притоку Анюю и далее сухим путем вышли на верхнюю Анадырь. Дальнейшая деятельность отряда Селиверстова на Анадыри переплетается с судьбой дежневского отряда.

Среди казаков, оставивших свой след в истории освоения Восточной Сибири, нельзя не упомянуть и Кур-

бата Иванова, служившего сперва в Тобольске. Его пути будут не раз скрещиваться с путями Семена Дежнева. Курбат был участником верхнеленского похода 1640 года пятидесятника Василия Витязева, а затем уже самостоятельно отправился с тремя спутниками до верховьев Куленги, притока верхней Лены. В начале 1641 года Курбат Иванов представил якутскому воеводе чертеж с текстовым пояснением-рописью, содержащим сведения о верхней Лене от впадения в нее Куты до верховьев. Часть сведений была внесена в чертеж. Ропись составлялась отчасти на основе личных наблюдений, а отчасти по опросам местных жителей. Оба документа были отправлены воеводой в Сибирский приказ.

В отличие от многих казаков Курбат Иванов был грамотным. Об этом свидетельствуют его собственноручные подписи под разными документами. Очевидно, среди грамотной части служилых людей он выделялся уровнем грамотности и общим кругозором. Неоднократно Курбат выступал в качестве составителя чертежей различных районов Восточной Сибири. После составления им первого чертежа воевода привлек его к составлению нового, охватывающего на этот раз более обширную территорию — Лену с ее основными притоками: Витимом, Киренгой, Алданом и Вилюем, а также Оленек и путь к Охотскому морю, на побережье которого к тому времени побывал Москвитин.

В 1642—1643 годах Курбат Иванов осуществил поход с Лены на Байкал, достигнув ленских истоков и перейдя через Байкальский хребет. Он не только побывал на западном берегу озера, но и посетил остров Ольхон. Ленинградский исследователь Б. П. Полевой обнаружил архивные свидетельства того, что этот замечательный первопроходец, вероятно, является составителем еще двух чертежей — верхней Лены с Байкалом, а также Анадыри, где ему довелось сменить Семена Дежнева в качестве государственного приказчика. Все чертежи Курбата Иванова пока не обнаружены, и об их содер-

жании мы ничего не знаем. Но сведения об этом его роде деятельности весьма любопытны. Ведь речь идет о первых, пусть еще несовершеннолетних, наивных зачатках сибирской картографии. Возможно, чертежами Курбата пользовался составитель первого чертежа Сибири тобольский воевода Петр Годунов.

Несколько особняком среди этих людей благодаря необычной своей биографии стоит Василий Бугор. Как казачий десятник, он впервые упоминается в челобитной енисейских служилых людей 1637 года, просивших о выдаче жалованья за поход на Ангару. Впоследствии он переходит на службу на Лену и в 1646 году участвует в походе в Братскую землю уже как ленский казак. Вернувшись из этого похода, Бугор участвует в заговоре группы якутских служилых людей. Бросив государеву службу, они составили ватагу гулящих людей и бежали вниз по Лене. Вероятно, это событие было вызвано конфликтом с воеводой Пушкиным и приобретало характер социального протеста против воеводы и его окружения. Среди беглых, кроме Василия Бугра, было два казачьих пятидесятника — Иван Реткин и Шеламко Иванов и еще девятнадцать рядовых казаков. К беглым служилым людям присоединились и некоторые промышленные. Из отписки воеводы В. Пушкина 1648 года узнаем, что заговорщики покинули Якутск, захватив коч, принадлежавший торговому человеку Василию Щукину, и пограбив у промышленных людей хлебные запасы и малые суда.

Спускаясь вниз по Лене, ватага беглых грабила служилых, промышленных и ясачных людей. Повстречав дощаники с казаками, возвращавшимися с Алдана, беглецы обобрали с них паруса и снасти. У ясачных людей они отбирали имущество, коров, рыболовные сети, собак, «чем соболи промыслять». Так что в тех местах, где проходила ватага Бугра, у местных жителей оставался соболиный промысел, и они перестали вносить в казну ясак.

Около Жиган ватага встретила коч Матвея Акинфиева и Тихона Колупаева, казанских торговых людей, плывших с покручениками и товарами. Беглецы забрали судно со всеми товарами и имуществом, принадлежавшими как хозяевам, так и их покрученикам и оцененным в сумму более чем в 1200 рублей. Так ватага Бугра из группы людей, выражавших социальный протест против несправедливости, превратилась в разбойную ватагу, промышленявшую грабежами.

Из ленского устья Бугор с сообщниками, располагая двумя хорошо снаряженными кочами, с большим запасом съестного и всяких товаров, необходимых для торгового обмена с аборигенами, вышли в океан и направились на восток.

Реакция Сибирского приказа на отписку воеводы В. Пушкина о случившемся была сравнительно мягкой, как будто произошло самое заурядное, обыденное происшествие — «Отписать в якутский острог — будет те казаки вперед объявятся, и про то спросить, и про грабеж всякими сыски сыскать, а по сыску, взятое без прибавки доправя на них, отдати истцам». Мы видим, что власти подходили к делу как к обычному случаю ограбления частных лиц казаками. На сам факт бегства с государственной службы внимание не акцентировалось, а лишь предлагалось спросить беглецов, если те объявятся. Очевидно, центральные власти не хотели раздражать суровыми репрессиями служилых людей далекого края, считаясь с суровыми условиями их службы и постоянной нехваткой людей в Якутии.

Василий Бугор проявил себя как смелый полярный мореход, хотя его плавание по Ледовитому океану и закончилось неудачно. Он с отрядом присоединился к экспедиции Стадухина, потом в составе стадухинского отряда пришел сухопутной дорогой на Анадырь. От Стадухина, с которым он, видимо, не поладил, Бугор перешел к Дежневу и нес вместе с ним анадырскую службу

уже не как беглый, а служилый человек. О его прежних прегрешениях и разбоях, похоже, власти забыли.

Итак, Михайло Стадухин, Иван Ребров, Елисей Буза, Иван Ерастов, Иван Беляна, Василий Власьев, Юрий Селиверстов, Василий Бугор — вот далеко не полный перечень имен известных землепроходцев, современников и сотоварищей Дежнева, оставивших свой след в утверждении власти Российского государства в Северо-Восточной Сибири. Наряду с этими именами мы вправе еще назвать Посника Иванова, Дмитрия Зыряна, Ивана Рубца, Семена Шелковникова и многих других.

Все эти землепроходцы и мореплаватели извели немало горьких лишений, испытали голод и нужду великую, вступали в схватки с воинственными князьями, получали раны тяжкие, мерзли в дальних зимовьях, попадали в морские бури и штормы. Если отбросить одного Василия Бугра, снарядившего свою экспедицию разбойным путем и превратившегося из служилого человека в гулящего, атамана разбойничьей ватаги, все остальные снаряжались и снаряжали экспедиции за свой счет. Снаряжение, как мы видели, было сопряжено с большими расходами. Если служилые люди, отправлявшиеся в поход, и получали при подъеме часть жалованья, то его обычно не хватало, чтобы покрыть все подъемные расходы.

Сохранилось немало выразительных документов — челобитных служилых людей, выдержки из которых мы приводили выше. В них горькие жалобы на трудности и лишения, на вынужденную долговую кабалу, на дороговизну. Все это обычно служило аргументами, чтобы настаивать на выдаче «сполна» недоданных хлебного оклада и денежного жалованья. Воеводы на эти слезные просьбы обычно никак не реагировали, однако пересылали челобитные в Москву, поскольку по традиции они адресовывались на царское имя. До царя они, естественно, не доходили, а оседали в бумагах Сибирского приказа. В большинстве случаев никакой положительной ре-

акции на челобитные со стороны приказных чиновников не следовало. На сохранившихся в архивах челобитных грамотах можно встретить пометы — «чтена в столп», то есть прочитана и приобщена к делу, вот и все.

И Дежневу не раз приходилось подавать челобитные в которых он описывал свое бедственное положение и молил выплатить ему то, что полагалось по праву. Эти дежневские документы дают наглядное представление о тех трудностях и лишениях, с которыми приходилось постоянно сталкиваться и Семену Ивановичу, и его товарищам.

В 1638 году учреждалось самостоятельное воеводство в Якутске с непосредственным подчинением Сибирскому приказу в Москве. Этого требовали интересы управления огромной территории Сибири. Но и новое воеводство оказалось трудноуправляемым из-за обширности своих просторов. Оно охватывало весь ленский бассейн, кроме верховьев Лены, Оленек и все земли к востоку от Лены, открытые и еще не открытые. Но приезд первых воевод задерживался. Временно областью продолжал управлять Парфен Ходырев, а после его отстранения — письменный голова Василий Поярков.

Что нам известно о якутской службе Семена Дежнева? Документальные свидетельства на этот счет скудны. Дежнев упоминается среди служилых людей, допрошенных 1 марта 1640 года по делу Ходырева, временно управлявшего Якутским острогом, но к тому времени, видимо, отстраненного от управления. Обвинения его в различных злоупотреблениях и лихоимстве, видимо, имели под собой серьезные основания. Злоупотребляя своим служебным положением, Парфен за два года присвоил 3200 соболиных шкурок, составлявших целое состояние. Он занимался незаконной торговлей через подставных лиц — служилых и торговых людей, а также широкими ростовщическими операциями. В роли обвинителей корыстолюбивого администратора выступали Михаил Стадухин и Юрий Селиверстов. По их настоянию

в ходыревском дворе был произведен дотошный обыск, во время которого были обнаружены огромные запасы пушнины и долговые кабалы (расписки) на сумму 4156 рублей.

Вероятно, к этому времени относятся две недатированные челобитные служилых людей Якутска на имя царя Михаила Федоровича об отпуске их на службу в якутские волости. В первой из них речь идет о Яульской волости, во второй — Нюриптетской. В числе многих казачьих десятников и рядовых казаков, от имени которых подавались обе челобитные, упоминается и Семейка Дежнев. Примечательно, что обе челобитные заканчиваются припиской: «К сей челобитной поп Федорище Андреев вместо служилых и промысленных людей, кои в грамоте не умеют, по их велению руку приложил». Далее упоминаются персонально грамотные лица, которые оказались в состоянии сами поставить свои подписи. Среди их имен Семена Дежнева нет. Он упомянут в общей массе казаков, от имени которых приложил руку поп Федорище. Перед нами явное свидетельство неграмотности Дежнева, свидетельство документальное. До конца дней своих он так и не овладел грамотой. Под всеми его последующими документами подписывался за него кто-либо из грамотеев.

Но неграмотность не суть отсутствие недюжинного ума, пытливости, любознательности, острой наблюдательности. Не об этих ли качествах свидетельствуют отписки, донесения, челобитные, писавшиеся безвестным грамотеем под диктовку Семена Ивановича.

В середине 1640 года Семен Дежнев был командирован на Татту и Амгу, левые притоки Алдана, заморить непокорных батурусских якутов. В этой местности, расположенной к югу от Якутска, давно уже промышляли грабежами Каптагайка и Немнячек Очеевы, располагавшие вооруженными отрядами зависимых от них людей. Они нападали на мирных ясачных якутов, грабили у них скот, другое имущество. Однажды разбойные

братья угнали пятьдесят голов скота. Когда якуты, подвергнувшиеся ограблению, попытались было вступить с грабителями в мирные переговоры, чтобы убедить их вернуть скот, братья и их люди подвергли избиению ясачных людей и отняли у них коней, копыя и луки со стрелами. Обиженные пожаловались якутским властям. В ответ на жалобу и были направлены Семен Дежнев с двумя казаками Львом Губарем и Богданом Сорокумовым.

Отыскиали ли они Каптагайку и его брата и вернули ли похищенный скот пострадавшим, нам неизвестно. Сам Дежнев нигде об этом не упоминает, считая, видимо, поход на Амгу и Татту заурядным и обычным для него делом. Не сохранилось и других каких-либо документов об этом походе. Надо полагать, что если бы произошло серьезное военное столкновение, оно привлекло бы внимание властей и нашло бы отражение в документах. Дежнев следовал инструкции атамана Осипа Галкина, наказывавшего действовать «без порчи, без драки» и лишь в самом крайнем случае применять силу. Видимо, столкновения удалось избежать, действуя мирными средствами увещевания, проявляя к якутам дружелюбие и такт. Быстрое возвращение Дежнева в Якутск (в начале сентября 1640 года) свидетельствовало, казалось бы, об успешном завершении его миссии.

Среди документов Якутской приказной избы за 1640 год сохранилось еще несколько упоминаний имени Семена Ивановича Дежнева. 29 февраля в книге таможенного сбора порублевых и пошерстных пошлин с продажи скота по Якутскому острогу сделана запись о том, что Дежнев продал коня тазовскому служилому человеку Гришке Васильеву Киселю за пятнадцать рублей. «С продавца взято порублевые пошлины, 5 алтын, с рубля по 2 деньги, а с купца пошерстного взято алтын...»

Из записи в книге выдачи денежного жалования и боеприпасов служилым людям мы узнаем, что в октябре 1640 года, очевидно, после возвращения с Амги,

Дежневу были выданы два рубля с полтиной, сумма, составлявшая половину его оклада к прежней его доле, а также полный оклад в пять рублей за текущий год и еще половина оклада за будущий 1641 год.

Осенью 1640 года Дежневу пришлось выполнять второе, более ответственное самостоятельное поручение — ходить на мятежного князца Сахея. Еще летом жители центральной Якутии, недовольные ясачным обложением, осадили Якутский острог. Осада оказалась безуспешной, и в конце концов князцы заключили мирное соглашение с русскими властями и согласились платить ясак. Однако несколько князцов-тойонов кангаласского рода и в их числе Сахей Отнаков отвергли соглашение. Парфен Ходырев, тогдашний управляющий острогом, послал двух казаков — Федота Шиврина и Ефрима Зипунка для сбора ясака с непокорного Сахея и его рода. Воинственный князец напал на сборщиков ясака и убил их, откочивав со всем родом в дальние земли, Оргутскую волость на среднем Вилюе. Против Сахея был выслан отряд служилого человека Ивана Метленка. Но якуты сумели заманить отряд в засаду и нанести ему тяжелые потери. Сам Метленк был убит сыном Сахея Тоглыткой. Вот тогда-то якутские власти и послали для умиротворения непокорного тойона и ясачного обложения его рода Семена Дежнева.

Перед ним встала сложная задача смирить Сахея, но не руководствоваться чувством мести и избегать кровопролития. Сборщики ясака допускали немало злоупотреблений и жестокостей и нередко сами провоцировали якутов на оказание сопротивления. По-видимому, Дежнев стремился лишь припугнуть Сахея, но больше действовал словесным воздействием, стараясь наладить с ним добрые отношения и его от «государевой милости не отогнать».

Подробности похода Дежнева в Оргутскую волость нам, к сожалению, неизвестны. Не знаем мы и что заставило Сахея смириться. Но сложное поручение было

выполнено Дежневым успешно. Его отряд возвратился в Якутск, не понеся ни малейших потерь. Дежнев проявил себя как терпеливый и гибкий политик, не только замирившись с Сахеем, но и взыскав ясак сполна и с самого князца, и его детей, и членов его рода. Весь этот взысканный с Сахеева рода ясак составил 3 сорока 20 (то есть 140) соболей.

7. НА ЯНЕ

Успешное выполнение Дежневым первых самостоятельных поручений заставило администрацию обратить на него внимание. И на Амге и Татте, и в Оргутской волости он проявил себя не только исполнительным и расторопным казаком, но и осторожным, гибким политиком, предпочитавшим доброе слово и увещание силе оружия. Как показал опыт, эти его качества позволяли легче достичь взаимопонимания и доверия с аборигенами. Они оказывались более эффективным и действенным оружием, чем казацкая сабля или «огненный бой».

В конце 1640 года письменный голова Василий Полярков, продолжавший управлять Якутским острогом после отстранения Парфена Ходырева, набирал два отряда для сбора ясака на Яне и Индигирке, недавно открытых реках. Яну русские знали уже за восемь лет до этого. Мы видели, что честь первооткрывателя этой реки принадлежала Ивану Реброву. «А преж меня на тех тяжелых службах, на Янге и Собачьей (Яне и Индигирке. — Л. Д.) не был никто, проведаль я те дальния службы», — писал он в своей челобитной.

Еще в начале 30-х годов Ребров с Мангазеи прошел по Нижней Тунгуске и Вилюю на Лену. Перезимовав в Жиганах, Ребров вместе с енисейским служилым человеком Ильей Перфильевым вышли морем на Яну, где захватили в аманаты юкагирских князцов и собирали

ясок. По уверению Реброва, янские соболя были лучше всех, которые он видел до тех пор. «На великой реке Лене и в сторонних реках таких добрых соболей нет», — докладывал он. Собранный ясок Перфильев отвез в Енисейск, а Ребров в сопровождении служилых и промышленных людей отправился далее на восток, на Индигирку, «Собачью тож» для «прииску новых земель».

Вслед за Ребровым на Яну пробрались Елисей Юрьев Буза, казачий десятник, и с ним с десятков казаков и до сорока промышленных людей. Вести о богатствах северных рек Яны и Индигирки доходили до Якутска вместе с партиями ясачной пушнины. Прокопий Кулов Плехан, приплывший от Елисея Бузы, заявил: «с падучих рек в море будет тебе, государь, прибыль в ясачном сборе».

Василий Поярков набирал в поход на Яну охотников — не более пятнадцати человек. Охотников набралось немало, и служилых, и промышленных людей, писавших самолично или диктовавших грамотеям челобитные с просьбой отпустить «в новые земли». Подал челобитную и Семен Дежнев. Челобитчиков манили неизведанные земли, возможность выбиться из постоянной нужды, да и уйти подальше от тяжелой опеки администрации. Хотя Поярков еще не был наделен воеводскими правами и лишь временно управлял острогом, он не раз давал подчиненным почувствовать свою тяжелую руку и крутой характер. В дальних походах можно было вдохнуть полной грудью, почувствовать себя вольной птицей.

Из охотников сформировались два небольших отряда. Во главе их были поставлены Посник Иванов и Дмитрий Михайлов Зырян. Прозвище второго указывало, вероятно, на его происхождение с Печоры, края, заселенного коми-зырянами, и, возможно, и коми-зырянскую принадлежность. Оба были людьми опытными и предприимчивыми. Их имена неоднократно упоминаются в документах Якутской приказной избы середины XVII века. Отряд Иванова отправлялся на Индигирку,

Зыряна — на Яну. В составе зырянского отряда находился и Дежнев.

В поход казаки снаряжались за собственный счет. Дежнев не составил исключения. Ему, как и его товарищам, приходилось покупать на свои деньги лошадей, продовольствие, снаряжение, одежду, обувь. За лошадь, которая на «Руси» стоила обычно 3—4 рубля, в Якутске приходилось переплачивать по меньшей мере вдесятеро, за лыжи платили два рубля, за нарты рубль, шубный кафтан — три рубля, «шубы одеванные» — четыре рубля. Это были непомерно высокие цены, если вспомнить, что годовой денежный оклад рядового казака достигал всего лишь пяти рублей. За лошадь приходилось потратить несколько годовых окладов. Одного оклада не хватало, чтобы одеться. Как пишет сам Дежнев в своей челобитной 1662 года: «И я, холоп твой, для твоей государевой службы купил две лошади, дал 85 рублей, и платишко, и обувь и всякий служебный завод, покупаячи в Якутском остроге у торговых и у промышленных людей дорогою ценою: стал подъем мне, холопу твоему, больши сто рублей».

Итак, снаряжение в поход обошлось Дежневу более чем в сто рублей. Вспомним, что за 1640 год он получил денежное жалование сполна — пять рублей, и в счет жалованья будущего года два рубля с полтиной. Хлебный оклад «для янской юкагирской службы» был им получен за год вперед — «пять четвертей с осминою муки ржаной, да за крупу и толокно две четверти муки ржаной, да за соль за полтора года дана осмина муки ржаной...».

Возникает вопрос, за счет каких источников мог казак собрать весьма значительную по тому времени сумму, необходимую для подъема? Очевидно, Дежнев, как и его товарищи, располагал собственной пушниной. Отправляясь на Амгу и на Вилюй, он не только собирал государев ясок, но и выменивал у якутов шкурки на пользовавшиеся спросом товары.

А возможно, и сам иногда охотился. Это было общепринято. Пушкину всегда можно было выгодно сбыть торговым людям, обратив ее в деньги. Можно было и расплачиваться с продавцами непосредственно шкурками, приобретая у них снаряжение в дорогу. Пушкина, в первую очередь соболь, имела хождение в качестве денег. Если же своей пушнины не хватало, к услугам казака оказывались заимодавцы — торговые люди и ближайшие к воеводе служилые, промышлявшие ростовщичеством. Ссужая казаков, они рассчитывали, что те рано или поздно возвратятся с богатой добычей и вернут долги с немалыми процентами. По-видимому, Дежнев исчерпал на подъем все свои сбережения и еще наделал долгов.

Яну отделяют от Лены сотни верст горной, почти безлюдной тайги, расстилающейся по склонам и отрогам Верхоянского хребта. Сотни — это еще не тысячи. По местным сибирским понятиям путь от Якутска до Яны не столь уж и далек — каких-нибудь пять недель пути. В Восточной Сибири расстояние исчисляется не верстами, а «днищами» — днями или неделями пути. Неделя пути от Якутска до алданского перевоза по сравнительно обжитой Центрально-Якутской равнине. И еще четыре недели пути по горным тропам, ущельям, перевалам ленско-янского междуречья. Летом здесь не проедешь. Таежные чащобы сменялись топкими болотами, быстрыми речушками, стиснутыми крутыми склонами долин и ущелий, каменистыми осыпями. Да и гнус покоя не дает ни людям, ни лошадям.

Вышли в путь зимой. Зима в Якутии ранняя. В сентябре уже сильные заморозки и первые снегопады. К началу зимы снег плотным слоем застилал землю, а реки и озера сковывало прочным ледяным панцирем. Шли по снежной целине, придерживаясь речного русла, подымаясь по Тумарху, притоку Алдана, вверх до перевала, за которым уже уходила на Север долина Дулгалаха, одного из янских истоков. Ночевали у костра, выставя

дозорных. Не ровен час — медведь-шатун заявится или немирное бродячее племя порешит напасть. Корм лошадям добывали в якутских селениях. У какого же якута не заготовлен с лета добрый зарод сена. Когда кончились селения, тратили запасец своего сена, который везли на нартах. А кончилось оно, положились на выносливость якутских лошадей, способных от нужды и тальниковые ветки глотать и мох из-под снега, подобно оленям, копати.

Базой отряда стало Верхоянское зимовье, поставленное еще в 1638 году при слиянии рек Дулгалаха и Сартанга, стекающих с Верхоянского хребта и образующих Яну. Река эта протекала по широкой долине. В русле было много островов, заросших тальником, и галечных отмелей, а в пойме встречалось много озер и стариц, изобилующих рыбой: щукой, хариусом, нельмой, налимом. Сейчас все это было покрыто ослепительно чистой снежной толщей, сверкающей в солнечные дни серебристой белизной. Здесь, по верхней Яне, жили якутские роды, занимавшиеся скотоводством, охотой и рыболовством.

Русских якуты встретили дружелюбно и стали регулярно выплачивать ясак соболями и лисицами. Они нередко подвергались набегам со стороны воинственных кочевых оленеводов, юкагиров и эвенов, обитавших к югу и юго-востоку от верховьев Яны. Поэтому якутские тайоны охотно соглашались на русское подданство, рассчитывая, что русские защитят их от нападений беспокойных соседей.

Ничто не беспокоило так русских в Верхоянском зимовье, как лютые холода. К суровой ленской зиме казаки привыкли, но в верховьях Яны они столкнулись с еще более крепкими морозами. Если не считать Оймякона, полюса холода в нашей стране, Верхоянск заслужил репутацию самого холодного места в Якутии. Здесь речная долина, стиснутая горными массивами, продувается студенными ветрами. В зимние месяцы жалобным

стоном трещат деревья, звери прячутся по насиженным норам. Бывает, на лету замерзают птицы. Лишь в избе зимовья тепло у раскаленного камелька.

Но служба есть служба. Осваиваются служилые и в студеное Верхоянске. Привыкают к лютым морозам. Облачаются в теплые дошки оленьего меха, унты, шапки-ушанки, мажут личины салом, чтобы не поморозить, и отправляются по якутским селениям за сбором ясака на лыжах, на нартах. Закуржавелые, седые от инея лошаденки трусят по снежной целине, спрессованной в плотную массу.

Лай собак возвещает о близости селения. Первым делом нужно обогреться с дороги у очага, в теплом балагане, скинув промерзлые дошки. Якуты подносят гостям теплый кумыс, вареное мясо. Завязывается неторопливая беседа. Многие казаки понимают якутскую речь, расспрашивают хозяев, хороша ли ныне охота на соболя, хорош ли мех.

Якуты выносят ясак, извлекая из сундуков и коробов шкурки соболей, лисиц, расхваливают их на все лады. Казаки не верят на слово, придирчиво разглядывают каждую шкурку, проводят ладонью по серебристым ворсинкам, выносят мягкую рухлядь на волю, чтобы разглядеть ее на дневном свету. Остались довольны ясачной казной. Теперь дело за подарками. Якутов одаряют бисером, бусами-одекуем, ножами, медными котелками — «государевыми подарками». А потом идет индивидуальный торг. Казаки вытаскивают из дорожных сум свои собственные припасы, те же самые предметы, а еще слитки металла, из которых умелый якутский кузнец выкует наконечники для стрел, ножи, и выменивают на них ценные шкурки. Обе стороны довольны торгом. Расстаются друзьями. На прощание хозяева одаряют гостей гостинцами — льдинками замороженного коровьего молока.

Выходил Семен Иванович с товарищами и на соболиную охоту. Охотились с собаками, коренастыми пу-

шистыми лайками сибирской породы. Тонким своим чутьем собака отыскала нору под корневищем старой толстоствольной лиственницы и суетливо заметалась. Охотник утихомирил собаку, осторожно разгреб снег, открывая глубокую дыру, уходящую под корневище, и раскинул перед ней сеть. Потом он надрал бересты, высек огнивом огня и воспламенил сухой мох. От мха разгорелась сырая береста, чадившая и дымившая перед входом в соболиную нору. Выкуренный из норы дымом шмыгнул грациозный серебристый зверек, забился в сети. И вот он уже в руках охотника, сдавившего мертвой хваткой тонкую шею соболя. Теперь твоей шкурке, бедняга, суждено красоваться на оторочке кафтана московского боярина, а может быть, и самого царя.

Деятельность ясачных сборщиков на Яне была успешной. Отряд Зыряна собрал здесь восемь сороков двадцать (340) соболей и черно-бурых лисиц. Напромышляли служилые немало пушнины и для себя. Весной 1641 года, вероятно, еще по зимнему пути Дежнев по поручению Дмитрия Зыряна отправился в сопровождении трех казаков с ясачной казной в Якутск. Эта миссия, возложенная на Семена Ивановича, говорит нам о том, что в отряде Зыряна он занимал не рядовое положение, а, возможно, был вторым после начальника лицом. Сам Дмитрий Зырян решил с остальным отрядом идти дальше на восток в поисках новых земель, «где б на которой реке государю прибыль учинить».

О передвижении небольшого отряда русских с грузом пушнины через Верхоянский хребет проводили кочевавшие здесь эвены (ламуты), решившие поживиться богатой добычей. По сообщению самого Дежнева, «сорок лаумцких мужиков, а может и больше», устроили засаду и внезапно атаковали отряд. Но Семен Дежнев проявил достаточную выдержку и военный опыт. Четверо казаков встретили нападавших «огненным боем» и рассеяли их после непродолжительного боя. Метким выстре-

лом Дежнев свалил предводителя нападавших, «лутшего мужика». Но и сам он был дважды ранен стрелой в левую ногу. Ясачную казну удалось сохранить и доставить в Якутск в целости и сохранности.

Незадолго до возвращения Дежнева на Лену прибыли первые якутские воеводы, стольники Петр Петрович Головин и Матвей Богданович Глебов. Это произошло лишь в начале 1641 года, хотя назначение воевод состоялось в мае 1639 года. Около двух лет добирались воеводы из Москвы до Якутска, не утруждая себя спешкой. Надолго остановились в Тобольске, бражничая с тамошней чиновной верхушкой, запасались здесь казной, припасами, привлекли на службу в Якутск 302 тобольских казака. Потом состоялась продолжительная остановка в Енисейске. Там к ленскому отряду присоединились еще 43 енисейских казака. Последнюю длительную остановку воеводы сделали в Усть-Кутском остроге.

Якутские власти были давно предупреждены о том, что едут стольники со свитой и большим отрядом казаков. Василий Поярков распорядился рубить просторные воеводские палаты и избы для служилых людей, согнав на плотничьи работы всех свободных от службы казаков и даже промышленных людей. Ожидалось большое пополнение, и острог становился тесен. Немошных и увечных заставили засыпать песком колдобины и ямы на дороге, что шла от пристани к воротам острога. Поярков выслал также навстречу воеводам наряд казаков на лодке на расстояние дневного перехода. Строго наказал им — как заметят на Лене приближающийся караван дощаников, пусть спешат незамедлительно к острогу с донесением.

И вот воеводы Петр Головин и Матвей Глебов с дьяком Евфимом Филатовым, с пышной многолюдной свитой, состоявшей из подьячих, лиц духовного звания, детей боярских, казаков, прибыла в Якутск в начале 1641 года. К берегу причаливала длинная вереница людей, стругов, лодок. Воевод встречали торжественно

с хлебом-солью, с почетным караулом казаков. Поярков суетился больше всех, чтоб в грязь лицом не ударить. Заставил казаков начистить до блеска пищали, принарядиться, а тех, у кого нет новых кафтанов, залатать и почистить старые. Торговые люди приготовили для воевод подарки — лучших соболей и моржовую кость. В стороне от казаков толпились любопытные якуты. Им хотелось своими глазами увидеть больших русских тойонов.

Первым вышел на берег Головин в длиннополном кафтане на меху, в высокой боярской шапке. За его спиной как-то потерялись Глебов и Филатов. Хмуро оглядел Головин толпу, строй казаков, острог. В угодливом поклоне склонился перед ним Поярков, охваченный тревожными думами. Будет ли благоволить к нему воевода, оставит ли его в прежнем его качестве письменного головы, управителя якутской канцелярии? От воеводской свиты отделился гривастый протопоп и осенил толпу на берегу крестным знаменем. Начинался новый период в истории Якутска. Его жители еще не догадывались, с какими для них бедами будет связан этот новый период.

Семен Дежнев и его спутники увидели в Якутске много перемен, много незнакомых лиц. Острог выглядел людным, оживленным. Не хватало изб, чтобы разместить всех служилых людей. На каждом шагу Дежнев улавливал слухи, передаваемые шепотом. Главный-то воевода Петр Головин нравом крут, своенравен, заносчив, жесток, с Матвеем Глебовым, напарником своим, не ладит. С неугодными людьми расправляется лихо — чуть что, и угодил в тюремную избу. При упоминании имени воеводы служилые опасливо крестились.

Не вникая в справедливость этих слухов, Дежнев поспешил сдать привезенную с Яны соболиную казну первым якутским воеводам. Он и его спутники привезли и собственную пушнину, которая была по распоряжению письменного головы Василия Пояркова конфискована

в пользу казны. Не чувствуя свое положение прочным, Поярков всячески старался выслужиться перед воеводами и в своем служебном рвении переступал черту законности. Это заставило Дежнева и его товарищей обратиться на имя царя Михаила Федоровича с челобитной. «В нынешнем, государь, во 149-м (1641. — Л. Д.) году мы, холопи твои, на твоей государевой службе на Янге реке для твоего, государева, ясачного збору. И как твой, государев, ясак с якутов собрали, и после твоего, государева, ясаку купили мы, холопи твои, у твоих же, государевых, ясачных якутов соболишек на свой товар. И в нынешнем во 149-м году как мы, холопи твои, пришли в Ленский острог с твоею, государевою, ясачною казною, и у нас, холопей твоих, те наши соболишка письменною голова Василией Данилов Поярков запечатал... пожалуй нас, холопей твоих, вели, государь, те наша соболишка распечатать и нам отдачи долги свои платить, чтобы нам, холопам твоим, в своих долгах, на правеже стояв, в конец не погибнуть и твоей бы царские службы впредь не отбыть...»

На этот раз челобитная возымела свое действие. На ней сохранилась помета — «По сей выписке Ивашке Иванову, Сеньке Дежневу, Гришке Простокише соболи их, для государевы дальние службы и их нужы, и дорогово подъему, соболи выдать и написать в приговор».

Пребывая по возвращении с Яны в Якутске, Дежнев стал невольным свидетелем того, как деспотизм главного воеводы вызвал всеобщий ропот. На Ленском волоке был схвачен с награбленным добром Парфен Ходырев в то самое время, когда туда прибыли воеводы. Головин занялся делом о корыстных злоупотреблениях Парфена, а старожилы Якутска старались выгородить прежнего начальника острога. На этой почве и окружение Головина раскололось на две партии. Учинилась «рознь» даже между главным воеводой и Матвеем Глебовым, на стороне которого оказался и дьяк Евфимий Филатов. Дело дошло до драки в приказной избе. Но это была

еще только прелюдия кровавой усобицы, охватившей несколько позже Якутск.

Головин приехал на Лену с широкомасштабными планами. Он задумал осуществить реформу системы ясачного обложения с целью значительного увеличения поборов с местного населения, а для этого провести перепись якутов. Представители якутской администрации и преданные ей тойоны отговаривали воеводу от этого шага, опасаясь, что это вызовет сопротивление якутов. Самоуверенный Головин не пожелал прислушаться к благоразумным советам и приходил в раздражение, встречая противодействие своим планам.

Реакцией местного населения на политику воеводы стало широкое восстание, охватившее многие якутские волости. Восставшие отказывались платить ясак. Они подходили к Якутску и были уже в нескольких верстах от его стен. Это вызвало растерянность Головина, лихорадочно стремившегося переложить ответственность за события на других, «злостроительством своим покрывая вину свою». Он стал обвинять в случившемся Глебова, Филатова и других, называя их изменниками. Многие лица были схвачены и брошены в тюрьму. Дьяк Евфимий Филатов оказался под домашним арестом, и к его дому был приставлен караул. Вскоре по наговору Головин засадил под арест на его дворе и второго воеводу Матвея Глебова, не отпуская его ни в съезжую избу для вершения дел, ни в церковь. С величайшей жестокостью воевода вел следствие, выбивая показания свидетелей против своих противников и их действительных и мнимых сообщников. Головин обвинил своих противников в том, что «учили де они якутов... служилых людей побивать, и под острог, собрався, притти и пушки в воду побросать и острог зажечь», а также подстрекали ясачных людей не платить никакого ясака, избивать промышленных людей, уходить в отдаленные места. Нелепость этого обвинения была очевидна.

Весть о событиях на Лене дошла до Москвы только

в августе 1644 года через енисейского воеводу Аничкова, который располагал свидетельствами служилых людей, приезжавших из Якутии. По предписанию московских властей Аничков направил в Якутск сына боярского Ивана Галкина, возглавлявшего первый поход на Лену, для освобождения Глебова и других узников. Головин встретил Галкина враждебно, бранился непотребно, называл его царскую грамоту поддельной, «воровской». В конце концов строптивый воевода вынужден был подчиниться содержащимся в грамоте распоряжениям. Уступить же Головину пришлось потому, что с приездом Галкина копившееся подспудно возмущение людей против произвола воеводы прорвалось наружу. Служилые люди сами освобождали заключенных и проявляли откровенную ненависть к воеводе. Раздавались недвусмысленные угрозы перебить воеводу и всех его приближенных. Еще долго Головин пытался плести интриги, подстрекая своих сторонников к тому, чтобы не допустить освобожденных из заключения Глебова и Филатова к исполнению служебных обязанностей.

В феврале 1644 года в Якутск были назначены новые воеводы — Василий Пушкин и Кирилл Супонев. Казалось бы, карьере Петра Петровича Головина пришел конец. Слишком много беззаконий натворил он. Слишком много людей, среди которых были лица и далеко не рядовые, пострадало от его произвола. Но царская феодальная администрация оказалась неспособной эффективно бороться с такого рода злоупотреблениями. Она отнеслась к бывшему якутскому воеводе сравнительно мягко. После кратковременной опалы Головин вновь привлекается к службе. Возможно, сыграли свою роль связи с влиятельными вельможами и щедрые взятки. Через шесть месяцев после возвращения из Якутска Головин был уже окольничьим, носителем одного из самых высоких придворных чинов.

Затронули как-либо драматические якутские события Семена Дежнева? Непосредственно как будто бы и не

затронули. События эти разворачивались в то время, когда он пребывал в дальних походах и в Якутске не находился. Но Дежневу пришлось немало натерпеться от своего начальника по последующему походу Михайлы Стадухина, пользовавшегося расположением всесильного воеводы и поэтому позволявшего себе многое. Об этом речь пойдет впереди.

В период своего кратковременного пребывания в Якутске между янским и последующим, индигирским походами Дежнев был уже женатым человеком. Об этом имеется упоминание в его челобитной, относящейся к этому времени. Его первой женой стала якутка Абакаяда Сичю. От этого брака у них был сын Любим. Возможно, Сичю была привезена с Яны, а, возможно, происходила из ленских якутов. Никакими данными на этот счет мы не располагаем. Перед уходом мужа в новый поход она была крещена местным священником, приняв православную веру. «Семейки Дежнева жонку крестить», — вывел якутский подьячий своим витиеватым почерком на листе пергамента. Каким православным именем нарекли новокрещеную якутку, мы не знаем.

8. НА ИНДИГИРКЕ

В августе 1641 года Семен Иванович Дежнев получил новое назначение на реку Оймякон, левый приток Индигирки. Не получив на этот раз ни хлебного, ни денежного жалованья, он был вынужден снаряжаться, вновь залезая в долги. «И мы, холопы твои, покупаючи кони дорогою ж ценою и платышко, и обувь, и всякий служебной подъем стал нам, холопом твоим, по сту по пятидесяти рублей», — жаловался Дежнев в своей челобитной. Однако расходы не остановили его. Видимо, сам он, наблюдая воеводский произвол и гнетущую обстановку в городе, не хотел засиживаться в Якутске.

Взял ли Дежнев семью, жену и малого сына Любима с собой на Оймякон или оставил на Лене? Документальные свидетельства на этот вопрос ответа не дают. Но есть основания предполагать, что семья оставалась в Якутске. Семен Дежнев надеялся возвратиться из похода через год. Однако его странствия по морю и по суше затянулись на целых два десятилетия. И ни в одном документе, относящемся к этому периоду, мы не встречаем упоминания о его семье. По-видимому, Дежнев располагал в Якутске небольшим хозяйством — коровами, сенокосными угодьями. В одной из челобитных Дежнева содержится просьба к властям разрешить передать его корову с теляткою якуту Борогонской волости, некому Мамякаю, с которым у Семёна Ивановича были какие-то деловые отношения. Возможно, он выменял у этого якута на корову с теляткою что-то, необходимое для похода.

В новый поход Дежнев выступил в составе отряда из шестнадцати человек во главе с Михайлом Стадухиным, ставшим таким образом его непосредственным начальником. На Индигирку можно было попасть через Яну, дорога на которую уже была освоена первопроходцами. Далее шли на восток, вдоль правого янского притока Толстока (Туостаха) и, перевалив через хребет Тас-Каяптах, попадали в бассейн Индигирки, или Собачьей реки. Весь путь от Якутска до конечной цели занимал восемь-девять недель. Существовал и второй путь на Индигирку, минуя Яну. В этом случае подымались по Алдану, затем по его правому притоку Восточной Хандыге, преодолевали хребет Сунтар и выходили на Оймякон. Второй путь был короче, но им пользовались реже. Каким из них шел отряд Стадухина, сказать затруднительно.

Русские уже побывали на Индигирке до стадухинского отряда. В 1636 году сюда проник, двигаясь сушей из Якутска через Алдан и Яну, казачий отряд Посника Иванова. В среднем течении Индигирки казаки постави-

ли Подвишерское зимовье. Низовья этой реки были открыты два года спустя Иваном Ребровым и его спутниками, отделившимися от отряда Перфильева, который нес службу на Яне. Поставив Нижне-Индигирский или Уядинский острожек, казаки Реброва прожили здесь три года.

Отряду Посника Иванова пришлось столкнуться с нападениями беспокойных юкагиров, которых не сразу удалось объяснить. Выше верхних индигирских порогов — шивер было поставлено Верхнеиндигирское зимовье, получившее впоследствии название Зашиверского, или Зашиверска. Через некоторое время здесь была возведена церковь с шатровой главкой, яркий образчик русской деревянной архитектуры XVII века, напоминающий церковные постройки русского Севера. Давно заброшенная, она постепенно разрушалась и дошла до нашего времени в самом плачевном состоянии. Некоторое время тому назад органами культуры было принято решение зашиверскую церковь разобрать и перенести ее в район Иркутска с целью воссоздания в первоначальном виде в качестве замечательного архитектурного памятника. Он напомнит нам о славных землепроходцах.

Район Оймякона известен как полюс холода. По суровости климатических условий он превосходит даже верховья Яны. Верхняя Индигирка с ее притоками протекает по впадине, прорезающей Оймяконское плоскогорье. В зимнее время здесь накапливается холодная масса воздуха, и температура порой падает до -70° . Суровый климат, студеные пронизывающие ветры, низкая температура делали службу на Оймяконе тяжелой, изнурительной. Местные кочевые племена неохотно заходили сюда. Лишь изредка можно было встретить кочевье алданских якутов или эвенков с Момы и эвенов с верхней Охоты, которые только по случайности могли забрести в это царство стужи и ветров. Поэтому надежды казаков на щедрый ясак, который удалось бы собрать здесь, никак не оправдывались. Более чем

скромными были и личные успехи стадухинцев, понадеявшихся на меновую торговлю с якутами и тунгусами.

Служба Дежнева и его товарищей осложнялась и тяжелым деспотическим характером начальника отряда. О Михайле Стадухине и о его ссорах с Дежневым написано немало. Вряд ли справедливо при его характеристике сгущать темные краски и видеть в нем закоренелого злодея, как это делали, например, создатели в целом интересного фильма «Семен Дежнев», поставленного Свердловской киностудией. В этом фильме образ Стадухина незаслуженно окарикатурен и предстает перед зрителем чуть ли не наемным убийцей.

Справедливости ради следует еще раз сказать, что и Михайло Стадухин был незаурядной личностью в славной плеяде русских землепроходцев XVII века, осваивавших просторы Северо-Восточной Сибири. Он внес свой немалый вклад в русские географические открытия в этом крае. Что же касается далеко не безгрешной личности Стадухина, малосимпатичного его характера, он был сыном своего века. Убедительное, на наш взгляд, объяснение социальных причин его нелегкого нрава и его постоянных ссор с казаками дал М. И. Белов. И причины эти заложены отнюдь не в каких-то из ряда вон выходящих задатках злодея.

Стадухин был уроженцем Пинеги, возможно, земляком Дежнева. Если это так, то они могли встречаться еще в дни своей ранней молодости. На Лену Михайло прибыл целым семейным кланом, с двумя братьями Тарасом и Герасимом, а также сыном Яковом. В отличие от Дежнева и подавляющего большинства якутских казаков Стадухин принадлежал к казачьей верхушке и имел прямые связи с торговыми людьми. Вместе с приказчиком купца Василия Федотова Михаилом Гусельниковым они вели крупные торговые операции на северо-востоке Сибири. Так что нелегкий характер Михайлы Стадухина во многом объяснялся его чувством социаль-

ного превосходства над другими. Отсюда и его непомерная заносчивость, высокомерие.

Связи с богатым купечеством обеспечивали Стадухиным также связи с властями. Михайло пользовался расположением воеводы Петра Головина. Он выезжал встречать его и второго воеводу, Глебова на Ленский волок и там оказал Головину некоторые услуги, а в дальнейшем выступал с наветами против его недругов. Это угодничество Стадухина главный воевода смог оценить. Михайло, как и Василий Поярков, оказался в числе тех немногих людей, которые составляли опору Головина и встречали с его стороны благоволение. «Воевода был неровен в обращении — одним он покровительствовал, других притеснял, — писал М. И. Белов. — Михаил Стадухин, племянник московского купца Василия Гусельникова, пришелся ему по нраву. Влиятельный казак мог ему пригодиться в борьбе с завистниками и врагами». Назначение Стадухина командиром отряда можно объяснить расположением к нему всемогущего воеводы, заинтересованного в поддержке со стороны стадухинской семьи. Поддержка влиятельного воеводы убеждала Михайла в возможности действовать безнаказанно, не считаясь с интересами своих подчиненных. Властолюбивый воевода-деспот, благоволивший ему, подавал ему пример своим поведением.

Можно согласиться с оценкой М. И. Белова — «Стадухин принадлежал к казачьей верхушке, тесно связанной с купечеством, а через него и с царскими властями. На этом основании он свысока смотрел на всех своих товарищей. Не случайно, что непримиримыми противниками Стадухина оказались как раз те казаки, которые служили под его началом на Оймяконе и Колыме».

Семья Стадухиных могла считаться по тем временам состоятельной. В Якутских актах, хранящихся в Отделе древних рукописей Института истории СССР, можно найти запись Ленской таможни за 1643 год. Из этой

записи явствует, что Михайло Стадухин совершил торговую сделку на крупную сумму — 296 рублей 4 алтына. Видимо, эта сделка была далеко не единственной. Дежнев в отличие от Стадухина хотя и занимался меновой торговлей, но никогда не совершал таких крупных сделок и постоянно нуждался в деньгах. Об этом свидетельствуют его слезные челобитные.

Выйдя из Якутска в августе, отряд Стадухина проделал основную часть пути по снегу и достиг Оймякона глубокой осенью, когда реки сковало льдом, а земля была покрыта толстым снежным покровом. На верхней Индигирке в то время обитал эвенкийский род князца Чона. Ясак с князца и его «родников» собрали без затруднений. Между Чоном и русскими установились добрые отношения. Это было результатом того, что казаки, собирая ясак, не прибегали к насилию и дарили эвенкам «государево жалование», подарки: одекуй, медную утварь, ножи и т. п. Все эти предметы пользовались у эвенков большим спросом. Правительственная инструкция требовала не допускать при сборе ясака никакого насилия. Собрав ясак, Стадухин смог послать воеводе в Якутск отписку о том, что ясачная казна с местных якутов и эвенков собрана вся «сполна и с прибылью».

Стадухин стремился раздвинуть границы края, обследованного землепроходцами. К югу от верховьев Индигирки лежала обширная и малонаселенная горная страна, о которой русские не имели никаких точных сведений. И вот начальник отряда принимает решение снарядить несколько казаков во главе с Андреем Горелым на «Ламунские вершины». Это название, очевидно, произошло от названия народа «ламUTOB», или эвенков, родственных эвенкам, обитавших там. Возможно, что в составе этого маленького отряда находился и Дежнев. Перед Горелым ставились разведывательные цели, сбор сведений о новых неизведанных землях и захват аманатов из необъясненных племен.

Горное плато, простиравшееся к югу от Оймякона, пересекал в широтном направлении Верхоянский хребет. С северных отрогов хребта стекали Индигирка и ее левые верхние притоки. А в южных отрогах начинались реки, впадавшие в Охотское, или Ламское, как его тогда называли, море. Здесь Верхоянский хребет смыкался с хребтом Джугджур, протянувшимся вдоль Охотского побережья. «Ламунские вершины» — это, очевидно, обобщенное название всей горной местности между Ламским морем и верховьями Индигирки, которую и должны были обследовать Андрей Горелый и его товарищи.

Край этот населяли «ламунские тунгусы» — эвены (ламуты). Во время этого похода казаки захватили аманата, ламунского князца Чюна. Отряд Горелого вышел в долину реки Охоты, немного не дошел до Охотского побережья, едва не встретившись с отрядом Ивана Москвитина. Их разделял всего лишь двух-трехдневный переход. Но дальнейшему продвижению Андрея Горелого и его спутников к морю помешали враждебные действия эвенков. Все же поход Горелого нельзя считать неудачным. Казаки открыли новые земли, через которые можно выйти к Ламскому (Охотскому) морю.

К апрелю 1642 года маленький отряд возвратился в Оймякон с ценными сведениями, доставленными в Якутск с одним из казаков. Горелый сообщал о реке Охоте, которая «пала в море». Перед русскими вставал вопрос — не является ли Ламское море естественным продолжением Студеного моря или оба моря разделяет суша? Ответить на этот вопрос можно было, только открывая новые и новые земли, совершая все новые и новые плавания на восток, расширяя свои географические познания.

Ламунские неясачные тунгусы, желая освободить своего князца, собрали крупный отряд и двинулись по следам Горелого. Достигнув Оймякона, они напали на стадухинский отряд. Физически выносливые, прекрасно

владевшие своим оружием, эвены доставили русским много бед, особенно же летучими стрелами. Прежде всего они постарались лишить казаков их средств передвижения, перестреляв у них почти всех коней. В отряде не оказалось ни одного человека, кто не получил бы легкого или тяжелого ранения. Дежнев был дважды ранен — в локоть правой руки и в правую ногу. «И мы, холопы твои, с ними бились, из оружия стреляли», — напишет впоследствии Семен Дежнев в своей челобитной о событиях на Оймяконе.

Долго ли сможет продержаться горстка израненных, измотанных многодневным боем казаков, окруженных пятисотенным отрядом воинственных эвенов? Приуныли было, отчаялись стадухинцы. Шептали слова молитвы. И вдруг пришла неожиданная подмога. К Оймякону подошла толпа ясачных тунгусов и якутов, вооруженных луками и пальмами. Это якутский род князца Удая и род эвенкийского князца Чона пришли на выручку русских, попавших в беду. В нападавших эвенов полетели тучи стрел. Дрогнули их ряды.

Казаки смогли убедиться на своем опыте, что путем доброжелательного отношения к соседним племенам они приобрели надежных друзей, которые не оставили их в беде и вовремя пришли на выручку. Дружеская помощь ясачных якутов и эвенков помогла отряду Стадухина отбить нападение эвенов и удержать у себя аманата. Нападающие понесли большие потери, но велики были потери и у русских и их союзников. Среди убитых были князец Удай и многие ясачные. Им эвены мстили, разоряя их становища, разрушая юрты, угоняя оленей.

Поражение, нанесенное воинственным аборигенам, заставило их отойти. Среди казаков наиболее легкими ранениями отделались Денис Ерила и Иван Кислой. Их с трудом посадили в седла и отправили на уцелевших лошадях с ясачной казной в Якутск. В случае нападения каких-либо немирных людей вряд ли два израненных казака могли защититься и защитить ценный груз.

Но приходилось рисковать, так как больше послать было некого. Остальные казаки страдали от ран, а некоторые из них были совсем плохи. К счастью, все обошлось благополучно. Ерила и Кислой добрались с казной до Лены.

Эвенский князец Чюна остался в аманатах. Впоследствии Стадухин доставил его в Якутск. От аманата якутская администрация получила ценные сведения о реке Охоте, впадавшей в море. Сведения эти заинтересовали воеводу, видевшего необходимость освоить путь с Лены к Ламскому морю и создать там русский опорный пункт. В 1646 году туда, как мы видели, был направлен отряд Семена Шелковника (Шелковникова), построивший в устье реки Охоты Охотское зимовье, ставшее впоследствии портовым городом Охотском.

Задиристые эвены убрались восвояси, на юг, к Ламскому морю. Казаки залечивали свои раны, прибегая к целебным травам, пользоваться которыми научили их якуты и эвенки. А больше полагались на могучее свое здорovie да на жаркую курную баню. У Дежнева и его товарищей постепенно заживали раны, затягивались рубцы. А тем временем эвенки с Оймякона ушли на Охоту в поисках новых оленьих пастбищ. Край почти обезлюдел. Дальнейшие возможности сбора ясака свелись здесь почти на нет. Возвращаться ли назад в Якутск почти с пустыми руками или проводить новые земли, заселенные еще не объясаченными племенами? Такой вопрос встал перед стадухинским отрядом. Но куда тронешься без лошадей, побитых «ламуцкими мужиками». Без коней не преодолеешь безлюдные таежные просторы, горные перевалы меж каменистых круч. Оставался единственный путь — водный, вниз по Индигирке, а затем Студеным морем на восток, к устьям неведомых рек.

Семен Иванович и другие казаки принялись расспрашивать якутов, тех, которые еще оставались на Оймяконе, об окрестных землях, о реках, которые находи-

лись к востоку от Индигирки. Вели неторопливые беседы в якутских жилищах, рассевшись вокруг камелька на оленьих шкурах. Обходились без толмача. Многие из служилых людей благодаря постоянному общению с якутскими женами и родичами свободно владели их языком. Якуты встречались с кочевыми юкагирами, приходившими с востока, вели с ними меновую торговлю. От юкагиров они знали, что к востоку от Индигирки реки тянется каменный пояс. А за ним простирается широкая долина, вся в болотах и озерах. Летом на тех озерах много всякой птицы: гусей, лебедей, уток. И текут там в Студеное море реки Алазея, Мома, Анюй. Самая большая и полноводная среди них Мома. И стоибищ по ней много, и всякое зверье водится там в изобилии. А за теми реками есть другие. Но там уже живут не юкагиры, а другой народ.

В челобитной, подписанной Стадухиным, Дежневым и другими казаками стадухинского отряда, в которой речь идет о тяжелых условиях службы на Оймяконе, об уходе якутов и эвенков из этого края, есть упоминание о том, что «сказывал нам, холопом твоим государевым, якут Увай, что де есть река большая Мома, а на той де реке живут многие люди...».

Стадухин принял решение идти на Мому, спустившись вниз по Индигирке до ее устья, а затем идя на восток Северным Ледовитым океаном. Об этом решении казаки сообщали в той же челобитной. «А нынечи мы, холопи твои, впредь не хотя твои, государевы службы не отбить, и слышачи про ту реку и про те многие люди, и с того тунгускаво разорения пошли на ту реку Мому, и теи людей сыскивать...» Мому русские стали называть рекой Ковымой (Колымой).

Принялись за строительство коча. Добротного корабельного леса, ели и лиственницы, было вокруг предостаточно. Многие из поморов были искусными корабельными плотниками. Начальник отряда, отправлявшегося в дальний поход, всегда старался предвидеть возмож-

ность строительства коча и запасался необходимым инструментом. Он также подбирал в свой отряд опытного корабельного мастера, который мог бы организовать строительные работы. Вероятно, такой мастер был и среди стадухинцев. Мастерили коч прочный, способный выдержать плавание по бурному океану, столкновение со льдинами. Парус шили из оленьих шкур, якорь изготовили из тяжелого лиственничного комля.

И вот под дружные возгласы спустили просмоленный, проконопаченный коч на воду. Отряд из четырнадцати человек покинул негостеприимное, студеное зимовье. Небольшое судно спустилось по Оймякону и вышло в Индигирку. В верхнем течении эта река прорезала ряд поросших лесом горных хребтов. Неоднократно приходилось преодолевать пороги и перекаты. Ниже последних порогов река становилась шире и глубже, и, наконец, она входила в широкую заболоченную долину, растекаясь местами на рукава и образуя островки.

В низовьях Индигирки стадухинцам встретилось много казаков и промышленных людей. Среди них оказался отряд Дмитрия Зыряна. Он намеревался пойти с Индигирки морем на дальние реки, в земли неясчных юкагиров. Зырян оказался товарищем Дежнева по походу на Яну. Обрадовались встрече старые сослуживцы, вспомнили верхоянское зимовье.

Дмитрий рассказал о своем недавнем походе. Он ходил со своим отрядом на кочах на Алазею, прихватив с собой «вожа» (проводника) из юкагиров. Алазея впадает в Ледовитый океан несколько восточнее индигирского устья. Там произошла встреча отряда Зыряна с неясчными юкагирами, которые до этих пор никогда не видели русских и никому не платили дани. На Алазее же русские впервые увидели неведомый доселе народ — «чухчей», «чухочких мужиков» (чукчей). Старания Дмитрия Зыряна объяснить местное население, призвать его «под государеву руку» встретили яростное сопротивление. Алазеи (один из юкагирских родов)

окружили казачьи кочи, «учали нас стрелять», как сообщал начальник отряда. Значительная часть казаков пострадала от ранений стрелами. Все же русские отбили нападение, «алазен от нас убегом ушли, избиты и изранены». Во время столкновения был убит алазейский князец Невгоча в числе других нападавших. Казаки захватили в плен одного из алазейских предводителей, «доброго мужика» Мамыка.

Русские поднялись по реке до того места, где тундра сменяется лесом, и там построили острожек. Через некоторое время к стенам острожка подъехал главный алазейский шаман Омоганей и принялся поносить русских — зачем-де они пришли на алазейскую землю. Казаки за «невежливость» схватили шамана и посадили в аманатскую избу. Это вызвало нападение алазеев, вознамерившихся освободить Омоганея. Нападавшие ломились в острожек и выпускали стрелы в русских, стоило только кому-нибудь показаться из-за стен. Но что могли сделать лучники против казаков, вооруженных пищальми? Несколькими залпами осажденные рассеяли нападавших, которые отошли от острожка. Алазеи согласились платить ясак. В первый же год русские напромышляли здесь 4 сорока 20 (то есть 180) соболей, да 20 «соболевых пластин» (то есть спинки соболиных шкур).

По поручению Дмитрия Зыряна казаки Чукичев и Алексеев отправились на Лену морем с пушминой, сибирской на Алазее. Летом 1643 года они благополучно достигли Якутска. Федор Чукичев рассказал воеводам о походе отряда Зыряна на Алазею, построившего перед тем на Индигирке два коча, о кровопролитных схватках с алазейскими юкагирами и о замирении. Далее он передал рассказ местных алазеев о том, что «де с Алазей реки на Ковыму реку аргишем переезжают на оленях в три дня, а до них (до отряда Дмитрия Зыряна. — Л. Д.) де никто русских людей у них не бывало и про них они русских людей не слыхивали... А аманатов за

безлюдство поймать было не уметь. И сказывают они (юкагиры. — Л. Д.) про себя, что-де их бесчисленно людей много, а в то место про людей показывают у себя на головах волосы, столько-де много, что волос на голове, а соболей-де у них много, всякого зверя и рыбы в той реке много».

Рассказ Чукичева вызвал большой интерес в Якутске. Слухи о Ковыме-реке разнеслись и среди нижнеиндигирских казаков. Они подтвердили те сведения, которые стадухинцы получили от якутов Оймякона.

Дмитрий Зырян не решался продолжать поход за Алазею, на Колыму из-за малочисленности своего отряда. Когда же произошла встреча с отрядом Стадухина, прибывшим на коче с верховьев Индигирки, то возникла простая мысль — а не объединить ли силы обоих отрядов и не отправиться ли на поиски Колымы вместе? С идеей объединения согласился и Стадухин. И с его небольшим отрядом казаков, из которых кое-кто еще не вполне оправился от ран, было бы рискованно выступать. По-видимому, не без затруднений и далеко не сразу удалось договориться об объединении обоих отрядов и о выборе предводителя. Каждый из отрядов претендовал на роль первооткрывателя, и оба начальника отрядов высказывали личные амбиции. Отношения между ними складывались недружественно, натянуто. Скорее всего роль примирителя взял на себя Дежнев по праву сотоварища Зыряна по янской службе. В конце концов удалось договориться об объединении. На Колыму вызвались пойти не все. Новый поход возглавил Михайло Стадухин, поскольку большинство оказалось все же из его отряда.

Так продолжалось открытие и освоение обширной территории Северо-Восточной Азии. Нижнеиндигирское зимовье и острожек на Алазее становятся теми опорными пунктами, откуда русские землепроходцы уходили все далее и далее на восток.

Летом 1643 года начинается колымский период жизни и деятельности Дежнева. Отряд достиг морем устья Колымы. Протяженность этой реки 2600 километров. В низовьях Колыма течет по Колымской низменности, покрытой болотистой тундрой и испещренной многими озерами. К правому берегу реки близко подходит Юкагирское нагорье. В среднем и особенно в верхнем течении много стремнин и порогов, местами Колыма суживается до сотни метров, стиснутая каменными кручами хребта Черского.

Казаки были поражены суровой природой и богатствами Колымского края, обилием пушного зверя. На речных озерах и старицах водилась всякая водоплавающая птица. Впоследствии Стадухин восторженно рассказывал воеводе Пушкину о своих наблюдениях: «Колыма де река велика, есть с Лены реку, идет в море также, что и Лена, под тот же ветер, под восток и под север, а той де Колыме реке живут иноземцы колымские мужики, свой род оленные и пешие и сидячие люди, и язык у них свой». На Колыме водятся соболи «добрые», черные, а также лисицы и песцы, много всякой рыбы, «потому что те реки рыбные».

Чтобы закрепиться в земле воинственных юкагиров, предстояло создать опорные пункты, укрепленные острожки. Среди исследователей долго бытовало мнение, что, достигнув морем Колымы, Стадухин с Зыряном и их спутниками поставили недалеко от устья ясачное зимовье, огороженное частоколом и получившее название Нижнеколымского острожка или Нижнеколымска. Оно и считалось самым первым русским поселением на Колыме.

Найденная Б. П. Полевым в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) челобитная М. Стадухина и его товарищей об открытии Колымы в

1643 году позволяет нам внести серьезные уточнения. Из этого важного исторического документа видно, что 15 июля где-то в низовьях реки отряд Стадухина и Зыряна столкнулся с «оленными людьми», предводительствуемыми князьями Пантели и Ралю. Неясно, что это были за люди — чукчи или юкагиры. «Оленные люди» воспрепятствовали русским обосноваться в низовьях Колымы. Стадухинцам пришлось прорываться вверх по реке. «Оленные люди», по-видимому, обладавшие большим численным превосходством, преследовали русских на лодках. Только через три дня стадухинский отряд смог оторваться от погони. Русские поднялись вверх по реке до 25 июля, достигнув селения оседлых юкагиров-омоков, во главе которых стоял князец Алай. Здесь, «на его Олаевых житьях», Стадухин и его товарищи поставили острожек.

Анализ стадухинской челобитной и других документов позволяет установить, что речь идет об основании Среднеколымска, который и следует считать первым русским поселением на Колыме. Там поселились первые колымские «начальные люди», хранилась до отправки в Якутск собранная на Колыме соболиная казна. В ближайшие годы были основаны Верхнеколымское и Нижнеколымское зимовья, и таким образом русский контроль охватывал весь Колымский край.

Выбирая местоположение для русского поселения на Колыме, пока еще единственного, Стадухин и его товарищи руководствовались несколькими весомыми соображениями. По среднему течению реки обитало оседлое население, с которого легче было собирать ясак, тогда как в низовьях Колымы пришлось бы сталкиваться с кочевниками, которые в любой момент могли откочевать в иное место. К району Среднеколымского зимовья сравнительно близко подходила верхняя Алазея, до которой, как сказывали местные юкагиры, можно было добраться за три дня. Предводители казачьего отряда считывали по-прежнему собирать ясак с алазейских

юкагиrow. Для этой цели местоположение Среднеколымского зимовья было наиболее удачным. В ранних колымских ясачных книгах можно найти упоминание о получении ясака с юкагиrow, обитавших на Алазее. На Индигирку первые сведения об успешном походе Стадухина и Зыряна на Колыму были доставлены алазейскими юкагирами, ходившими «по вся годы на Колыму реку к ковымским мужикам, к пешим и оленным в гости».

Наконец, в выборе места для поселения на Колыме, когда на ней еще не было других зимовий, немаловажную роль сыграло и то, что до Среднеколымска могли свободно подниматься морские кочи. Зимовье это находилось примерно на равноудаленном расстоянии от устья до верховьев реки, и это давало возможность посылать экспедиции для сбора ясака по всему Колымскому краю.

Среднеколымские юкагиры-омоки, состоявшие из трех родов: Калянина, Аливина и Алаева, попытались было оказать сопротивление установлению русской власти. Стадухин и Зыряны были вынуждены предпринять поход против «юкагирских мужиков-омоков». Завязался бой. Русские отвечали на юкагирские стрелы залпами из пищалей, сходились врукопашную.

Дежнев отличился в бою, убив «лутшево мужика Алаева брата». Сам Алай считался одним из самых влиятельных юкагирских князцов на Колыме. Русские смогли взять в плен Алаева сына Кениту и другого юкагира — Каляну. Их содержали в качестве аманатов в Среднеколымском зимовье. В бою Дежнев снова был серьезно ранен. «А меня, — писал он, — холопа твоего, в левую руку по завити железницею насквозь прострелили».

Юкагирские князцы признали свое поражение и согласились платить ясак. Между русскими и юкагирами наладились мирные отношения. В Среднеколымском зимовье шла оживленная меновая торговля. Сюда съез-

жались окрестные юкагиры, чтобы выменять шкурки на домашнюю утварь и другие полезные в хозяйстве предметы. Пополнялась мягкой рухлядью ясачная изба. Собирая ясак, казаки посещали ближние и дальние поселения и кочевья юкагирских родов.

Так продолжалось три года. Пообносились казаки, истосковались по хлебу, питаясь рыбой, оленьиной, грибами да ягодами. В 1645 году Стадухин и Зыряны решили с половиной отряда и собранным ясаком плыть морем до ленского устья, а далее Леной до Якутска. На Колыме осталось всего тринадцать человек во главе с Семеном Дежневым и Вторым (Втором) Гавриловым.

Проведая злопамятный князец Алай, тот самый, брата которого убил собственноручно Дежнев, что опустел острожек и осталась в нем лишь малая горстка защитников. Целая орда, человек пятьсот, под предводительством Алая, ринулась на штурм острожка. Не остановили их натиска защитники и «огненным боем». Пал один из нападавших, а десятки устремлялись вперед. Пока успевали русские перезарядить пищали, Алаевы воины карабкались на частокол и врывались вовнутрь острожка, испуская воинственные возгласы. Положение защитников становилось критическим.

С отчаянной отвагой бросились русские в рукопашный бой. Все они были ранены, а Дежнев получил ранение в голову железной стрелой. Но и истекающие кровью продолжали сражаться. Один из казаков, пробивая себе дорогу сквозь толпу нападавших, сошелся с самим князем Алаем и «твоим, великого государя, счастьем, изменника Алайка не съемном бою копьём склоти до смерти», — как сообщал позже Дежнев.

Гибель князца вызвала в рядах нападавших замешательство. Дрогнули их ряды. Не устояли перед отчаянной отвагой защитников и «убояси смерти, отошли прочь от острожку».

Дмитрий Зыряны не доехал до Якутска. На море он встретил кочи с большой партией ленских торговцев и

промышленников во главе с целовальником Петром Новоселовым. Воевода Петр Головин отсылал с Новоселовым на имя Зыряна наказную память о назначении его целовальником (правительственным приказчиком) на «дальние реки». Дмитрий Зырян был вынужден возвратиться на Колыму, тогда как Стадухин с пушниной добрался до Лены.

Возвращение Зыряна на Колыму в роли приказчика-целовальника поставило Семена Дежнева под его начало. Об этой службе Дежнев пишет: «И он приказной Дмитрий Михайлов и целовальник Петр Новоселов тебе, государю, радели с великим радением — посылали нас, холопей твоих, на непослушников, неясачных иноземцов, и голов своих не щадили, и кровь свою проливали... и голод терпели и всякую нужу принимали, и твой, государь, ясак мы, холопи твои, с неясачных людей збираем с великим раденьем».

Дежнев становится во главе отряда численностью более тридцати человек, который по приказу Зыряна и Новоселова выступил в поход против непокорных юкагиров. В результате боя был взят в аманаты некий Аливин, сын Черма. В бою Дежнев вновь был ранен: «а меня, холопа твоего Сеньку, на той имке те юкагиры ранили в левую руку под мышку». Из этого сообщения самого Семена Дежнева видно, что он, не обладая в то время никакими начальственными чинами, занимал положение далеко не рядового казака. Выделяясь среди товарищей боевой доблестью, он получает командование над крупным отрядом. Выносливый, дерзкий и отважный в бою, но не безрассудно-отчаянный, готовый протянуть руку противнику, чтобы избежать ненужного кровопролития, Дежнев завоевал среди казаков заслуженный авторитет.

Тем временем Колыма привлекает торговых и промышленных людей, которые толпами устремлялись сюда. В июле 1647 года якутская таможня выдала проездные грамоты «вниз по Лене и морем на Колыму и Ин-

дигирку для торгу и промыслу» 404 человекам. Среди них были приказчики крупных московских купцов, монастырей, например Антониева Сийского монастыря под Холмогорами, а также близких к царю знатных вельмож, таких, как боярин Романов. Каждый приказчик располагал вооруженным отрядом, состоявшим из покручеников и наемных людей, которые занимались непосредственным промыслом, управляли кочами, охраняли имущество.

Торговые люди отправлялись в поход с большим запасом разнообразных товаров, служивших предметами обмена на пушнину. Это были сукна, холщовое полотно, домашняя утварь, топоры, ножи, сети для рыбной ловли и ловли соболя, одеяла, свечи, овчины, обувь, одекуй, бисер, разного рода украшения. Покупателями этих предметов были не только аборигены, но и русские служилые люди. Пообносившиеся за долгий поход, казаки могли поразжиться у торговцев необходимой одеждой или припасами, расплачиваясь пушниной. Расширение торговли русских с аборигенным населением способствовало заимствованию аборигенами некоторых черт русского быта. В юртах можно было встретить металллическую утварь, посуду, инструменты, свечи русского происхождения.

Поселения русских на Колыме растут, обстраиваются, становятся оживленными центрами торговли. С 1647 года здесь регулярно устраивались ярмарки обычно в конце лета, когда промышленники возвращались с промыслов, а с Лены приходили новые партии торговцев с товарами. На ярмарки съезжались и окрестные юкагиры. Все более оживленным становится морской путь от устья Лены на восток. Мореходов не страшили льды и ветры Северного Ледовитого океана. Только летом 1647 года из Лены прошли к Индигирке и Колыме не менее 15 кочей с торговыми людьми.

Трудной была дорога из Якутска на Колыму. С немалыми опасностями и риском было связано плавание

Северным Ледовитым океаном. Далеко не все кочи добирались до места своего назначения. Бывало, сталкивались с ледяными заторами и возвращались обратно ни с чем. Бывало, и гибли, затертые и раздавленные коварными льдами. И все же торговые люди рисковали и смело отправлялись в опасный путь. Уж очень соблазнительной представлялась выгода от торговли на дальних реках. Пуд хлеба, например, стоивший в Якутске 3 алтына, удавалось продать на Колыме за 5—8 рублей, а в некоторые годы даже за 10 рублей. М. И. Белов приводит характерный пример, основанный на документах и характеризующий прибыли торговых людей. В 1645—1648 годах небольшая группа ленских торговцев вывезла на Колыму товаров на 5997 рублей 12 алтын 2 деньги, а выручила пушнины на 14 401 рубль 9 алтын 2 деньги. Таким образом чистая прибыль выразилась в 8403 рубля 21 алтын 3 деньги. Ради таких барышей люди рисковали и шли в дальнее, полное опасностей плавание.

Итак, Колыма становится местом скопления русских торговцев, которые начинают помышлять о том, а не раздвинуть ли границы освоенных земель, не устремиться ли далее на восток, в поисках новых рек и пушных промыслов. С жадным вниманием выслушивали казаки, торговые и промышленные люди противоречивые и сбивчивые рассказы аборигенов о землях, лежавших к востоку от Колымы.

Мы мало знаем о географических представлениях русских Восточной Сибири накануне великого морского похода вокруг Чукотки. Задумывались ли они над проблемой существования прохода из Ледовитого океана в Тихий, которым можно выйти в Ламское море и амурское устье? Несомненно, что в этих представлениях было много фантастического, неопределенного. Бытовала, например, ошибочная убежденность, что Новая Земля, посещаемая поморами с Мезени, Мангазеи и Енисея, представляет собой гигантский гористый остров. Он будто бы тянется длинной полосой вдоль всего северного

побережья Сибири. Эта точка зрения легко объяснима неосведомленностью русских мореплавателей, обычно не удалявшихся далеко от берега Азиатского материка и не бывавших на островах, расположенных далеко от берега. Если же они видели вдалеке южное побережье того или иного острова, например Большого Ляховского из группы Новосибирских островов или один из Медвежьих островов, то ошибочно считали его частью все той же Новой Земли. Впрочем, «Новой Землей» мореходы могли называть и всякую вновь открытую и неизвестную доселе землю. Поэтому, если такой термин встречается в документе, мы должны в каждом конкретном случае разобраться, о чем может идти речь.

Еще до своего возвращения на Лену Михаил Стадухин организовал поход на реку Чукочь. Река эта протекает по тундровой местности и впадает в Восточно-Сибирское море несколько западнее колымского устья. На Чукочьей обитал один небольшой чукотский род, оказавшийся обособленным и удаленным от основного ареала расселения чукчей. Подробности этого похода не были запечатлены в известных нам документах. Но известно, что Стадухин привез на Колыму с Чукочьей чукотскую женщину по имени Калиба, показавшуюся ему смышленной и располагавшей ценными сведениями. Калиба показала, что к северу от устья Колымы в море находится большой остров. Возможно, чукчи не раз посещали его. Сообщение чукчанки вызвало большой интерес у казаков и промышленников, высказавших на этот счет свои догадки. Они пришли в конце концов к единому мнению, что речь идет о Новой Земле, давно известной поморам, о ее восточной части. Ошибочность этого суждения очевидна. Кстати, среди географов XVII века была распространена версия о соединении Новой Земли с Американским континентом, вряд ли известная Стадухину, Дежневу и их товарищам.

Что же имела в виду чукотская женщина под большим морским островом? Скорее всего остров Айон, рас-

положенный при выходе из Чаунской губы, или Крестовский из группы Медвежьих островов и вряд ли остров Врангеля. Последний находится слишком далеко от Чукотской и отделен от материка широким проливом и поэтому не мог быть известен чукотскому роду, к которому принадлежала Калиба.

Дмитрий Зырян оставался представителем русской власти на Колыме в течение года, до своей смерти или гибели. Его преемником казаки избрали Второго Гаврилова, продолжавшего собирать сведения о новых землях, настойчиво расспрашивать местных жителей. От юкагиров русские получали противоречивые известия о реке Погыче, или Ковыче, находящейся где-то к востоку от Колымы за Юкагирским нагорьем. По одной версии эта река впадает в большую бухту Ледовитого океана, которую можно отождествить с современной Чаунской губой. Погыча появляется на карте Сибири 1687 года, известной в копии С. У. Ремезова под названием реки Чаун, а также на карте Спарвенфельда 1689 года, составленной на основе русских чертежей.

Несколько позже русские слышали от колымских юкагиров о другой реке, называвшейся также Погычей, или Ковычей. Об этих сведениях Второй Гаврилов сообщал якутскому воеводе: «А за хребтом, за Камнем (Анюйским хребтом. — Л. Д.) есть большая река, а лесу-де по ней мало, а люди-де по ней оленные живут многие и по той-де реки соболи есть же». Речь в данном случае не могла идти о реке Чаун, впадающей в Чаунскую губу. Чаун — тундровая река с безлесными берегами — никак не может быть названа соболиной рекой. Гаврилов писал об Анадыри, впадающей в Анадырский залив Берингова моря.

Сведения о землях и реках крайнего северо-востока Азии, полученные от аборигенов, вызвали серьезный интерес у служилых и промышленных людей Колымы. Предпринимаются дальнейшие попытки проникнуть на восток от Колымы морским путем. В 1646 году промыш-

ленник Исай Игнатьев Мезенец и Семен Алексеев Пустозерц отправлены с шестью спутниками на коче в восточном направлении от колымского устья. Примечательно, что во главе этого похода стояли поморы, один из них уроженец Мезени, а другой — Пустозерска с нижней Печоры. Для обитателей этих мест дальние морские походы на Новую Землю и Грумант были делом обычным.

Коч Исаю Мезенца и Семена Пустозерца плыл по морю двое суток и достиг губы, на берегах которых оказались поселения чукчей. Очевидно, речь шла о Чаунской губе. Дальнейшему плаванию помешали заторы льдов. С чукчами мореплаватели завязали меновую торговлю, выменивая на котлы и ножи «рыбий зуб», то есть моржовую кость. Она высоко ценилась. Пуд моржовой кости оценивался в 15—25 рублей и выше. От чукчей мореходы узнали, что к востоку от губы встречаются лежбища моржей, на которых местные жители охотились ради ценной кости. Вот что рассказывали сами мореплаватели об этом плавании: «бежали де они по большому морю, по зальду, подле Каменю двои сутки парусом и доходили до губы, а в губе нашли людей, а называются чухчами, а с ними торговали небольшое место потому, что толмача у них не было, и съезжались к ним с судна на берег не смели, вывезли к ним товару на берег, положили, и они в то место положили кости рыбья зуба немного, а не всякий зуб цел; деланы у них пешни да тоноры и с той кости, и сказывают, что на море до того зверя много, ложится де он на место».

Моржовая кость, точнее моржовый клык, как и пушнина, стала той притягательной силой, которая влекла русских первопроходцев все дальше и дальше на восток. Изделия из кости моржа пользовались большим спросом среди московской знати, посылались в качестве подарков иностранным государям, охотно покупались иноземными купцами. В Оружейной палате Московского Кремля сохранились тронные кресла московских ца-

рей, отделанные резной моржовой костью. Сведения о «рыбьем зубе», приходившие с Колыми, естественно, заинтересовали и якутского воеводу, и Сибирский приказ.

Доходили до казаков слухи и о том, что в тундре находят иногда костные останки каких-то неведомых крупных животных, которые ныне уже не водились. А в слое вечной мерзлоты встречаются изредка и хорошо сохранившиеся их туши, покрытые рыжевато-бурой шерстью. Самое удивительное в них — огромные изогнутые клыки-бивни. Конечно, речь шла о вымерших мамонтах. Бывало, юкагиры привозили в острожек для обмена желтоватую мамонтовую кость, которая также высоко ценилась. В целом, однако, кость мамонта добывалась крайне редко, и добыча эта носила случайный характер.

Спрос на моржовую кость возрастал. И это заставило якутские власти и наиболее состоятельных торговых и промышленных людей задуматься об организации большой восточной экспедиции. Перед ней должны были ставиться широкие задачи, которые далеко не ограничивались поисками новых соболиных промыслов и лежбищ моржей и приведением в подданство Московского государства народов, живущих к востоку от Колымы. Мореплаватели должны были убедиться в доступности для плавания восточного отрезка Северного морского пути, отыскать загадочную реку Погычу — Анадырь и убедиться в том, можно ли из Студеного моря выйти в Ламское (Охотское), к тому времени уже известное русским. Мы не знаем, доходили ли до русских через аборигенов какие-либо смутные слухи о существовании пролива, разделявшего два материка, и «каменного носа», за которым береговая линия резко поворачивала на юг. Скорее всего, что нет. Если бы доходили, то следы о таких примечательных слухах можно было найти в отписках землепроходцев. Стало быть, и конкретная задача — выяснить существование пролива — вряд ли могла быть поставлена якутскими властями перед экспе-

дицией. В географических представлениях русских, касающихся крайнего северо-востока Азии, было еще много «белых пятен». И их предстояло восполнить в ходе дальнейших открытий.

Инициативу в организации большой восточной экспедиции взял на себя Федот Алексеев, с которым суждено было связать судьбу Семену Дежневу.

10. ФЕДОТ АЛЕКСЕЕВ — ОРГАНИЗАТОР ЭКСПЕДИЦИИ

Выявлено мало биографических сведений, подкрепленных документами, об этом человеке; значительно меньше, чем о Семене Дежневе. Причина этого состояла, вероятно, в том, что Семен Иванович находился на государственной службе, и все значительные факты его деятельности фиксировались отписками, челобитными, записями в книгах Якутской приказной избы. Федот Алексеев был частным лицом, промышленником, а не служивым человеком.

Мы уже упоминали выше имя Федота Алексеева, по прозвищу Попова, а также Холмогорца. Быть может, первое прозвище указывает на его происхождение из семьи церковного служителя. Можно не сомневаться в грамотности Федота, иначе он не оказался бы на службе у богатого московского купца Алексея Усова, доверившего ему большие партии товаров и значительные денежные суммы. Усовы имели своих торговых агентов на Урале, в Мангазее, Енисейске, Илимске, Якутске, на Селенге, в Нерчинске и даже Китае. Это говорит о широких масштабах их торговой деятельности. Заинтересовала их и Северо-Восточная Азия. Алексеев был направлен сюда Алексеем Усовым как человек энергичный, деятельный, смелый, знакомый, вероятно, и с мореходным делом.

Из документов известно, что еще в середине 1641 года по царскому указу «отпущены из Енисейского острогу к Ленскому волоку москвитина гостинной сотни Алексея Усова, приказчики его, Федотко Алексеев да Лучко Васильев, а с ним русского товару». Среди товаров, которые везли с собой усовские приказчики, были сукно английское, двести аршин холста, двадцать концов сукон сермяжных, шила, иглы, кафтаны, сапоги, кожа, колокольцы и прочие товары. Все это оценивалось, вместе с хлебным запасом, который везли доверенные люди московского купца, в «две тысячи пятьдесят рублей восемнадцать алтын и две с половиной деньги». Потом временам это была огромная сумма. Таких представителей московских, устюжских и других купцов появилось в Восточной Сибири немало. И действовали они с размахом.

В Якутск Федот Алексеев прибыл летом 1642 года. Столица воеводства уже была наводнена приказчиками других именитых купцов. Федот принял решение уйти в какую-либо отдаленную часть воеводства и выбрал Оленек, выправив для этого в Якутской таможенной избе проезжую грамоту. Собрав покрученников, то есть наемных лиц, не имевших собственных средств для промысла, и в сопровождении племянника Омельки Стефанова он отправился «на низ по Лене реке и в стороннюю реку по Оленеку». С ним же отправилась на Оленек группа промышленных и торговых людей. Несколько лет Федот Алексеев вел там торговлю с эвенками и занимался промыслами пушнины. Лука (Лучко) Васильев Северов отделился от своего компаньона и остался на Лене. Позже он принял пострижение в монахи «в немощи».

Но надежды Федота, как и других промышленников, не оправдались. Дела на оленекских промыслах шли плохо. Эвенки встретили русских недружелюбно. Многие из спутников Алексеева разорились и ушли на другие реки. Кое-кто собирался уйти в Мангазею. Покинул Оленек и Холмогорец, пройдя через Яну, Индигирку и Ала-

зею на Колыму. Но здесь пришлось столкнуться с сильными конкурентами. Лучшие промыслы уже прибрали к своим рукам приказчики купцов Светошников, Гусельникова, Ревякина и др. В этой неблагоприятной обстановке Федот Алексеев узнал о противоречивых слухах о реке Погыче-Анадыри, на которой еще не бывали русские. И он принял решение идти морем далее на восток, вплоть до устья этой загадочной реки.

С ведома и при содействии властей Федот Алексеев принялся за снаряжение и подготовку экспедиции, заготовку леса для сооружения кочей. Холмогорец спешил, так как опасался, что его опередят другие торговые люди, которых также привлекали неведомые края и их пушные богатства. Трудности и опасности плавания, сопряженные с большим риском, не пугали Алексеева. Неудачное пребывание на Оленеке принесло ему убытки. С большими расходами был сопряжен и его переход на Колыму. Федот Алексеев рассчитывал, что в случае удачи экспедиции он сможет поправить свои дела и принести торговому дому Усова немалые прибыли, из которых солидная доля достанется и ему.

Он создавал трудности похода, возможность военных столкновений с чукчами и иными необъясченными племенами. Нужна была вооруженная охрана казаков во главе с опытным служилым человеком. Такая охрана как бы узаконивала официальный характер экспедиции, пользующейся поддержкой и покровительством властей. И Федот Алексеев обращается к колымскому приказчику Второму Гаврилову с просьбой выделить в его распоряжение надежного и наделенного определенными полномочиями казака. Просьба эта была уважена. Вторым Гаврилов назначил в помощь Федоту Семена Ивановича Дежнева.

Назначение это совпало с желанием самого Дежнева, стремившегося принять участие в открытии новых земель. Узнав о том, что Холмогорец снаряжает экспедицию, Семен Иванович сам обратился к властям с просьбой

назначить его в отряд Федота Алексеева, давая при этом обязательство собрать для казны определенное количество пушнины. Назначение Дежнева в новую экспедицию можно расценивать как признание его заслуг, опыта и авторитета, хотя он и оставался рядовым казаком, не имея даже чина десятника.

Вот как описывает события колымский приказный человек Второй Гаврилов: «В нынешнем во 155 (1647) году, июня в ... день пошли на море москвитина гостиной сотни торгового человека Алексея Усова Федотко Алексеев Колмогорец с покручениками двенадцать человек, а иные збирались промышленные люди своеуженники, а сверх их собралось пятьдесят человек, пошли на четырех кочах той кости рыба зуба и соболинных промыслов разведывать. И тот Федотко Алексеев с товарищами к нам в съезжую избу словесно прошали с собой служилого человека. И бил челом государю Якуцково острогу служилой человек Семейка Дежнев ис прибыли, а челобитную подал в съезжей избе, а в челобитной явил государю прибыли на новой реке на Анадыре сорок семь соболей. И мы, его Семейку Дежнева, отпустили для того прибыли с торговым человеком с Федотом Алексеевым и для иных новых рек проведовать и где бы государю можно прибыль учинити. И дали им наказную память...»

Кроме Федота Алексеева и Дежнева, в состав экспедиции входило шестьдесят два человека, в том числе двенадцать покручеников, не имевших собственного снаряжения и поэтому нанявшихся к Холмогорцу, и пятьдесят своеуженников — промышленников, имевших свои капиталы и товары. Последние, по-видимому, выступали в роли пайщиков Федота Алексеева, самого состоятельного среди них, внося свои доли в организацию экспедиции. Из наказной памяти видно, что Холмогорец был назначен целовальником, то есть получал официальный чин и принимал на себя некоторые обязанности перед властями. Это указывает на то, что частная экспедиция

принимает до известной степени правительственный характер.

Кто был фактическим руководителем экспедиции — Алексеев или Дежнев? На этот счет среди исследователей нет единого мнения. М. И. Белов, автор наиболее капитального труда, посвященного Семену Дежневу, весьма категорично считает главой экспедиции его, а не Холмогорца. По его мнению, Федот Алексеев, как самый богатый среди компаньонов-своеуженников, «очевидно, считался главным после Дежнева».

Эта точка зрения не нова и высказывалась многими предшественниками М. И. Белова не только в нынешнем, но и в прошлом веке. Так, например, В. А. Перевалов в своей книге «Русские мореплаватели», изданной Воениздатом в 1953 году, утверждает: «В экспедиции Дежнев как представитель государственной власти, сразу же занял руководящее положение. Свою задачу он видел в том, чтобы найти морской путь в неизведанные реки на востоке Сибири, в частности в реку Анадырь, привести народности, живущие на берегах этих рек, в подданство Московского государства и обложить это население ясаком. Этим самым Дежнев брал на себя ответственность за успех экспедиции. Он по праву должен был быть призван первым лицом в этом морском путешествии».

По существу, признает за Дежневым роль главы руководителя похода и писатель Сергей Марков, автор интересной книжки «Подвиг Семена Дежнева», издававшейся Географизмом в 1948 году. По мнению этого автора, Федот Алексеев ведал в походе лишь торговыми делами.

В. И. Греков, автор книги «Из истории русских географических исследований 1725—1765 гг.» (М., 1960), также считает главой экспедиции Семена Дежнева, а Федота Алексеева называет лишь его спутником. «В 1648 г. С. И. Дежнев проплыл на кочах от устья р. Колымы к устью р. Анадырь, доказав раздельность

Азиатского и Американского материков. Его спутник Федот Алексеев (Попов) был занесен на Камчатку».

Ряд исследователей, например Н. Н. Зубов, называет экспедицию, о которой идет речь, экспедицией С. Дежнева и Ф. Алексеева, ставя на первое место все-таки Семена Ивановича.

Подобные высказывания можно было бы привести в изрядном количестве. Но ограничимся вышеприведенными. На несостоятельность этой точки зрения обратил внимание выдающийся советский географ В. Ю. Визе в своем труде «Северный морской путь», который увидел свет в 1940 году. «Дежнев был прикомандирован к экспедиции по просьбе самого Алексеева, — писал ученый. — Притом для выполнения вполне определенной задачи — сбора ясака. С просьбой взять на себя командование экспедицией Алексеев к Дежневу не обращался. Роль начальника только впоследствии была навязана Дежневу некоторыми историками».

Версия, что Дежнев был начальником похода 1648 года, стала выдвигаться лишь в более позднее время. Историки же XVIII века довольно определенно утверждают, что руководителем похода являлся Алексеев. Так, академик Г. Миллер, разыскавший в архиве Якутской воеводской канцелярии документы о плавании Алексеева — Дежнева, говорит, что Алексеева «можно числить между прочими его товарищами главным».

И среди современных историков и географов есть разделяющие точку зрения В. Ю. Визе. Так, например, А. И. Алексеев, автор многих книг, посвященных русским географическим открытиям на Дальнем Востоке, подчеркивает: «Несомненно, роль Семена Дежнева в этом походе и заслуги его перед географической наукой огромны, но истины ради следовало бы считать, что, говоря современным языком, начальником этой исторической экспедиции был Федот Алексеев... Судьба распорядилась таким образом, что Федот Алексеев, как и другие участники плавания, погиб. Но погиб уже

пройдя пролив, разделявший Азию от Америки. Между тем именем начальника экспедиции, впервые разрешившей загадку Анианского пролива, ничего не названо ни на Чукотке, ни на Камчатке. Пора бы подумать, чтобы исправить эту несправедливость».

Кто же все-таки прав, сторонники первой точки зрения или второй? Кого же мы можем с полным основанием считать начальником экспедиции?

Обратимся к тем немногим документам, которые проливают свет на поставленный вопрос, и прежде всего к отписке Второго Гаврилова, которую мы приводим выше. Колымский приказный очень определенно пишет: «И мы его, Семейку Дежнева, отпустили для того прибыли с торговым человеком с Федотом Алексеевым...» Заметим, ничего не говорится о назначении Семена Ивановича начальником отряда. Выражение «Семейку Дежнева отпустили... с торговым человеком с Федотом Алексеевым» следует истолковать только так — Семена Ивановича командировали в распоряжение Холмогорца. Федот Алексеев выступает здесь как главное лицо.

Обращает на себя внимание соотношение служебных рангов этих двух людей. Федот Алексеев целовальник. Это чиновный ранг, возвышающий его над другими. Как подчеркивает М. И. Белов, по существовавшим тогда правилам, торговец, отправлявшийся в поход, становился целовальником, то есть таможенным чиновником, в ведении которого находился сбор пошлин с заготовленной пушнины и другие денежные операции. А Семен Дежнев лишь рядовой казак, на которого возложены сбор ясака и, вероятно, военная охрана экспедиции, помощь ее начальнику. Экспедиция снаряжается за счет участвующих в ней промышленных людей, причем основную долю вносит Федот. По-видимому, небольшую долю участия в снаряжении экспедиции берет на себя и Семен Дежнев. Он правительственное должностное лицо при руководителе. Как состоящий на воен-

ной службе, он помощник главы экспедиции по военным делам, второе лицо.

В. Ю. Визе приводит убедительные доводы того, что царским властям было выгодно приписывать роль руководителя похода правительственному должностному лицу, а не частному. Отсюда и рождалась легенда о главенствующей роли Дежнева, а не Алексеева. На это еще обращал внимание Ю. М. Шокальский: «В качестве представителя правительственной власти, Дежнев был главным начальником экспедиции». Не находим никаких прямых или косвенных указаний на то, что экспедиция выходила в море под его, а не Алексеева началом, ни в челобитных самого Дежнева, ни в его отписках.

Все эти доводы, которые мы приводили выше, представляют нас присоединиться к убежденному мнению тех исследователей, которые видели в роли организатора и руководителя экспедиции Федота Алексеева.

Судьбе было угодно, чтобы довел до конца героический поход и оповестил потомков о подвиге мореплавателей Семен Дежнев, а не Федот Алексеев. И поэтому славное имя Семена Ивановича по праву вошло в историю, привлекло многих исследователей, оказалось увековеченным на географической карте наряду с именами Хабарова, Атласова, Пояркова и других землепроходцев.

Но не будем забывать и его сподвижника Алексеева, инициатора и организатора похода. Исследователи выражают чувство горечи по поводу того, что имя Холмогорца не то чтобы забыто совсем, но известно более узкому кругу читателей и никак не запечатлено на карте.

Открытие восточной оконечности Азии и пролива, отделяющего Азиатский материк от Американского, — это и его заслуга. После того, как буря отнесла коч Федота Алексеева на юг от анадырского устья, а он сам вскоре погиб, Семен Дежнев принял начальство над остатками экспедиционного отряда. Ему принадлежит сла-

ва первооткрывателя Анадыри. Уже одного этого было бы достаточно, чтобы его имя вошло в историю географических открытий. Дальнейший его путь, полный лишений и героических подвигов, был связан с новыми открытиями. Дежнев оставил документальные свидетельства о славной экспедиции, которые дошли до нас. Он лично информировал правительство в лице руководителей Сибирского приказа о восточной эпопее, участником которой довелось ему быть. В последние годы жизни он совершил две долгие поездки из Восточной Сибири в Москву, а между этими поездками продолжал нести службу в отдаленных частях Якутии.

Летом 1647 года экспедиция в составе четырех кочей вышла из устья Колымы в Студеное море и взяла курс на восток. Ледовая обстановка на море в этом году оказалась исключительно неблагоприятной. Плавание льды затрудняли поход. Их становилось все больше и больше на пути кочей. Наконец мореплаватели встретили сплошную массу непроходимых льдов, переходивших на горизонте в нагромождения торосов. Дальний путь на восток был закрыт. Алексеев и Дежнев приняли решение повернуть обратно, проклиная негостеприимную Арктику.

Неудача не остановила неутомимых первопроходцев. Зазимовали мореплаватели на Колыме, стараясь более тщательно подготовиться к выходу в море будущим летом. Подготовкой экспедиции к новому походу занимался Федот Алексеев. Увеличение числа ее участников заставило Холмогорца вложить в организацию дела новые средства. А Семен Дежнев зимой 1647/48 года промышлял на верхней Колыме «для ради великие своя ножа», то есть из-за того, что испытывал большую нужду. Об этом мы узнаем из двух неизвестных ранее челобитных, обнаруженных Б. П. Полевым в ЦГАДА. В целом эти челобитные касаются малоинтересного частного дела — тяжбы С. И. Дежнева и красноярского казака Михаила Семенова Глазуна из-за заклада. Деж-

нев обратился к колымскому приказчику Второму Гаврилову с жалобой на Глазуна, не возвращавшему заклада. Но из челобитных мы узнаем, что Семен Иванович, не надеясь на участие в повторном походе, собирався возвращаться в Якутск и передать тяжбу на суд воеводы. Лишь в последний момент Дежнев отказался от этого намерения и решил участвовать в новом плавании на восток. Мы видим, что в период подготовки он был еще на промысле.

К экспедиции присоединялись все новые и новые участники — торговые и промышленные люди со своими покручениками. В конце июня 1648 года в плавание выходило уже не четыре, а шесть кочей. Караван судов выходил не из Нижнеколымска, как до недавнего времени было принято считать, а из Среднеколымского зимовья, служившего базой экспедиции и местом ярмарочных торгов. Дата выхода в плавание известна — 20 июня. Обычно морская навигация начинается на месяц позже. Поэтому вышеуказанная дата вряд ли могла относиться к Нижнеколымску. От Среднеколымского зимовья до устья Колымы предстояло пройти около шестисот километров, да при господствующих здесь ветрах. Вероятно, кочи сделали остановку в Нижнеколымском зимовье. Так что в Студеное море мореплаватели выходили не раньше середины июля, как раз в начало морской навигации.

Где-то в районе колымского устья к экспедиции присоединился на своем коче беглый казак Герасим Анкудинов (Анкидинов) с ватагой из тридцати человек. Он принадлежал к числу тех непокорных лихих людей, бунтарский дух которых никак не мог смириться с произволом воевод и их подручных. Это могли быть и обиженные служилые люди, и задавленные долговой кабалой покрученики, и просто отчаянные головы, провинившиеся перед законом. Из таких-то беглых и сколотил ватагу сообщников Анкудинов, начав самостоятельный промысел на удаленных от Лены реках, а порой не брез-

гуя и разбоем. За год до выхода экспедиции Алексея Дежнева в море анкудиновская ватага ограбила служилых и промышленных людей в Нижнеиндигирском зимовье. Потерпевшие подали на имя царя «изветную» челобитную, но она не возымела никакого действия. Всякая попытка властей вести борьбу с такими разбойными ватагами оказывалась малоэффективной. Ватаги терялись в лесах и тундре необъятной Восточной Сибири, словно иголка в стоге сена. Бывало, что беглые после долгих скитаний и приключений возвращались на государеву службу. Испытывая постоянный недостаток в служилых людях, власти готовы были сквозь пальцы посмотреть на их прежние прегрешения — лишь бы служили.

Не следует переоценивать личность Герасима Анкудинова как носителя целенаправленного протеста. Скорее это был по своему духу бунтарь, разбойный атаман, типичный для своего времени. Из документов Якутской приказной избы видно, что анкудиновцы грабили как богатых промышленников и купцов, так и рядовых казаков и вызвали своими действиями поток жалоб в воеводскую канцелярию. Жалобщики неизменно называли Анкудинова «вором».

И вот Герасим Анкудинов, отчаянная голова, совершивший немало прегрешений перед законом, пожелал стать участником экспедиции Федота Алексеева — Семена Дежнева. Этим самым он как бы заявлял от имени своего и своих сообщников о готовности покаяться с прежним разбойным образом жизни и вернуться на государеву службу. Более того, атаман пытался связать свое решение с некоторыми условиями. Он обратился к колымскому приказному Второму Гаврилову назначить его в экспедицию на место Дежнева, снабдив соответствующей наказной памятью. Честолюбивый Герасим Анкудинов, руководствуясь своими корыстными побуждениями, стремился стать представителем власти при Федоте Алексееве, его правой рукой.

Второй Гаврилов отказался удовлетворить эту дерзкую просьбу беглого казака и подтвердил права и полномочия Дежнева, которому имел более оснований доверять. «В нынешнем во 156 (1648) году тот же Семейко Дежнев бил челом государю... на ту новую реку Анадырь ис прибыли государю — явил с той новой реки с иноземцев семь сорок пять соболей. И с того Семейку по той челобитной на новую реку Анадырь с Ковыми реки отпустил и наказ ему, Семейке, вместе с Федотом Алексеевым, торговым человеком, дал».

Анкудинов попытался оказать на Гаврилова давление, он обратился к колымскому приказчику с челобитной, обещая собрать соболей больше, чем обязывался собрать Семен Иванович. Но Второй Гаврилов не изменил своего решения. По-видимому, главную роль сыграло то обстоятельство, что Дежнева поддерживали влиятельные Федот Алексеев и его торговые компаньоны. Тогда Анкудинов делает еще одну попытку добиться своей цели. Один из его подчиненных, Пятко Неронов, подает Гаврилову жалобу на Дежнева, обвиняя его в неблагоприятных действиях и требуя над ним «царского суда», чтобы таким путем помешать отъезду Семена Ивановича. Но обвинения носили голословный, необоснованный характер, и Гаврилов не дал хода жалобе.

Герасим Анкудинов был вынужден примириться с неудачей своих планов, но от участия в экспедиции все же не отказался. Не ясно, отправился ли он вслед за Алексеевым и Дежневым с ведомо и согласия колымского представителя якутских властей, либо присоединился к экспедиции самочинно, на свой страх и риск. Как бы там ни было, теперь к шести кочам Алексеева — Дежнева присоединился седьмой коч, анкудиновский. И это было проявлением дерзкой смелости.

Можно согласиться с той оценкой весьма противоречивой фигуры Анкудинова, которую дает М. И. Белов. «Несмотря на ряд отрицательных сторон в поведении Анкудинова, надо отдать должное этому беспокойному,

разгульному, но вместе с тем смелому человеку, отважному русскому мореходу, невольному противнику Семenu Дежневу. По собственной инициативе он предпринял морской переход вдоль всего северного берега Чукотки. Мореходы XVII века наряду с Семеном Дежневым всегда вспоминали имя Герасима Анкудинова».

Всего в походе участвовало около девяноста человек. Из них тридцать человек составляли команду седьмого коча, которая держалась обособленно. Сам Анкудинов, человек властолюбивый и с авантюристическими замашками, по-видимому, претендовал на особую роль — роль хотя бы второго помощника главы экспедиции.

Далеко не все имена участников великого похода известны нам по скудным документам, дошедшим до современников. Среди них выделялись приказчики московского гостя Василия Гусельникова Афанасий Андреев и Бессон Астафьев. Федот Алексеев принял к себе на службу новых покрученников, и теперь их было не 12, а 29. Их имена известны по таможенным документам. К Холмогорцу также присоединился его племянник Емельян Стефанов.

Приказчики Гусельникова возглавляли фактически свой отдельный отряд в составе экспедиции. Они везли большую партию товаров, оцененную таможеней в большую сумму — 1073 рубля. Среди этих товаров было двести пудов ржаной муки, а также различное промысловое снаряжение, холст, рыболовные сети, инструменты, утварь и пр. Гусельниковы, начав торговые операции в Сибири еще в XVI веке, накопили к середине XVII века большой предпринимательский опыт. По свидетельству М. И. Белова, приказчики этого богатейшего купеческого дома лишь за восемь лет, с 1641 по 1649 год, предъявили ленской таможене товаров на сумму 15 тысяч рублей, что в переводе на деньги конца XIX века составило 225 тысяч рублей золотом. Люди Гусельникова, предприимчивые, оборотистые, одержимые стрем-

лением к наживе, проникали в самые отдаленные уголки Восточной Сибири, отважно пускались в рискованные плавания.

Группа Андреева и Астафьева стала серьезным пополнением экспедиции Алексеева — Дежнева, усилила ее материально. К участникам похода присоединялись опытные мореходы.

Дежнев в составе экспедиции непосредственно возглавил один из отрядов, составивший экипаж отдельного коча. Он состоял из 18 промышленных и служилых людей. В снаряжении этого отряда Семен Иванович принимал личное участие. Впоследствии он писал, что поднимался на новые реки (в данном случае на Анадырь) «на свои деньги» и «от морского разбоя (то есть гибели судов во время бури) обнищал и одолжал великими неуклюжими долги». Некоторой суммой денег он к тому времени обладал, так как выходу экспедиции в море предшествовали его удачные промысловые поездки по Колыме. В результате Дежнев смог продать большую партию соборей (около сотни) частично правительству, а частично приказчику купца Светешникова. Часть вырученных денег он ссужал под заемные кабалы. Об этом говорят документы о долговой тяжбе займодавца с его должниками, среди которых оказался и Герасим Анкудинов. Вероятно, тех средств, которыми располагал Дежнев, не хватило на покрытие всех расходов, связанных с паевым участием в экспедиции. И снова он вынужден был залезать в долги, прибегая к услугам купцов-займодавцев.

Федот Алексеев отправился в плавание вместе с женой — якуткой, имя которой осталось нам неизвестно. Это была первая в России женщина, участница полярного похода. На этот примечательный факт обращает внимание С. Ю. Визе в своей книге «Северный морской путь», что обычно как на первую женщину, принимавшую участие в полярной экспедиции, в литературе указывают на Марию Прончищеву, зимовавшую вместе с

мужем в устье Оленека. Однако, как мы видим, почти за сто лет до этого женщина уже принимала участие в полярной экспедиции, причем в одной из наиболее замечательных в истории исследования Арктики. Это была спутница Федота Алексеева, имя которой до нас не дошло.

11. НЕ ТОЛЬКО МОРЕХОДЫ, НО И КОРАБЕЛЫ

Плывут по Студеному морю быстроходные поморские кочи, с надутыми парусами, подгоняемые холодным ветром. Плывут к Новой Земле, Груманту, вдоль северного побережья Сибири, к новым, неизведанным землям. Выдерживают столкновения с льдинами, бури и штормы. Каким же запасом прочности должен был обладать старинный русский коч, чтобы могли мореходы смело пуститься в дальнее полярное плавание. Каким же искусством должны были обладать корабли, чтобы построить судно крепкое, выносливое, надежное!

Наш рассказ о великом полярном плавлении Алексеева — Дежнева был бы неполным, если бы мы не попытались рассказать о средствах передвижения отважных мореходов. Что представляли из себя кочи, на которых отправились в опасный путь первопроходцы? Что нам известно о снаряжении кораблей такого типа? Пользовались ли в середине XVII века русские мореходы навигационными приборами?

Среди исследователей, особенно зарубежных, долго бытовало ошибочное мнение, что русские кочи, применявшиеся для полярных плаваний, были утлыми плоскодонными и ненадежными суденышками, которые плохо выдерживали удары бурных волн и столкновения с льдинами. А поэтому причины нередких кораблекрушений объяснялись не столько суровыми погодными условия-

ми, неблагоприятной ледовой обстановкой, сколько слабостью и ненадежностью судов, на которых плавали русские мореходы. Эту ошибочную версию поддерживал, в частности, знаменитый полярный путешественник и исследователь, швед, уроженец Финляндии А. Э. Норденшельд, прошедший в 1878—1879 годах на паровом корабле «Вега» весь Северный морской путь, включая и Берингов пролив. По словам этого мореплавателя, Дежнев и его спутники совершали плавание на слабых кочах, законопаченных мхом и сшитых ивовой лозой; при малейшей зыби эти суда якобы давали крен и течь, а при значительной качке гибель их была неизбежна, если мореходы не успевали вовремя укрыться в спасительной бухте. Подобная точка зрения начисто опровергается более поздними исследователями.

Сохранились ли достоверные изображения кочей XVII века? Голландский географ и картограф Николай Витсен в своем сочинении «Север и Восток Татарии» («Noord en Oost Tartarye»), выпущенном в 1705 году, поместил изображение русского корабля. Но, по всей видимости, это речной дощаник, а не коч. Изображения кочей встречаются и в некоторых русских рукописных сочинениях и документах того времени. Но они слишком схематичны и условны и поэтому не дают полного представления об облике и конструкции корабля.

Вещественных следов, позволяющих воссоздать внешний вид коча XVII века, сохранилось очень мало. Их судовые детали, выполненные исключительно из соснового дерева, были найдены при раскопках Мангазеи. Часть их была доставлена в Музей Арктики и Антарктики в Ленинграде. На месте прежней Мангазеи было обнаружено единственное пока что воспроизведенное с натуры графическое изображение полярных судов того времени. Оно выполнено неизвестным мангазейцем на двух сосновых досках. Возможно, им пользовались корабельные мастера.

На основании этого изображения М. И. Белов осу-

ществил примерную реконструкцию коча, по которой выполнена модель в 1:60 натуральной величины. С моделью судна можно ознакомиться в экспозиции Музея Арктики и Антарктики.

Сравнивая коч с неповоротливыми голландскими и английскими судами того времени, на которых западно-европейские мореплаватели безуспешно пытались проникать в северные моря, очевидны бесспорные преимущества русского типа судна. Кочи делались прочно, продуманно. Они отличаются малой посадкой, и это давало возможность плавать на небольших глубинах вблизи берегов.

К середине XVII века русские мореходы накопили немалый опыт судовождения по Северному Ледовитому океану, в сложных климатических и ледовых условиях. Случалось, конечно, гибли кочи, раздавленные льдами, попадавшие в жестокие штормы, разбитые о прибрежные скалы. Попадали они в суровые переделки, сталкивались с бурями и туманами, ледяными заторами, но переносили их, с честью выходили из опасностей. Тому много примеров дают нам записи на пожелтевшей от времени шершавой бумаге.

В начале сентября 1651 года коч служилого человека Василия Бугра понесло ветром в открытое море «и носило в море четверы сутки в великих льдах». Но выдержало судно все испытания. Ветер стих, наступила тихая погода, и мореплаватели смогли повести свой коч к берегу.

В 1650 году коч якутского казака Михаила Булдакова с его отрядом оказался затертым льдами в Омлоевой губе. Казаки принялись отталкивать льдины баграми, просекали в толще льда проходы и сумели выбраться из западни. Три года спустя тот же Булдаков плыл с Колымы на Лену. «Морем идучи, — рассказывал он, — ветры были страшные и прижимные большие, море чисто наледено, зыбь большая, не можно никак отстоятца, коч весь разбило и шеймы прирвало и

якоря приломало — 4 якорь». Мореходы прошли тяжелый путь, пять раз их судно выбрасывало на мель. Пришлось столкнуться с голодом и всякими лишениями.

В страшную бурю около святого Носа попал летом 1651 года служилый человек Юрий Селиверстов, плывший с караваном кочей, на которых торговые люди везли товары. Он вспоминал потом, что купец Афанасий Григорьев «выметал половину запаса и товару много выметал». Другие купцы также побросали за борт часть груза, чтобы облегчить перегруженные суда. Однако не все кочи удалось спасти. Отстал от каравана коч торгового человека Шаньги. Дальнейшая его судьба осталась неизвестной.

Этот перечень трагических примеров можно было бы продолжить. Они были довольно частыми в условиях Арктики. Тяжелые условия плавания, постоянные опасности, подстерегавшие мореплавателей, заставляли их с предельной тщательностью относиться к снаряжению кочей. Они старались обзавестись запасными якорями, канатами, парусами. А коч, естественно, должен был бы обладать большим запасом прочности. Это требовало от корабельных мастеров высокого искусства.

К середине XVII века на Лене сложилось несколько центров судостроения. Такими центрами становятся Якутск, Усть-Кут на верхней Лене, Жиганы в ее низовьях. Возникает свое судостроение и на Колыме. Наряду с государственными верфями существовали и частные, принадлежавшие богатым торговым людям. Они привлекали умелых корабельных плотников и, движимые взаимной конкуренцией, старались сооружать суда самого высокого качества. Государственное судостроение страдало от казнокрадства чиновных людей. На верфи, принадлежавшие государству, сгоняли людей в порядке трудовой повинности, заставляли работать из-под палки. На частных верфях труд кораблестроителей оплачивался лучше, и их производительность труда была выше,

а также использовался более качественный строительный материал.

В случае необходимости служилые и промышленные люди принимались за строительство судов самостоятельно. Такая необходимость нередко возникала на дальних реках. Среди поморов, выходцев с русского Севера было немало людей, знакомых с основами судостроения. Но все-таки это можно рассматривать как исключение из общих правил. Постройка морских кораблей требовала определенной специализации и не считалась таким простым делом, доступным каждому.

Если отряд казаков отправлялся морским путем в дальний поход, якутские власти направляли вместе с ним корабельного мастера с необходимым инструментом, запасом скоб, гвоздей, пеньки и даже дерева. Если коч снаряжался торговым человеком, то и он старался подобрать такого мастера. Это была обязательная мера предосторожности на тот случай, если бы пришлось отремонтировать судно или даже построить заново. Мастер брал на себя роль организатора ремонта или строительства.

Коч оценивался обычно в сумму до 60 рублей. На Колыме он стоил до 200 и даже до 300 рублей (около 4000 рублей в переводе на курс конца XIX века). Только самые богатые купцы и промышленники были в состоянии приобрести такое судно. Чаше они приобретали коч в складчину. Учитывая спрос местных судостроителей, купцы завозили на Лену парусину, канаты и другие материалы. С развитием в южных районах Якутии хлебопашества власти налагают на крестьян натуральную судовую повинность. Крестьяне были обязаны поставлять в казну пеньку, смолу, холст и другие материалы, необходимые для изготовления судов.

Появление судостроения на Лене способствовало в некоторой степени и развитию металлургии. К концу 60-х годов в Якутске, за городской чертой находилось шесть кузниц, в которых выковывались скобы, гвозди,

стержни, уключины для лодок и т. п. На первых порах в качестве сырья использовались привозные слитки железа, а потом — местная болотная руда. Якоря сперва доставлялись из Тобольска, а впоследствии также выковывались на месте.

Название «коч» можно считать собирательным термином для обозначения судов разнообразного типа. Следуя классификации знатока истории русского полярного судоходства М. И. Белова, их можно свести к двум основным типам. Первый — это сравнительно небольшие плоскодонные парусно-весельные суда, на которых плавали из Поморья в Мангазею. Их сравнительно легко можно было перетаскивать через волоки Ямала; они отличались быстродходностью, малой осадкой, могли использоваться для плавания в мелководных прибрежных водах. Это составляло неоспоримое достоинство такого судна.

Кочи второго типа, более внушительные по размерам, использовались для плавания к Новой Земле и Шпицбергену, а также для морских походов в Восточной Сибири. Они имели продолговатую форму и обычно достигали 18,5 метра длины и 5 метров с небольшим ширины. Бывали, очевидно, и некоторые отклонения от этих обычных размеров. Об этом типе морского судна и должна идти речь.

Характерна конструкция такого судна, его выпуклая округлая форма. «Древнерусские кораблестроители выполняли такую конструкцию полярного корабля, благодаря которой коч при большом напоре льдов выжидался на поверхность, — замечает наблюдательный М. И. Белов. — Это обеспечивало наибольшую безопасность плавания во льдах». Такому кораблю угроза быть раздавленным льдами представлялась минимальной. Бывало, продолжительное время кочи дрейфовали вместе со льдами, но гибли они от сжатия льдов сравнительно редко. Чаще причинами кораблекрушения были морские бури.

Кстати, великий полярный путешественник и исследователь Ф. Нансен отправился в 1893 году в Арктику на судне «Фрам», схожим своей конструкцией с русскими кочами XVII века. На долгое время «Фрам» попал в ледовый плен, перемещался вместе с дрейфующими льдами, но успешно выдержал все испытания. Норвежские судостроители с успехом использовали опыт русских корабелов прошлого.

Вдоль наружной стороны днища судна шел киль-колода. Как правило, коч располагал одной мачтой. За неимением корабельной парусины (грубого холста) паруса часто делались из оленьих шкур. Под палубой находились одна-две каюты и вместительный трюм. Каюты занимал хозяин корабля, он же обычно и глава экспедиции, а остальная команда размещалась в общем трюме, который также заполнялся припасами и товарами. Грузовая часть трюма могла отделяться от жилого помещения перегородкой.

На корме коча крепилось рулевое управление. По бортам палубы, ближе к корме ставились на крепление весельные лодки-карбасы, обычно две. Они использовались для связи с берегом, промысла на морского зверя. На палубе же можно было увидеть специальное приспособление для стаскивания судна с мели, так называемую кочку, род ворота. Поскольку мореплаватели отправлялись в путь, не располагая сведениями о фарватерах и стараясь держаться прибрежной полосы, изобиловавшей мелями, приспособление это было далеко не лишним. Злополучные мели подстерегали кочи часто. Стаскивание корабля с мели происходило следующим образом. Мореплаватели заводили на карбасе якорь с якорным канатом с шеймой, опускали его на дно, а другой конец шеймы крепили на кочке. С помощью ворота команда выбирала шейму, и это заставляло корабль подтягиваться к якорю и сходить с мели.

На палубе корабля также устанавливались водоотливные устройства, представлявшие собой гидравличе-

ские насосы, приводимые в движение ветряками. Уже это говорит о том, что тогдашние судостроители применяли довольно сложные для своего времени технические средства.

Для постройки судна употреблялись сосна или лиственница. Для крепления отдельных деревянных частей использовались железные и деревянные гвозди, металлические скобы. Мачты крепились с помощью «ног», соответствующих современным вантам. «Ноги» размещались попарно — две шли от верхушки мачты к кормовой части, две — к носовой, четыре крепились к бортам и две — к палубе. Благодаря этим креплениям мачта обладала устойчивостью.

Осадка крупного коча не превышала двух метров, а высота надводного борта составляла около полутора метров. Его грузоподъемность достигала 35—40 тонн. Команда коча насчитывала от 6 до 12 человек. Во главе ее стоял кормщик или вож. Он распределял обязанности между членами судовой команды, был ее наставником, отвечал за сохранность судна. При полной загрузке коч обычно вмещал 20—30 человек, а в исключительных случаях до 50 человек.

По мере необходимости коч мог использоваться и как боевой корабль. В этом случае на нем устанавливалась пушка.

Оснащение и управление коча отличалось продуманностью и достаточно высоким для своего времени уровнем. О высокой культуре русского мореходства XVII века свидетельствовало и широкое использование мореходами навигационных приборов. В этом можно убедиться, познакомившись с коллекцией таких приборов в экспозиции ленинградского Музея Арктики и Антарктики, найденных на берегу залива Симса и на острове Фаддея у северного берега Таймыра. Здесь были обнаружены следы какой-то неизвестной экспедиции XVII века, плившей, по-видимому, из Мангазеи или енисейского устья на восток.

На каждом коче имелось по крайней мере несколько компасов. Ручной компас заключался в костяную оправу и поэтому назывался «маткой в кости». Главную его часть составлял медный круг со шпеньком для магнитной стрелки в его центре. На поверхность круга накладывалась бумажная картушка с латинскими цифрами, обозначающими страны света. Диаметр такого компаса составлял 4 сантиметра, а высота 1,9 сантиметра. Небольшие, портативные размеры такого прибора могли говорить о большой его распространенности.

В «росписи» приказчиков купца Гусельникова, участников похода 1648 года, есть упоминание о том, что, отправляясь в плавание, они взяли с собой «13 маток в кости», то есть ручных компасов в костяной оправе. «Наличие компасов позволяет нам утверждать, что Дежнев и дежневцы вели свои корабли, руководствуясь совершенными для своего времени навигационными приборами, — пишет М. И. Белов. — Компасы значительно способствовали успеху похода по «Великому морю-окияну» в неизвестные воды...»

Кроме ручного, применялись и корабельные, так называемые «вставные» компасы, устанавливавшиеся на коче с помощью специального крепления. Оно напоминало современный карданный подвес. С помощью компаса экипаж корабля мог ориентироваться в плавании по странам света и идти по заданному направлению. Голландский географ и картограф Н. Витсен упоминает о том, что ленские казаки при плавании на Колыму всегда употребляли компас, как и глубинный лот.

Мореходы пользовались также солнечными часами. Часы могли представлять самостоятельный небольшой прибор в деревянном футляре, а также составлять вместе с компасом единое целое. В этом случае на внешней поверхности медного круга с циферблатом был укреплен вращающийся по оси равнобедренный треугольник. Он отбрасывал тень на циферблат. Таким образом при соответствующей ориентировке по компасу

можно было определить время по длине тени, отбрасываемой по треугольнику. Так применялся давно известный людям принцип определения времени.

Можно найти объяснение того, что при изготовлении компасов использовались латинские буквы, а на часовом циферблате наносились арабские цифры. Впервые в России компасами стали пользоваться мореходы-поморы, имевшие широкие контакты со Скандинавскими и другими западноевропейскими странами и сами ходившие в заморские страны. Поэтому поморам был знаком латинский алфавит, как и арабские цифры. Поморские мастера изготавливали навигационные приборы, и их изделия попадали в далекую Сибирь.

Русские мореходы XVII века знали также применение лота, простейшего прибора для измерения глубины. Он представлял собой остроконечную металлическую гирилку, крепившуюся на конце длинного шнура, намазывавшегося на валик.

Успешное плавание кочей по северным морям во многом зависело от ледовых условий. Многолетние исследования советских ученых-полярников помогли установить, что эти условия подвергались значительным колебаниям. В отдельные годы и даже целые длительные периоды ледовая обстановка оказывалась более благоприятной для плавания, а в другие годы или периоды моря становились практически непроходимыми для кочей. Иногда эти колебания происходили лишь в пределах отдельных участков прибрежной Арктики, а иногда и на всем его протяжении.

Так, летний период 1648 года оказался относительно благоприятным для плавания, чем и воспользовались Алексеев и Дежнев. Попытки мореходов повторить их плавание в другие годы заканчивались неудачей из-за сложных ледовых условий. Ухудшение этих условий обобщалось бедствием для мореплавателей, выходивших в море. Немало поморских кочей, устремлявшихся на промыслы к Новой Земле и Шпицбергену, гибло в запад-

ной Арктике. Нередко терпели крушения и кочи восточносибирских мореходов. Поэтому перед выходом в плавание русские мореходы старались разузнать ледовые условия, приспособить свои суда к плаваниям среди льдов, накапливать навыки полярного судовождения.

12. ВЕЛИКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД

Остались позади строения Нижнеколымского зимовья и небольшая толпа на берегу, провожавшая корабли. Минували гористый кряж, протянувшийся по правому берегу Колымы, и пустынные острова дельты, покрытые чахлой тундровой растительностью и оглашавшиеся криками полярных птиц.

Из устья в море выходили вереницей. Впереди шел коч Алексеева, за ним коч Дежнева, потом остальные. Справа по борту вынырнула из воды круглоголовая нерпа, одна, другая, с любопытством разглядывая проходившие мимо корабли. Море было спокойно и, казалось, не предвещало никаких бед. Лишь с севера, из центральной Арктики, куда ушли льды, доносилось холодное дыхание вечной зимы.

Семь кочей покинули колымское устье и взяли курс на восток. Впереди были встречи с неизведанными землями, неизвестными доселе или известными только понаслышке племенами и народами. Мореходы старались не удаляться от берега, ориентируясь по головному кочу, который вел опытный кормщик. Справа угрюмо чернела низменная береговая полоса, за которой далеко на горизонте маячили горы, окутанные туманом. Прошли низменный остров Айон, за которым широкий пролив вел в глубоко вдававшуюся в глубь материка Чаунскую бухту. За проливом мыс Шелагский острием выступал в море, а за ним опять шла слабоизрезанная, плавная береговая линия.

Изредка на берегу можно было увидеть дымок стойбища, юрты. Здесь располагались чукотские и эскимосские поселения. Русские мореходы еще не различали эти два народа и объединяли их общим понятием «чукчи», «чухоцкие люди».

С какими же народами предстояло вступить в контакт русским? Какова была этническая карта северо-восточного выступа Азиатского материка, оканчивающегося Чукотским полуостровом? Карта эта была достаточно пестрой. Границы расселения племен и народов не совпадали с теми границами, которые сложились во второй половине XIX века. Западной границей расселения чукчей (чук, чукчей) служила река Чаун, впадавшая в Северный Ледовитый океан. По Чауну и ее притокам также кочевали оленеводы-чуванцы, одно из юкагирских племен. Они расселялись и по верховьям Анадыри и ее левым притокам. Чукчи появлялись на Анадыри только в ее низовьях.

Обширные тундровые пространства к востоку от Чауна и Анадыри до самого Берингова пролива заселялись чукчами, которые вели частично оседлый, частично кочевой образ жизни. Оседлые селения, жители которых занимались морским промыслом, были разбросаны по побережью Ледовитого океана и Берингова моря. По рекам Большой и Малой Чукочьей, к западу от устья Колымы обитала небольшая изолированная группа чукчей, откочевавшая от основной массы их расселения на запад. Именно с этой группой русские впервые столкнулись на Алазее в 1642 году. На побережье Берингова моря от мыса Дежнева до залива Креста чукотские селения чередовались с эскимосскими. Чукчи глубинной части материка занимались, как и их соседи юкагиры, оленеводством и вели кочевой образ жизни.

Ни сами чукчи, ни их ближайшие соседи не имели племенных союзов и племенных вождей. Их общественные отношения находились еще на низкой ступени развития, значительно более низкой, чем у якутов, и не

выходили за рамки родовой организации. Язык чукчей, как и язык их южных соседей коряков, принадлежал к группе палеоазиатских языков и распадался на ряд диалектов.

Эскимосы Чукотки составляли западную ветвь народа, рассеянного также по огромной территории крайнего севера Американского материка и прибрежной полосе острова Гренландии. По своему быту и образу жизни они напоминали прибрежных оседлых чукчей. Язык эскимосов относят к эскимосо-алеутской семье языков. В XVII веке шел интенсивный процесс ассимиляции эскимосов с чукчами. Между ними часто заключались смешанные браки. Значительная часть эскимосов Чукотки утрачивала свой язык и сливалась с чукотской массой населения. Поэтому часто было трудно определить — чукотское это или эскимосское прибрежное селение.

Известный этнограф Б. О. Долгих определяет общую численность чукчей и азиатских эскимосов в XVII веке в восемь тысяч. Южными соседями чукчей были коряки, народ более многочисленный. Его численность на конец XVII века Долгих определяет цифрой около одиннадцати тысяч. Заметим, что численность русских на Колыме в годы наибольшего наплыва промышленников оценивалась в четырехста человек. Значительная их часть представляла подвижный элемент, и лишь меньшинство составляло постоянные гарнизоны зимовий, которые периодически сменялись.

Коряки обитали по побережью Берингова моря, к югу от расселения чукчей и эскимосов, а также по рекам Гижиге и Пенжине, впадавшим в Охотское море, и в северной части полуострова Камчатки. Они, как и чукчи, делились на прибрежных оседлых жителей, занимавшихся морским промыслом, и кочевников-оленьеводов, обитавших на удалении от морского побережья.

Религией всех народов северо-восточной оконечности Азии был шаманизм, одна из ранних форм религии, свя-

занных с поклонением силам природы, вере в злых и добрых духов. Шаман рассматривался как влиятельная и уважаемая фигура в обществе. Часто он одновременно являлся и главой рода. Люди верили в шамана, как человека, наделенного сверхъестественной силой, способностью вступать в прямые контакты со злыми и добрыми духами, воздействовать на них, нейтрализовать злых, заручиться поддержкой добрых. Одновременно шаман играл роль знахаря-врачевателя, прорицателя. Он носил экзотический костюм, отличавший его от других, увешанный лентами и погремушками. Непременным его атрибутом служил шаманский бубен с колотушкой. Приплясывая под звуки бубна, шаман совершал ритуальное действо — камлание, доводя себя до состояния экстаза. Люди верили, что таким путем он вступает в общение с духами, убажывает их, даже борется с ними.

Первыми среди народов восточной оконечности Юго-Восточной Азии, с которыми русские установили мирные сношения, были юкагирские племена. Они жили в основном по рекам на путях следования русских. С ними велась оживленная торговля. Нередко русские служилые и промышленные люди брали в жены юкагинок. Юкагиры служили проводниками-«вожами» русских служилых и промышленных людей. Так, аюйские юкагиры привели Михаила Стадухина с Анадыря на Пенжину, а позже сопровождали Владимира Атласова в его походе на Камчатку.

Объясаченные юкагиры стали подвергаться военным набегам со стороны воинственных чукчей, да и необъясаченных соплеменников. Нападали на них и южные соседи — коряки. Побудительными мотивами этих нападений на более слабые и малочисленные юкагирские племена было стремление поживиться легкой добычей, хотя в них можно усматривать и стремление как-то противодействовать русскому продвижению, избежать ясного обложения.

К сожалению, в отписках С. И. Дежнева, связанных с восточным плаванием, мы находим лишь крайне скудные, отрывочные сведения о тогдашних обитателях Чукотки. В них также очень мало географических сведений. Так что о впечатлениях мореплавателей можно судить по запискам и воспоминаниям, оставленным другими, более поздними путешественниками. В этом отношении представляет большую ценность книга Г. А. Сарычева «Путешествия по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану», переиздававшаяся в 1952 году. Хотя она написана на основе путевых впечатлений самого конца XVIII века, образ жизни аборигенов Северо-Восточной Азии и тем более географическая характеристика края не претерпели к тому времени изменений с середины XVII века. И это дает нам основание обратиться к труду Гавриила Сарычева.

Вот описание Чукотки, оставленное этим автором. «Сей материк составляют каменные горы, простирающиеся грядами, которые разделены отчасти долинами, расширяющимися к северу. Через оные протекает множество мелководных рек и речек, имеющих каменное дно. Долины по большей части болотисты и наполнены множеством малых озер. Горы, средней величины, покрыты белым мхом, но вершины высоких и крутых гор представляют голый камень, и местами лежит на них вечно не тающий снег, а особливо по северным скатам гор и в долинах, закрытых тению от солнечных лучей. Лесу нигде не растет, кроме ивовых кустарников и то местами по берегам речек... Из животных водятся олени, горные бараны, медведи, волки, лисицы и песцы; при морских же берегах показываются иногда и белые медведи. Земноводные животные ловятся при берегах северо-восточной, восточной и отчасти южной стороны, как-то сивучи, моржи и тюлени. Моря, окружающие чукотскую землю, изобилуют рыбою разных родов и большею частию таковою же, которая ловится при берегах Охотского моря. Птицы прилетают из теплых стран

весною и осенью опять улетают; зимою же видны только вороны, куропатки и снежинки».

Интересны заметки Сарычева об «оленных» чукчах — кочевниках. Они «рассеяны по всему пространству сей земли; имеют большие стада оленей и ведут кочевую жизнь, переходя с места на место... Чукча, управляя оленями, сидит на санках впереди так, что протянутые у него ноги по обе стороны санок упираются пятками в полозья близ самых санных головашек. Чукчанка же садится с правой стороны и, упираясь правой ногой в полоз, левую имеет протянутую вперед на санках. Вожжи держат обеими руками и вместе с ними в левой руке длинную палку, на конце которой приделана кость, загнутая с одной стороны крючком, а с другой — закрученным молотком. Первым концом выправляют погони, когда олень заступит их или запутается ногою, а другим — погоняют оленей. В летние большие дни можно на оленях без клади проехать до 150 верст... Когда везут кладь, то по большей частью запрягают в санки по одному только оленю, и управляющий чукча идет впереди пешком и ведет оленя за повод. К задку санок привязывают поводом другого оленя, запряженного в другие санки, а за ним третьего и так далее...»

А вот описание жилища береговых, оседлых чукчей. «Они походят на алеутские юрты, углублены до половины в землю; свод над ними сделан из китовых ребер и жердей, покрыт травой, дерном и засыпан землею. Вход в землянку сверху сквозь малое отверстие; внутри ее довольно пространно; вид имеет продолговатого четвероугольника; по сторонам сделаны небольшие возвышения, на которых под пологам живут семьями чукчи. Посередине юрты ставят очаг из четырех больших камней и на оном разводят огонь для приготовления пищи. За неимением дров жгут китовые кости, поливая время от времени рыбьим жиром». По описанию Сарычева, летние жилища «сидячих» чукчей отличаются от зимних жилищ. Это шатер, покрытый шкурами морских

зверей. К зиме он разбирается, и их обитатели переходят жить в землянки.

Многое из того, что видел Сарычев, могли наблюдать и члены экспедиции Алексева — Дежнева.

В навигационный период 1648 года в северо-восточных морях были сравнительно благоприятные условия для плавания, более благоприятные, чем в предыдущие и последующие годы. Прибрежная полоса была свободна ото льдов. Об этом говорят свидетельства нескольких мореплавателей о том, что на протяжении своего пути они нигде не встретили скоплений плавающих льдов. Массы льда были отнесены течением на север, в центр Арктики. Так что и караван Ф. Алексева — С. Дежнева не встретил на своем пути серьезных ледяных преград, хотя отдельные плавающие льдины и могли попадаться на пути.

Еще в начале прошлого века историк Сибири П. А. Словцов подверг сомнению возможность такой экспедиции, считая восточный участок Северного морского пути, Берингов пролив и Берингово море недоступным для русских кораблей XVII века. Словцов утверждал, что вся дежневская «повесть просто сказка, не отличающаяся от многих легенд того века».

Легенду, созданную Словцовым, позже подхватили американский исследователь Фрэнк Голдер и некоторые другие западные авторы. Ф. Голдер скептически относился к содержанию отписок Дежнева, высказывая в них различные противоречивые или неубедительные, по его мнению, положения. Он высказывал малоубедительную версию о том, что если Дежнев и достиг устья Анадыри, то сухим путем, оставив кочи еще где-то в Ледовитом океане и высадившись на берег значительно западнее Берингова пролива. Вольно или невольно такого рода авторы принижали подвиги русских мореплавателей, умаляли их выдающуюся роль в мировой истории географических открытий.

Подобный тенденциозный, недобросовестный подход

к историческим фактам, документам вызвал резкую отповедь не только в России, но и на Западе. Серьезный современный американский ученый Раймонд Фишер, опирающийся на солидную документальную базу и хорошо знакомый с русскими исследователями, выступил с интересной и во многом объективной книгой «Путешествие Семена Дежнева в 1648 г.», изданной в Лондоне в 1981 году. Она содержит подборку ценных документов из советских архивов в английском переводе. Фишер, полемизируя с Голдером, убедительно показывает всю несостоятельность его аргументов и выводов, оценивает уровень русского мореходства XVII века как высокий для своего времени и усматривает в плавании Дежнева и его товарищей большой исторический вклад в мировые географические открытия. С полным на то основанием Фишер утверждает, что приоритет плавания в Беринговом проливе принадлежит Дежневу (мы можем сказать Алексею и Дежневу. — Прим. Л. Д.) и его товарищам, и, наоборот, не прав Голдер, отрицающий его. Научную несостоятельность подхода Голдера убедительно вскрыли в специальных работах советские исследователи М. И. Белов, Н. Н. Волховитинов, Б. П. Полевой.

Один из аргументов Голдера в пользу его утверждения, что русские мореплаватели не могли пройти восточным отрезком Северного морского пути, заключается в том, что такому неизбежно помешали бы ледяные зазоры. Мы видели, что в 1648 году прибрежная часть морей Лаптевых, Чукотского была свободна ото льда. Это разбивает один из основных аргументов Голдера.

Но если льды не препятствовали плаванию, то экспедиция не раз сталкивалась со страшными бурями и штормами, вызванными сильными ветрами. Море волновалось и неистовствовало. Волны превращались в водяные валы гигантской высоты, швырявшие кочи, словно щепки. Резкие порывы ветра рвали паруса и снасти. К берегу подходить было рискованно — волны могли

разбить корабли о прибрежные камни. Далеко не все кочи достигли желанной цели. Для некоторых плавание завершилось трагедией.

Документальные сведения о плавании Алексея и Дежнева, дошедшие до нас, очень скудны и отрывочны. Они сводятся к нескольким отпискам и челобитным самого Дежнева и немногим упоминаниям о нем, которые можно найти в бумагах других лиц. Какими-то неизвестными нам документами, касающимися похода 1648 года, из якутского архива пользовался Г. Ф. Миллер во время своей поездки в Восточную Сибирь в середине XVIII века. Документы эти либо утрачены, либо пока не обнаружены в архивных залежах. На основании этих немногих материалов большинство наших исследователей представляло себе ход экспедиции Алексея — Дежнева следующим образом.

Пользуясь попутным ветром, кочи быстро продвигались на восток. Но, очевидно, в Чукотском море караван судов попал в жестокий шторм. До Берингова пролива согласно традиционной точки зрения дошли только три корабля из семи. Какова же была судьба остальных четырех, в которых находились люди Гусельникова и часть людей Федота Алексея? В публикациях, посвященных экспедиции, мы находим вполне определенный ответ на сей вопрос — не доходя Берингова пролива, два коча были разбиты бурей, а их команды погибли. Два других пропали без вести. По-видимому, тоже затонули, отбившись от каравана. Никаких документальных свидетельств о том, что какой-либо из этих кочей, отстав от экспедиции, возвратился на Колыму, до сих пор нигде не обнаружено. Нет нигде упоминаний и о том, что людям с погибших кочей, хотя бы некоторым, удалось достичь берега и найти помощь у аборигенов.

В послевоенные годы на страницах некоторых научных и научно-популярных изданий высказывалась любопытная версия, что кочи, считавшиеся пропавшими без вести, возможно, прибило бурей к берегам Америки;

экипажи этих кораблей, быть может, высадились на Аляске и там затерялись среди местных эскимосов.

В. А. Перевалов в книге «Русские мореплаватели» (Воениздат, М., 1953) писал: «Существует предположение, что из семи кочей экспедиции Дежнева несколько кочей (надо полагать, два) пришли к берегам Аляски. Мореходы осели на ее берегах и постепенно смешались с местными жителями». В качестве доказательств этой версии автор приводит следующие факты. В 1837 году на полуострове Кенай были обнаружены остатки какого-то поселения трехсотлетней давности, похожего на русское. Возможно, оно было построено участниками похода 1648 года. Участвовавший в академической экспедиции по изучению Сибири в начале 40-х годов XVIII века в качестве ее толмача Я. И. Линденау писал в своем сочинении «Описание Чукотской земли, где она имеется», что чукчи в лодках, перебираясь на «Большую землю» (Аляску), привозят оттуда деревянную посуду, посуда эта напоминает ту, которую выделывают русские. Один из чукчей будто бы рассказывал ему, что лет семьдесят или более тому назад какие-то русские плыли на восток. Из-за бурной погоды их кочи разлучились, и некоторые из них пришли на «Большую землю». Не об экспедиции ли Алексеева — Дежнева шла речь?

Около 1779 года казачий сотник Иван Кобелев, находясь на острове Крузенштерна в Беринговом проливе, слышал от одного старшины, выходяща с Аляски, что в остроге на реке Хеврон (Юкон) живут будто бы русские бородатые люди. Кобелев намеревался было добраться до этих людей, но осуществить это намерение не смог. Он вручил старшине письмо для передачи его с оказией загадочным бородатым людям на Юконе. Было ли доставлено письмо по назначению — неизвестно. Один из первых православных миссионеров Аляски, Герман Аляскинский сообщал, что ходят слухи о появлении русских в этом крае еще в давние времена.

Несколько ранее публикации В. А. Перевалова вы-

шла небольшая книжка Е. А. Самойлова «Семен Дежнев и его время» (изд. Главсевморпути. М., 1945). Автор также пишет, что у чукчей ходили слухи, будто кочи русских мореплавателей были занесены к берегам Северной Америки, и приводит тот же рассказ старшины о каких-то неизвестных людях на Юконе, похожих своим обликом, платьем, языком и обычаями на русских.

Версия о том, что часть экспедиции Алексеева — Дежнева оказалась заброшенной на аляскинский берег, кажется привлекательной, дающей основание для увлекательного романтического сюжета. Представим измотанных жестоким штормом людей, отчаявшихся выйти живыми из беды. И вдруг спасительный берег. Волны выбрасывают израненный, разбитый коч на прибрежные камни. Первые впечатления русских мореходов об аляскинской природе, чем-то напоминающей природу Северо-Восточной Азии и чем-то отличной от нее. Встреча с эскимосами, которые приходят на помощь русским. Строительство хижины...

Если же серьезно задуматься над реальными возможностями такой версии, то возникают вопросы. Допустим, русские мореходы достигли Аляски. Мирной ли могла быть встреча с прибрежными эскимосами? Допустим, мирной. Позже, в пору Русской Америки русские на Аляске смогли же установить хорошие отношения с коренным населением: эскимосами, алеутами, индейцами. Если у русских, достигших Аляски, уцелел хотя бы один коч, пусть поврежденный бурей, почему русские не попытались его отремонтировать и вернуться на нем в Азию? Если даже предположить, что кочи были полностью разбиты и отремонтировать их не представлялось возможным, почему русские не попытались построить новый коч? Технически это было осуществимо. Могли бы, вероятно, русские, установив хорошие отношения с эскимосами, попытаться при хорошей погоде переправиться через Берингов пролив на эскимосских бай-

дарах. Трудно поверить, чтобы команда русских, оказавшись на Аляске, не попыталась за многие годы дать о себе знать.

Вообще во всех этих так называемых свидетельствах о пребывании русских на Аляске много неясного, противоречивого. Они обрастали легендами и непроверенными слухами, которые неопровержимыми фактами не подтверждались. Поэтому в более поздних публикациях советские исследователи к версии о возможной высадке части экспедиции Алексеева — Дежнева на аляскинском берегу стали относиться более осторожно. В публикациях последних десятилетий, как правило, речи об этом не ведется. Тщательное изучение русских и американских источников, включение и материалов археологических раскопок, производившихся на Аляске, пока не выявило убедительных доказательств версии. Но отсутствие бесспорных доказательств, не найденных на сегодняшний день, вовсе не исключает возможности такого появления русских на северо-западе Американского континента в середине XVII века. В этом отношении примечательно высказывание крупного советского историка и географа, члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова: «Не исключено, что часть экспедиции Дежнева открыла Северную Америку со стороны Тихого океана, достигла Аляски и основала там поселение, но с полной уверенностью этого утверждать не можем. Ведь могла быть какая-то другая русская экспедиция, о которой пока у нас нет никаких сведений».

От устья Колымы до пролива, разделявшего два материка, около 1400 километров. По мнению исследователя Н. Н. Зубова, коч при попутном ветре и при отсутствии льда мог преодолеть этот путь за пять суток. Так как корабли экспедиции попали в жестокий шторм, то, очевидно, путь до пролива занял не пять суток, а более.

Берингов пролив встретил мореплавателей неприветливо. Гулкие волны бушевали, разбиваясь о прибрежные камни, неистовствовал ветер. Кормчие с трудом

справлялись с рулевым управлением, стараясь держаться подальше от опасных скал. Но несчастье и здесь подстерегло остатки каравана. Разбило коч Герасима Анкудинова. Потерпевшему аварию кораблю пришел на помощь Семен Дежнев. Он оказался выше личных обид на разгульного соперника. Подошел с риском для жизни своей и своих людей к гибнувшему кочу и взял к себе на борт и Анкудинова и его отряд, исключая тех, кого поглотили бушующие волны. Если следовать традиционной точке зрения исследователей, теперь из всего отряда осталось только два корабля — коч Алексеева и коч Дежнева.

Где-то вблизи Берингова пролива мореплаватели сделали высадку на берег. Вероятно, для того, чтобы отдохнуть после изнурительной бури, пополнить запасы пресной воды, насобирать выкидника на топливо, починить поврежденные снасти такелажа. Несомненно, намеревались они также вступить в контакты с местными обитателями с целью завязать с ними меновую торговлю, попытаться получить от них информацию о здешней земле, о дальнейшем направлении береговой линии, о морях, которые простирались впереди.

Вблизи места высадки находилось поселение прибрежных жителей. Кто были они — чукчи или эскимосы, — на этот счет полной ясности у нас нет. Мы видели, что русские не различали эти два народа и называли их общим именем «чухочьих людей». Встретили они русских, никогда доселе ими невиданных, воинственно, градом стрел. Мы не знаем подробностей этого военного столкновения и что послужило поводом для него. Во время схватки был ранен Федот Алексеев. «...на пристанище (то есть при высадке на берег. — Л. Д.) торгового человека Федота Алексеева чухочьи люди на драке ранили», — узнаем из челобитной Дежнева. Можно предполагать, что русские рассеяли нападавших «огненным боем» и смогли управиться со своими делами.

Экспедиция миновала каменистый мыс, вдававшийся далеко в море, самую восточную оконечность Азиатского материка, носящий ныне имя Дежнева. К востоку от материка угрюмо чернели окутанные серым туманом островки. Этот маленький архипелаг, состоящий из двух островов и нескольких скал, носит ныне название островов Диомиды или Гвоздева и разделен между владениями СССР и США. Алексеев и его спутники могли видеть западный из островов архипелага — остров Ратманова, который отчетливо просматривается с чукотского берега.

Итак, было сделано грандиозное географическое открытие, открытие века. Русские мореплаватели первыми открыли пролив, разделяющий два материка, прошли из Северного Ледовитого океана в Тихий.

Сознавали ли первооткрыватели все огромное историческое значение сделанного ими открытия, все величие подвига своего? Вряд ли. Торговые и служилые люди совершали рискованную, трудную промысловую экспедицию, терпели беды, теряли своих товарищей. На пути встречалось много мысов и островов. Еще один каменистый мыс, о берег которого бьются гулкие волны прибоя, — рядовое событие за долгий путь. В истории Великих географических открытий бывали случаи, когда мореплаватели совершали величайшие по своему значению открытия, не подозревая об этом. Хрестоматийный пример с Христофором Колумбом.

В кинофильме «Семен Дежнев», выпущенном несколько лет тому назад Свердловской киностудией, есть такой эпизод — Алексеев, Дежнев с товарищами устремляются на мыс, который впоследствии будет носить имя одного из главных участников экспедиции, памятный знак, высокий деревянный крест. В ознаменование своего великого открытия, достижения восточной оконечности Азии. Эпизод, являющийся кульминационным моментом фабулы фильма, впечатляет. Но он суть чистая фантазия авторов. Такого в действительности не было.

В район оконечности Азиатского континента, Боль-

шого Каменного носа, как называл его Дежнев, кочи прибыли в начале сентября, то есть через два с половиной месяца после выхода в путь. Термин «Большой Каменный нос» употребляется Дежневым в его отписках. Между исследователями ведется яростная полемика вокруг вопроса — что же имел в виду под этим термином Семен Иванович. Собственно мыс или нечто большее? Еще со времен Г. Ф. Миллера наметилась тенденция со стороны некоторых авторов толковать понятие «Большой Каменный нос» расширительно, подразумевая под ним не только собственно мыс, а всю прилегающую к нему территорию Чукотки. Миллер полагал, что в данном случае речь шла об обширном пространстве к востоку от мыса Шелагский нос и до пролива, разделяющего материка. Полярный исследователь Ф. П. Врангель также придерживался мнения, что «Большой Каменный нос» — это мыс со всей прилегающей к нему территорией. Ныне это расширительное толкование носа рьяно отстаивает Б. П. Полевой, приводя в специальных публикациях целую систему своих доводов. Против этого толкования выступали М. И. Белов, А. И. Алексеев. По мнению Белова, Дежнев ведет речь только о современном мысе, носящем его имя, и непосредственно прилегающей к нему территории, но не обо всем Чукотском полуострове. Алексеев сторонник той точки зрения, что речь шла лишь о мысе без прилегающего к нему пространства суши. Защитники той или иной версии приводят в качестве одного из своих главных доводов довод лингвистический. Одни утверждают, что слово «нос» на языке XVII века означает «мыс», другие — «полуостров». «Словарь русского языка XI—XVII вв.», том II дает этому слову единственное значение — «мыс», подкрепляя это двумя примерами. Впрочем, эти примеры дают нам основание и для расширительного толкования. Так что довод лингвистический вряд ли может убедить в бесспорной правоте одной из двух точек зрения.

Следует заметить, что современному исследователю трудно вникнуть в логику мышления человека XVII века и домысливать за него. Между тем дежневские отписки содержат выражения не вполне ясные, допускающие различные толкования.

Жанр нашей книги не обязывает нас останавливаться на подробностях этого многолетнего научного спора. Кто бы ни был прав из полемизирующих сторон, для нас важно не то, что подразумевал С. И. Дежнев под Большим Каменным носом — собственно мыс или нечто большее. Важно другое. Важен сам факт великого географического открытия.

Экспедиция достигла восточной оконечности Азии и обогнула весь Чукотский полуостров.

В своей отписке якутскому воеводе И. П. Акинфову, составленной в конце 1654 года или начале 1655 года, С. Дежнев сообщал: «С Ковымы реки итти морем на Онадирь реку есть Нос, вышел в море далеко, а не тот Нос, который От Чухочьи реки лежит (очевидно, Шелагский мыс. — Л. Д.)... А против того Носу есть два острова. А на тех островах живут чухчи, а врезываны у них зубы, прорезаны губы, кость рыбей зуб».

Не владея грамотой, Семен Иванович диктовал свои отписки и челобитные какому-нибудь грамотею. Но и в скупой этнографической информации угадывается наблюдательность автора. Речь шла об эскимосах, обитавших не только на побережье Чукотского полуострова, но и на прибрежных островах. Русские называли их также «зубатыми людьми», поскольку они имели обыкновение носить украшения из рыбьего зуба, то есть моржовой кости. Украшения эти вставлялись в прорезь губы.

Информация эта строго достоверна и не является плодом вымысла казака-мореплавателя. Она совпадает со свидетельствами другого автора, полковника Плениснера, спустившегося в 1763 году по Анадыри. Он получил сведения от чукчи Хехгигита о том, что на двух

островах, лежащих против Чукотского полуострова, живут не чукчи, а люди другого племени. «Самые лучшие их мужики и старшины имеют у себя для украшения их сделанные из моржовых зубов подле рта у нижней губы в прорезанных на обеих сторонах скважинах по одной плоской кости круглой, подобно запанкам, величиною, как прежде бывшие пятикопеечные медные, а иногда и против нынешних гривенников и пятикопеечников серебряных; и те кости они вдевают (в) помянутые скважины... во время их жертвы (жертвоприношения. — Л. Д.). По сему и называются зубатые; а когда начнут есть, то те кости из прорезанных скважин вынимают».

Скорее всего и Дежнев и Плениснер имели в виду одни и те же острова, лежащие в Беринговом проливе — острова Ратманова и Крузенштерна. Описание «зубатых людей» в дежневской отписке совпадало с более подробным описанием у Плениснера. Поэтому описание Семена Ивановича, хотя и краткое, можно воспринять как сделанное очевидцем. По-видимому, мореплаватели высаживались на островах Диомиды и имели контакт с населением.

«А лежит тот Нос промеж сивер на полуношник, — читаем далее в отписке Дежнева, — а с русскую сторону Носу признака вышла: речка, становье тут у чухоч делано, что башня из кости китовой, и Нос повернут круто к Онандыре реке под лето. А доброво побегу от Носа до Анандыри реки трои сутки...» Опять этнографическая информация. Башня из кости китовой — это образное или фигуральное определение жилища прибрежных жителей. Оно представляло собой землянку, кровельный каркас которой делался из китовых костей. И здесь мы видим совпадение с описанием, приводившимся нами выше, сделанным другим автором, Г. Са-рычевым.

Эта меткость, достоверность наблюдений Дежнева служит бесспорным доказательством реальности его

плавания и полной несостоятельности тех скептиков, которые пытались подвергать сомнению его достоверность. Определяет Дежнев и местонахождение Носа «промеж сивер на полуношник». Старинные русские термины «сивер» и «полуношник» — это названия ветров, бытовавшие в лексиконе русских полярных мореходов. Могли они употребляться и для обозначения стран света. Возможно, Дежнев использовал какую-то точку отсчета, расположенную южнее Носа, который по отношению этой точки находился в северо-северо-восточном направлении, то есть «промеж сивер на полуношник». Впрочем, в научной литературе можно найти другие попытки объяснить эту фразу отписки.

Подавляющее большинство исследователей склоняется к мысли, что Большой Каменный нос или его крайняя восточная точка (если допускать расширительное толкование) — это современный мыс Дежнева. Однако же выдвигались и другие точки зрения. Еще в XVIII веке Г. Ф. Миллер, а вслед за ним в прошлом веке и Н. Н. Оглоблин идентифицировали дежневский Большой Каменный нос с мысом Чукотским, расположенным несколько южнее, вблизи которого также лежат небольшие островки. В пользу сторонников первой, наиболее убедительной, по нашему мнению, точки зрения служит следующий аргумент. Мыс Дежнева далеко вдается в море, и, как подчеркивает М. И. Белов, он как бы делит всю окружающую природу на два региона — северный, арктический, и южный, тихоокеанский. Это самый заметный географический объект, мимо которого ни один моряк не может пройти, чтобы не отметить его на своих картах. За мысом Дежнева береговая линия резко поворачивалась на юго-запад. Чукотский и другие соседние мысы не столь внушительны и приметны. Поэтому С. Дежнев и избрал тот из мысов, который впоследствии будет назван его именем, чтобы упомянуть о нем в своей отписке и дать краткое его описание.

Недоумение и споры исследователей вызывает заключительная фраза той выдержки из дежневской отписки, которую мы приводили выше — «А доброво побегу от Носа до Анандыри реки трое сутки». За трое суток путь от мыса Дежнева до анадырского устья на парусном коче XVII века преодолеть невозможно. Путь этот превышает тысячу километров. К тому же плавание часто затруднено противными ветрами. За это несоответствие ухватился Голдер, чтобы воскликнуть — недостоверное свидетельство! Стало быть, и само плавание Дежнева вокруг материка фантазия.

Скупы свидетельства Дежнева о Большом Каменном носе. Все же из немногочисленных строк дежневской отписки можно сделать определенное заключение. Экспедиция задержалась у восточной оконечности материка на некоторое время. Мореплаватели обследовали мыс и прилегающие к нему участки побережья, побывали на островах Диомиды, присматривались к местным эскимосам, вероятно, завязывали с ними меновую торговлю. Одекуй, металлическая утварь, ножи могли вымениваться на моржовый клык. Острова Диомиды лежат в самой узкой части Берингова пролива. В ясную погоду с возвышенной точки восточного островка можно увидеть как азиатский берег, так и аляскинский.

Эскимосы издавна обитали по обоим берегам Берингова пролива. Отличные мореходы, они общались с соплеменниками противоположного берега, переплывая в спокойную погоду пролив на легких продолговатых байдарках, обтянутых шкурой морского зверя. Возможно, на одном из островов Диомиды съезжались эскимосы чукотские и аляскинские для родственного общения, обмена подарками. Это дает нам основание предполагать, что русские мореходы могли иметь общение с аборигенами, бывавшими на берегах Аляски, или даже непосредственно с североамериканскими эскимосами, и получить от них информацию о какой-то большой земле, лежавшей за проливом. Если это так, то почему

такая, казалось бы, первостепенной важности информация не нашла отражения в дежневских отписках? Да потому, что ограниченность географической осведомленности мореходов не позволила бы им оценить всю исключительную важность услышанного. Рассказы о «Большой земле» за проливом воспринимались ими как рассказы еще об одном острове среди многочисленных и малоприметных островов, встречавшихся на пути. Быть может, эта загадочная земля воспринималась как продолжение все той же Новой Земли, которая, по ошибочным представлениям русских мореходов XVII века, тянулась в восточном направлении вдоль северных берегов Сибири на огромной протяженности.

Интересное предположение высказывает писатель Сергей Марков, автор книги «Подвиг Семена Дежнева» (М., 1948). Поскольку у Большого Каменного носа они сделали продолжительную стоянку, не могли ли русские мореходы, обследуя окрестности Носа и прибрежные острова, совершить разведывательное плавание и к аляскинскому побережью? Ведь от Малого Диомида до берега Америки всего сорок верст. «Сорок верст — не препятствие для коча, и, даже идя на веслах, Дежнев мог пригрести и к восточному берегу пролива, к концу земли Кымын — так чукчи именовали северо-западный край Нового Света. И еще неизвестно доподлинно, какие «чукчи» затеяли сражение с Дежневым и Федотом Алексеевым на неведомом пристанище».

Предположение писателя не представляется невероятным. Такое посещение Аляски Алексеевым и Дежневым было вполне в пределах технических и физических возможностей мореплавателей. Однако же никакими документальными свидетельствами, которые прямо или хотя бы косвенно подтверждали такую возможность, мы не располагаем.

Б. П. Полевой выдвигал гипотезу, что один из двух «островов зубатых», расположенных напротив Чукотского полуострова и упомянутых в отписке Дежнева,

может быть идентифицирован с Аляской. Эту возможность допускал и А. В. Ефимов.

Большой интерес представляет «наказная память» (инструкция) якутского воеводы В. Н. Пушкина десятнику Михайле Стадухину, пытавшемуся в 1649 году повторить плавание Алексева — Дежнева вокруг Чукотского полуострова. В этом документе сообщались все известные сведения о прилегающих к Анадыри землях. В ней, в частности, содержится упоминание о том, что против устья реки Погычи (Анадыри) где-то далеко на северо-востоке лежит большая «Новая земля». Население Погычи посещает ее для промысла моржовой кости. Очевидно, что речь идет не о той «Новой земле», которая была давно известна поморам. Слово «Новая» скорее здесь употребляется в смысле «неизведанная», «неизвестная». Не об Аляске ли шла речь, слухи о которой могли доходить до русских через чукчей и эскимосов?

Вернемся теперь к рассуждениям Дежнева относительно местоположения Большого Каменного носа, который будто бы находится в трех сутках пути от анадырского устья. В это утверждение трудно поверить. А если принять гипотезу, что точкой отсчета для рассуждений Дежнева служила не восточная оконечность Азии, а какой-либо более южный прибрежный пункт? Эта гипотеза, кажется, помогает сторонникам того взгляда, что Большой Каменный нос — это весь Чукотский полуостров или хотя бы его восточная часть. Тогда от южного рубежа Носа в широком смысле, возможно, и доплывешь до устья Анадыри за трое суток.

А нет ли решения загадки более простого? Минувя пролив, уцелевшие кочи оказались в бурном Беринговом море. Буря могла их отнести далеко от берега, швыряла корабли по бушующим морским просторам. Мореходы, не имевшие карт, располагавшие лишь простейшими навигационными приборами, могли потерять ориентировку во времени и в пространстве. Вот и сло-

жилось ошибочное представление, что если бы буря не мотала кочи в открытом море, то, держась берега, можно было бы проделать весь путь за трое суток. К тому же Семен Иванович Дежнев, отнюдь не ученый гидрограф, хотя и человек одаренный и смекалистый, составлял свою отписку шесть лет спустя, после плавания. Мог что-то позабыть, мог что-то и поднапутать.

В Беринговом море буря разъединила кочи Семена Дежнева и Федота Алексеева. Организатору экспедиции не суждено было довести ее до конца и достичь желанной цели — Анадыри. Этим двум замечательным людям больше никогда не суждено было встретиться. Коч Алексеева отнесло далеко на юг, и долго никаких известий о судьбе его и его экипажа не было. А корабль Дежнева, последний из всей экспедиции, долго носило по морю. Можно представить эти трагические часы и дни. Истерзанный бурей одинокий коч, с изодранными парусами, поврежденным такелажем, плохо поддававшийся руке кормчего, швыряло как легкую пушинку с одного гребня гигантских волн на другой. Люди шептали слова молитвы Николаю-угоднику, заступнику мореплавателей, и уже, казалось, не надеялись выйти живыми из переделки. Грозно ревел Тихий океан, словно грозил дерзким смельчакам. Скрипели жалобным стоном мачта и весь коч. Волны перекатывались через палубу и срывали все, что было плохо закреплено. Обессиленные казаки едва успевали откачивать воду из трюма...

Выше мы писали, что еще в Ледовитом океане, согласно традиционной версии, два коча были разбиты бурей, два пропали без вести, пятый коч — анкудиновский потерпел крушение в Беринговом проливе. Таким образом, из семи кочей уцелело только два, которые и вышли проливом в Тихий океан. Этой версии и придерживается большинство авторов, обращавшихся к истории плавания Алексеева — Дежнева. Однако противоречивость источников дает основание исследователям

приводить и другие версии. Так, М. И. Белов, например, утверждает следующее: «В начале сентября, когда в северной части Берингова моря начинается полоса штормов и бурь, четыре (!) уцелевших русских судна вместо семи, отправившихся в путешествие, вышли из пролива и направились на юг. Впереди их ждали великие испытания». Если в этом случае прав М. И. Белов, то выходит, что два коча из последних четырех погибли не в Ледовитом океане, а в Беринговом море.

В 1890 году русский архивист, археограф и историк Н. Н. Оглоблин издал и прокомментировал обнаруженные им четыре челобитных Семена Ивановича Дежнева царю Алексею Михайловичу. Две из них — челобитная 1662 года, писанная в Якутске, и другая, поданная в конце 1664 года в Москве, содержат некоторые сведения о прошлой деятельности челобитчика. «Именно здесь заключены те слова Дежнева, после которых не остается никаких сомнений в том, что он прошел весь Берингов пролив», — замечает Оглоблин.

Вот слова самого Дежнева из его челобитной 1662 года: «И я, холоп твой, с ними торговыми и промышленными людьми шли морем, на шти кочах, девяносто человек, и прошед Анадырское устье, судом Божиим те все наши кочи морем разбило, и тех торговых и промышленных людей от того морского разбою на море потонуло и на тундре от иноземцев побитых, и иные голодной смертью померли, итого всех изгубло 64 человека».

Следует обратить внимание, что знаки препинания в этом документе расставлены не его автором, а инициатором его публикации, придерживавшимся современной ему логики. Русские грамотей XVII века не знали синтаксиса в современном его понимании. И поэтому данная выдержка из документа дает основание для различных толкований, зависящих от того, как расставлены знаки препинания. Если бы поставили точку после «девяносто человек», то свидетельство Дежнева не остав-

ляло бы сомнения в том, что все кочи гибли в Беринговом море, «прошед Анадырское устье». Если же точка стояла бы после слов «прошед Анадырское устье», то можно было бы допускать двоякое толкование. «Я, холоп твой, Семейка Дежнев, достиг устья реки Анадыри. А все кочи морем разбило». Где разбило, в каком море, до Большого Каменного носа или за ним — автор челобитной не уточняет.

Очевидно, история Алексеева — Дежнева дает пищу исследователям для новых поисков и уточнений. Но как бы ни истолковывать смысл дежневской челобитной 1662 года, соглашаться или не соглашаться с традиционной версией, горький факт остается фактом. К концу морского плавания все кочи экспедиции оказались разбитыми или пропавшими без вести. Погибла большая часть участников похода. Уцелела, достигнув берега к югу от анадырского устья, лишь небольшая горстка смельчаков во главе с Дежневым — менее четверти всего состава экспедиции. Помог ли Семену Ивановичу счастливый случай или же личный опыт, выдержка, бесстрашие, которые оказались выше, чем у других командиров кочей, не выдержавших схватки со стихией? Несомненно, и то и другое. «А я, холоп твой, от тех товарищей своих остался всего двадцатью четырьмя человеками», — писал С. И. Дежнев в той же челобитной.

Дорого заплатили русские мореходы за свой беспримерно героический подвиг, подвиг первых европейцев, прошедших Великим Северным морским путем Тихий океан. Отдал свою жизнь во имя великого открытия организатор экспедиции Федот Алексеев. Не суждено было ему достичь желанной цели — реки Погычи — Анадыри. Принял у него эстафету руководителя Семен Иванович Дежнев, завершивший дело, начатое совместно с Федотом.

Последний коч с дежневским отрядом был выброшен на берег значительно южнее устья Анадыри, «в перед-

ний конец за Анадыр-реку», по словам самого Дежнева. Точно определить место гибели коча затруднительно. На этот счет существуют разные суждения. Это случилось первого октября 1648 года на сто второй день путешествия.

Обратимся теперь к судьбе Федота Алексеева. В XVIII веке на Камчатке распространялись смутные предания, обраставшие явно легендарными подробностями. Коч (или кочи) Алексеева будто бы принесло к камчатскому берегу. Здесь русские жили среди мирных камчадалов. На следующий год они отремонтировали коч и, обогнув мыс Лопатку, южную оконечность Камчатского полуострова, достигли Пенжинской губы. Там произошло кровопролитное столкновение с коряками, во время которого все русские, в том числе Федот Алексеев, были перебиты. Такова эта трагическая, но малодоверенная история.

Она стала известна выдающемуся русскому путешественнику и исследователю Камчатки Степану Петровичу Крашенинникову (1711—1755). В своем капитальном труде «Описание земли Камчатской» Крашенинников пишет: «Но кто первый из русских людей был на Камчатке, о том я не имею достоверных сведений и лишь знаю, что молва приписывает это торговому человеку Федоту Алексееву, по имени которого впадающая в р. Камчатку речка Никуля называется Федотовшиной. Рассказывают, будто бы Алексеев, отправившись на семи кочах по Ледовитому океану из устья р. Ковымы, во время бури был заброшен со своим кочем на Камчатку, где перезимовав, на другое лето обогнул Курильскую Лопатку и дошел морем до Тигеля, где тамошними коряками был убит зимою со всеми товарищами. При этом рассказывают, что к убийству сами дали повод, когда один из них другого зарезал, ибо коряки, считавшие людей, владеющих огнестрельным оружием, бессмертными, видя, что они умирать могут, не захотели жить со страшными соседями и всех их перебили».

Однако приводя подобную версию, Крашенинников считает ее сомнительной. В ее правдивости сомневаются и последующие исследователи, поскольку подобная легендарная история в своей основе абсолютно противоречит заслуживающей доверия отписке Дежнева воеводе Ивану Акинфому. В отписке речь шла о том, что в 1654 году Семен Дежнев во время одного из походов и столкновений с коряками у анадырского устья «отгромили у коряков якутскую бабу Федота Алексеева». Речь шла об отбитой у коряков спутнице Федота, отправившейся с ним в плавание. Освобожденная из коряцкого плена якутка поведала, очевидно, правдивую историю о судьбе мужа и его спутников. «И та баба сказывала, что де Федот и служилой человек Герасим (Анкудинов) померли цингою, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди и побежали в лодках с одною душою, не знаю-де куда».

Что мы видим из этого важного сообщения? Герасим Анкудинов, не ладивший с Дежневым, еще раньше, по-видимому, при выходе в Берингово море, перешел с дежневского коча к Алексееву и разделил с ним его судьбу. Оба погибли от цинги, либо в море, во время плавания, либо во время одной из высадок на берегу, скорее всего где-то значительно южнее устья Анадыри, на Олюторском берегу или на крайнем северо-востоке Камчатки. Во время высадок происходили стычки с коряками, перебившими часть отряда Федота Алексеева и захватившими в качестве военной добычи его жену-якутку. Немногие уцелевшие люди из отряда ушли куда-то на юг, вдоль восточного побережья Камчатки. Коч потерпел крушение и был разбит, и им уже невозможно было воспользоваться, а имущество погибло или разграблено коряками. Это и заставило «якутскую бабу» показать, что немногие уцелевшие русские «побежали в лодках с одною душою», то есть налегке, без припасов и снаряжения.

Последние спутники Алексева, по-видимому, нашли

прибежище где-то на западном побережье Камчатки. Здесь еще долго сохранялись следы пребывания русских, относящиеся к середине XVII века. В 1697 году Владимир Атласов слышал рассказы местных жителей о том, что много лет тому назад в устье речки Никулы жили несколько русских. Развалины русской избы на этом месте сохранялись еще во времена Крашенинникова, писавшего: «Что касается построенных на р. Никуле зимовий, то и сами камчадалы подтверждают, что они построены русскими людьми». Таким образом судьбу Федота Алексева и его спутников удастся выяснить на основе достоверных источников. Последние из этих спутников закончили свою жизнь на Камчатке.

Сколько же выпало тяжелых испытаний на долю этих людей, оторванных от соотечественников, потерявших свое снаряжение и последние припасы. Какую упорную борьбу за существование пришлось выдержать им, забывшим вкус ржаного хлеба, столкнувшимся с суровой природой восточной Камчатки, зимней стужей, голодом. Уходили из жизни один за другим товарищи Федота Алексева, умирали, как и он, от цинги, гибли в схватках с диким зверем, не выдерживали лютых зимних морозов. Остался наконец последний, доживавший дни свои в тоске и одиночестве. Но вот умер и он.

А может быть, и не было вовсе оснований драматизировать их долю, хотя и не сладкую? Сдружились с мирными приветливыми камчадалами, поженились на камчадалских девках, приспособились к образу жизни своих новых родичей. Ходили с ними на промысел, стали разводить домашних оленей, вырядились в одежонку, пошитую из оленьего меха, и выжили. И не только выжили, а нарожали крепких и выносливых креолов. А умирали в глубокой старости, в кругу семьи, окруженные многочисленными чадами своими, детьми и внуками.

Так ли это было? К сожалению, мы не знаем, каков был конец горсточки отважных людей, заброшенных

судьбою на Камчатку. Но отдадим должное их подвигу. Это были первые русские, первооткрыватели, достигшие Камчатского полуострова и, вероятно, не подозревавшие о значении сделанного ими открытия.

13. НА АНАДЫРИ

В Северо-Восточной Азии лето коротко, и зима наступает рано. Уже в начале сентября бывают заморозки, а во второй половине месяца начинаются снегопады. Октябрь, по существу, уже зимний месяц. Реки скованы льдом. Дуют резкие холодные ветры. Тундра превращается в бескрайнее белое пространство, лишь изредка оживляемое оленьим стадом да дымками юрт.

Измотанные тяжелым плаванием, изголодавшиеся дежневцы вступили на голый заснеженный берег. Место было безлюдное — ни жилища, ни души вокруг. Всего лишь двадцать пять человек, считая Дежнева, из которых, вероятно, многие были больны цингой, — вот все, что осталось от некогда многолюдной экспедиции. За дорогу пообносились изрядно. Одежка превратилась в рубища.

С двойственным чувством вступали дежневцы на незнакомый берег. С чувством успокоительной радости от того, что пришло долгожданное спасение, что осталось позади плавание по бушующему морю, чреватое гибелью. И с тревогой, что впереди еще долгие поиски обжитых мест, трудные и голодные.

Первым делом разожгли костер. Кто еще не растерял силенки, собирал выброшенный морским прибоем выкидник и обломки коча. Стали держать совет. Теперь Дежнев был бесспорным главой экспедиции. На нем и лежала вся ответственность за судьбу отряда. Он и сказал свое веское слово — идем на Анадырь-реку.

Место крушения коча находилось значительно юж-

нее анадырского устья, где-то на Олюторском берегу. Дежнев принял решение, бросив разбитый коч, уже непригодный к плаванию, двигаться вдоль гористого берега по прибрежной кромке к Анадыри. Там, возможно, посчастливится встретить местное население и с его помощью найти спасение от голода и болезней, отдохнуть и подкормиться в становище. Анадырь была конечной целью экспедиции, и от этой цели Дежнев не хотел отступать. С Анадырью были связаны планы поиска новых пушных промыслов и объясачивания новых племен.

Знал ли или предугадывал Семен Иванович местонахождение устья Анадыри? Возможно, потерявший управление, поврежденный коч проходил по бушующему морю мимо выхода из Анадырского лимана, и интуиция подсказала Дежневу, что здесь должно находиться устье большой реки. Но попытка высадиться на берегу лимана не удалась, и корабль был выброшен значительно южнее. Независимо от такой вероятности опытному мореходу могло казаться логичным предположение, что вряд ли на таком значительном расстоянии от Большого Каменного носа до места гибели коча нет устья большой реки. Стало быть, надо идти на север и только на север.

С горечью прощались дежневцы с останками корабля, сослужившего свою добрую службу. Долго выдерживал коч бури и штормы, держался, как герой, до последних дней своих. Вечная память тебе, славный боевой товарищ. Кто-то из казаков проследил даже. Оставили товары, снасти, многое другое, что не в силах были унести с собой. Взяли самое необходимое: лыжи, оружие с запасами пороха, кухонную утварь, теплые спальные принадлежности, жалкие остатки продовольственных припасов. Погрузили все это на нарты. Помолились Зосиме и Саватию, добрым покровителям поморов, и тронулись в путь.

Ох и труден путь по стылой каменистой кромке берега. Изодрали об острые камни, припорошенные сне-

гом, обутки, ставшие ветхими опорками. А с моря дул пронизывающий ветер, иногда кружилась метель. Ночью спасались от ветра, сбившись в кучу у костра под отвесным обрывом скалы. После непродолжительного привала снова трогались в путь, волокли на себе груженные нарты, пробирались между нагромождениями валунов.

Долог был путь по безлюдному берегу. «И пошли мы все в гору (то есть берегом, а не морем. — Л. Д.), сами пути не знаем, холодны и голодны, наги и босы. А шел я, бедной Семейка, с товарищи до Онандыры реки ровно десять недель», — сообщал Семен Иванович в своей отписке И. П. Акинфовой, составленной шесть лет спустя. Десять недель, почти два с половиной месяца — срок достаточный для преодоления большого расстояния, если даже предположить, что обессиленные, голодные люди, среди которых были цинготные больные, могли преодолевать в день не больше десятка километров.

Ближе к анадырскому устью побережье становилось низменным. Река впадала в лиман, глубоко вдававшийся в сушу и соединявшийся с морем узкой горловиной. И в устье Анадыри, которого достигли к середине декабря, не оказалось никаких признаков жизни. Река, лиман, Анадырский залив — все было сковано льдом. Голые безлесые окрестности тоже были безлюдны. Они давили своим унылым безмолвием, мертвой пустотой. Попытка наладить подледный лов рыбы не увенчалась успехом. Обессиленные походами люди не смогли выдолбить проруби в крепком льду. Не было заметно и какой-нибудь дичи. О злоключениях отряда Дежнев пишет в той же отписке: «И рыбы добыть не могли, лесу нет. И з голоду мы бедные врозь разбрелись».

Дальнейшие события развивались трагически. Двенадцать человек, почти половина отряда, отправились вверх по Анадыри в поисках стойбищ оленеводов, надеясь раздобыть у них пищу. Они шли по голой речной пойме, вероятно, до тех пор, пока хватило сил, и не

встретив ни одного жилища, повернули обратно. «И ходили 20 ден, людей и аргишниц (оленьих обозов. — Л. Д.), дорог иноземных, не видели». Из дальнейшего текста дежневской отписки узнаем, что за три дневных перехода до лагеря, где находился Дежнев с другой половиной отряда, обессиленные люди сделали привал и стали рыть в снегу яму для ночлега. Они были уже не в состоянии продолжать путь. Только промышленный человек Фомка Семенов Пермь стал убеждать товарищей собрать последние силы и идти к лагерю. Снеговая яма может стать для них местом гибели. Но Пермь смог убедить только двоих, Сидорку Емельянова и Ивашку Зырянина последовать за ним. Провожая их, оставшиеся товарищи просили, чтобы прислали им «постеленку спальные и парки худые, чем бы нам напиться и к стану добрести». Перед нами горькое свидетельство отчаянного положения дежневцев. Как видно, все съестные припасы были к тому времени съедены. Теперь в пищу шли кожаные ремни, старые парки, то есть изношенная верхняя одежда, голенища сапог и т. п. Оставленные за три перехода люди еще надеялись подкрепиться, отогреться и соединиться с отрядом.

Пермь, Емельянов и Зырянин добрались до лагеря и доложили Дежневу о случившемся. Их сообщение вызвало беспокойство и тревогу за товарищей. В тот же день Семен Иванович послал Фомку Пермяка, видимо, человека наиболее сильного и выносливого, к оставленным в снежной пустыне обессиленным и голодающим людям, поделился с ними, чем мог. «И я, Семейка, последнее свое постеленку и одеялишка и с ним Фомкою к ним на Камень послал». Терпящих бедствие людей Пермь на месте не нашел и возвратился один «...неведомо и их иноземцы розвели», — полагает Дежнев.

Итак, отряд лишился девяти человек. Это была ошущаемая потеря. Что же произошло с этими людьми? По предположению Дежнева, их, вероятно, захватили какие-то неведомые местные обитатели («иноземцы»).

С этим предположением трудно согласиться. В районе анадырского устья ни до этого трагического события, ни позже никакие аборигены не появлялись. О них нет упоминаний в дежневской отписке. Скорее всего обесиленные люди умерли голодной смертью или замерзли, а метель замела их снежную могилу, и потому Пермьяк не нашел их останков. Он мог прийти к ним на помощь только на шестой-седьмой день, когда выручать было уже некого. Могла произойти роковая встреча и со стайей голодных полярных волков, которым несчастные люди уже не в силах были оказать сопротивление.

Остатки отряда зазимовали в районе устья в ожидании того благоприятного для плавания времени, когда Анадырь вскрыется и очистится от льда. Как удалось перенести страшную зиму 1648/49 года? Дежнев ничего об этом не сообщает. Видимо, соорудили какое-то жилище из леса-выкидника с очагом, завалили снаружи стены снегом, чтобы ветер не задувал. Пытались бить зверя. В голодную зиму не приходилось быть разборчивым в пище — рады были и песцу, и волку, и медведю-шатуну. За зиму умерло от цинги, или черной смерти, как называли эту болезнь мореплаватели, еще трое. Осталось двенадцать, как-то выживших. До нас дошли имена десяти из этих двенадцати. Это Семен Дежнев, Фома Семенов Пермьяк, Павел Кокоулин, Сидор Емельянов, Иван Пуляев, Михаил Захаров, Терентий Куров, Елфим Меркурьев Мезеня, Петр Михайлов и Артемий Солдатко.

Дежнев с товарищами стали русскими первооткрывателями Анадыри и нового обширного края, охватывавшего анадырский бассейн. Если бы Семен Иванович Дежнев сделал только это открытие, он по праву вошел бы в историю как выдающийся первопроходец. Открытие это было осуществлено дорогой ценой, за него было заплачено человеческими и материальными жертвами, потерей последнего коча и половины из тех остатков экспедиции, которые достигли анадырского устья. Но

разве и другие великие географические открытия совершались без жертв!

Наконец суровые зимние месяцы остались позади. Ярче засветило солнце. Таяли снега. С гулом лопалось ледяное покрытие, скрывавшее лиман и реку, громоздились остроконечными торосами льдины, накатываясь друг на друга. Потом начался ледоход. Нескончаемой вереницей плыли по реке осколки льда разных форм и размеров, иногда они образовывали ледяные заторы, вокруг которых бурлила и клокотала вода. Наконец ледоход прошел. Зазеленели свежей травой берега, холмы, расцвелились неброской раскраской тундровых цветов. Ожил багульник, давая о себе знать резким пряным запахом. Появились перелетные птицы, оглашая окрестности своим разноголосым криком. Шел в реку с моря на нерест плотными косяками лосось, растекаясь по впадавшим в Анадырь мелким речушкам и ручьям. Вслед за лососевыми косяками появилась в низовьях реки проворная нерпа, желая полакомиться рыбой. А на берега ручьев выходили порыбачить и отошавшие за время зимней спячки медведи.

Воспрянули духом дежневцы, возрадовались скупому на щедроты весеннему солнцу, свежим краскам тундры. Принялись за рыбную ловлю, охоту на гусей и лебедей. Собирали черемшу, верное средство от цинги. И, главное, готовились к новому походу в глубь материка. Тщательно выбирали подходящий плавник, которого немало нанесло с верховьев Анадыри, и взялись мастерить лодки.

В начале лета 1649 года, когда река полностью очистилась ото льда, маленький отряд спустил лодки на воду и тронулся в путь вверх по Анадыри. «И пошли 12 человек, в судах вверх по Онандыре реке и шли до онаульских людей», — сообщает Дежнев в той же отписке.

По мере того как дежневцы подымались по реке, природа становилась вовсе не такой скудной, как в рай-

оне устья и лимана. По Анадырскому краю проходит граница между зоной тундровой и лесотундровой, переходящей в таежную. На берегах Анадыри встречались заросли ивы разнообразных видов. Выше по реке стали появляться отдельные рощицы лиственных пород: березы, ольхи, тополя. Толстоствольные тополя иногда поражали своими размерами и казались сказочными великанами. На пригорках кое-где росла лиственница, зеленевшая свежей хвоей. Это была здесь единственная хвойная порода, если не считать чахлого, стелющегося по земле кедрового стланика, которого было немало в окрестной тундре.

Где-то в среднем течении реки кто-то из дежневцев первым заметил дымок костра на берегу. Вот показалось несколько остроконечных юрт, в стороне от них паслось стадо домашних оленей. Послышались людские голоса и лай собак. Люди на берегу заметили приближающиеся лодки. С радостными возгласами путешественники налегли на весла, держа курс на дымок. Истощенные зимовкой, обносившиеся, они рассчитывали на помощь здешних жителей.

На берегу оказалось становище анаулов, одного из юкагирских племен. Анаулы, оленеводы и охотники, кочевали по тундре со стадами оленей. Встретили они русских настороженно. Постоянные военные стычки с восточными соседями, чукчами и южными — коряками, делали жителей Анадыри недоверчивыми и воинственными. С русскими анадырские анаулы никогда прежде не сталкивались и встретили отряд вооруженных бородатых людей с опаской. Мы не знаем, сразу ли произошло столкновение между ними и что послужило для этого поводом. Дежнев опять получил тяжелое ранение. Русские, однако, сломили сопротивление анаулов, захватили в качестве аманатов двух анаульских «мужиков» и вынудили племя платить ясак московскому государю. Сам Дежнев так описывает это событие: «И взяли мы два человека за боем ранили меня смерт-

ною раню, и ясак с них взяли. И по ясачным книгам поименно с кого что взято, и что взято государева ясаку, и больше того, я, Семейка, у тех анаульских людей что взять государева языка хочу».

Постепенно между русскими и анаулами установились, очевидно, добрые отношения. Вся линия поведения Дежнева, как мы видим, свидетельствовала о том, что он был сторонником гибкой, миролюбивой политики в отношении аборигенного населения, прибегал к силе оружия лишь в самом крайнем случае и отвергал полезность каких-либо мстительных, карательных действий. О сближении русских с анаулами говорит и то, что некоторые из дежневцев взяли себе анаульских жен. Среди них был, например, уже известный нам Фома Семенов Пермь. Его жена, названная в крещении Устиньей, была впоследствии венчана с ним по православному обряду.

Цель отряда — достижение Анадыри и объясачивание проживавшего здесь населения — была достигнута. Нужно было обосновываться в Анадырском крае прочно и надолго, а для этого создавать опорный пункт русских с постоянным гарнизоном. Дежнев принимает решение строить зимовье, которое со временем могло бы стать острожком. Он выбирает места для зимовья на возвышенном островке, на среднем течении Анадыри, чуть выше устья Майна, в районе теперешнего селения Марково. Здесь поблизости нашелся строевой лес. Срубили из лиственницы жилые избы с кровлей, крытой древесной корой, аманатскую избу, амбары для мягкой рухляди и съестных припасов, окружив постройки частоколом. Таким можно представить себе Анадырское зимовье. В нем отряд Дежнева провел зиму 1649/50 года.

Очередная зима не застала русских врасплох. На зиму они заготовили запасы мороженого мяса и рыбы. Яма, прорытая до слоя вечной мерзлоты, служила надежным естественным погребом. У соседей-аналулов всегда можно было добыть свежей оленятины. Доста-

точно было и топлива. За зиму Дежнев вполне оправился от раны, полученной в схватке с анаулами. Исключительная выносливость и железное здоровье и на этот раз победили хворь. Однако надежды на Анадырский край как край несметных пушных богатств не оправдались. Обследовав бассейн Анадыри, Дежнев и его товарищи не находили здесь ожидаемых «соболиных угодий и мест». Это и дало основание Семену Ивановичу сообщить якутскому воеводе во второй своей отписке, составленной в 1655 году: «А ре(ка) Анандырь не лесна, и соболей по ней мало, с вершины самой листвягу днишней на шесть или семь, и иново черново лесу нет никако(во), кроме березнику и осинника и от Маена, кроме тальника, (нет) лесу никаково... мало, а о берегов лесу не широко, все тундра да камень». Зато Дежнев мог отметить, что река Анадырь богата рыбой. «А рыбы красной приходит много, и та рыба, что... от моря идет добра, а вверх приходит худа, потому что та рыба замирает вверху Анандыри реки, а назад, к морю не выплывает». Речь идет о лососевых, кете и горбуше, которые идут в верховья реки нереститься и там гибнут после нереста. «А белой рыбы добываем мы мало, потому что сетей у нас добрых нет», — сообщает далее Дежнев.

Обследование Анадырского края позволило Дежневу составить чертеж, о котором есть упоминание в вышеупомянутой отписке. «(А той рек)е с Анандыре чертеж: с Анюя реки и за Камень на вершину Анандыри и которые реки впади большие и малые, и до моря, (и) до той корги, где залегает зверь». К сожалению, этот важный документ, представляющий, вероятно, упрощенный схематический рисунок, до сих пор не обнаружен исследователями либо вообще утрачен.

Составление чертежей, упрощенных карт, было широко распространено в практике землепроходцев. О них имеются упоминания во многих документах XVII века. Составлялись чертежи городов, речных систем, уездов,

Кочи Дежнева в Чукотском море — фрагмент экспозиции музея Арктики и Антарктики.

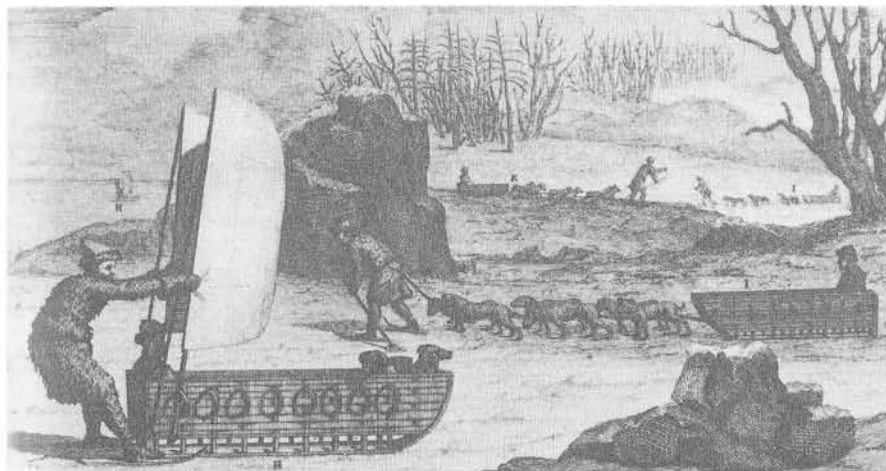

Панорама Якутска начала
XVIII в.

Башня Якутского острога —
1683 г.

Упряжка собак и сани (из книги
Н. Витсена).

Стрелецкий полковник XVII в.
(по гравюре Лепренса).

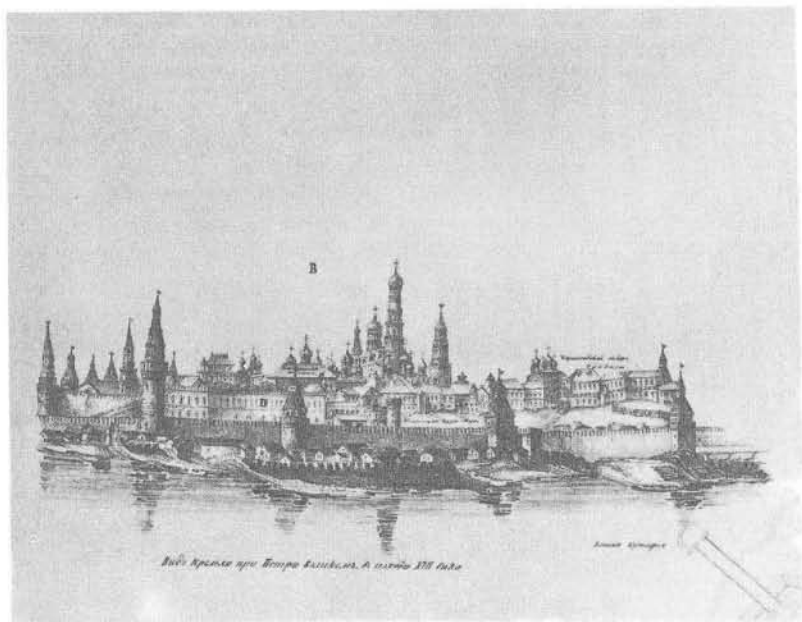
Московский стрелец XVII в.
(по гравюре Лепренса).

Панорама Москвы от
Воробьевых гор по Витсену.

Вид Кремля в начале
царствования Петра I (конец
XVII в. по гравюре Пикаро).

Покровский собор в Москве (из
книги Олеария).

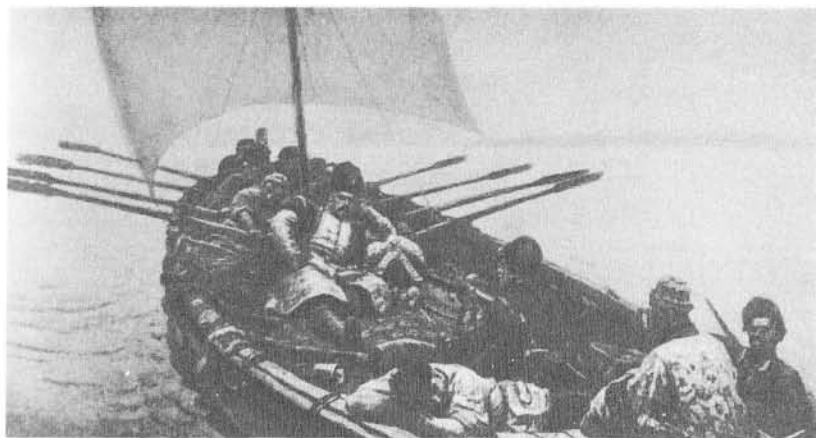
Типы XVII в. Боярыня Морозова.
Этюд к картине Сурикова
(1886).

Типы XVII в. Стрелец в шапке.
Рисунок В. И. Сурикова.
1879.

Степан Разин. Этюд к картине
В. И. Сурикова. 1910.

Степан Разин на Волге
(В. И. Суриков, 1907).

Старая Москва. Рис.
А. М. Васнецова. 1905.

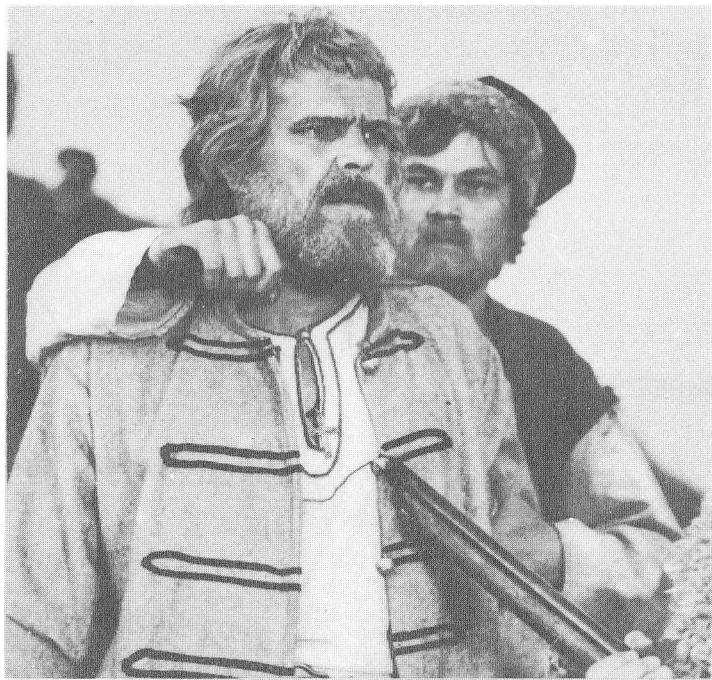
Типы XVII в. Иностранец
в Москве (этюд В. И. Сурикова,
1879).

Расцвет Кремля. Всехсвятский
мост и Кремль в конце
XVII в. Акварель
А. М. Васнецова (1922).

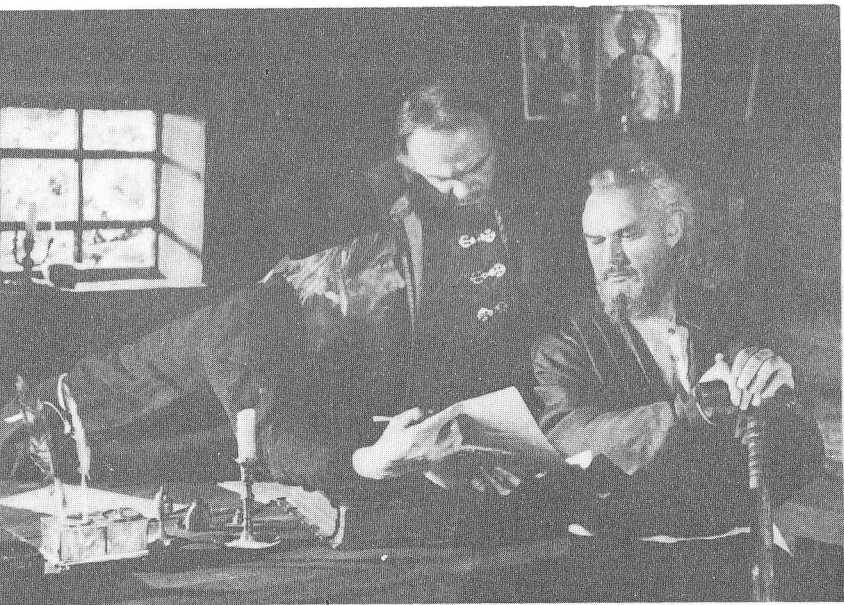
Артист Алексей Булдаков
в фильме «Семен Дежнев»
(постановка Николая Гусарова).

Артистка Маргарита Борисова в
роли жены Дежнева Абакаяды в
фильме «Семен Дежнев».

Кадр из фильма «Семен
Дежнев». В роли Михайло
Стадухина Леонид Неведомский.

Кадр из фильма «Семен
Дежнев».

Скульптурный портрет
С. И. Дежнева из экспозиции
музея Арктики и Антарктики в
Ленинграде.

Кадр из фильма «Семен
Дежнев».

волостей, разных «землиц» и пр. Но из них сохранились до наших дней единицы. Н. Н. Оглоблин в конце прошлого века просмотрел книги документов Сибирского приказа (всего 2048 столбцов) и обнаружил среди них только три чертежа. Нельзя исключить, что некоторые чертежи еще могут быть найдены.

Давно на Колыме, да и в Якутске не было никаких известий о судьбе Дежнева и его товарищей. Многие считали их погибшими. Через аборигенов доходили неясные слухи о том, что плыли по морю на кочах какие-то русские, а в пути потерпели крушение. Сам Дежнев из-за малочисленности своего отряда и из-за незнания сухопутной дороги не решался послать одного или нескольких из своих людей с почтой до ближайшего русского зимовья. А тем временем стремление достичь загадочную реку Погычу — Анадырь с ее якобы несметными пушными богатствами охватывало все новых и новых торгово-промышленных людей, казаков. Среди них был Иван Ерастов, под началом которого Дежневу в дальнейшем придется служить. Весной 1646 года 38 казаков во главе с Ерастовым в Якутске подали челобитную на имя воеводы с просьбой отпустить их в плавание на поиски той реки. О Погыче Ерастову, вероятно, рассказывали колымские юкагиры еще во время его службы на Индигирке. Воевода В. Н. Пушкин благосклонно отнесся к челобитной и распорядился дать для новой экспедиции два казенных коча с судовой снастью. Следующим летом корабли вышли из устья Лены, но встретив ледяные заторы и сильные противные ветры, вынуждены были зазимовать в Устьянске. Далее по какому-то неясным причинам Ерастов был устранен от руководства экспедицией, и его место занял Михайло Стадухин. Вероятно, сыграли свою роль его связи. Тогда же к экспедиции присоединилась ватага беглых и промышленных людей.

Среди участников стадухинского похода был и Юрий Селиверстов, уроженец Северной Двины, человек опыт-

ный. Среди примкнувших к экспедиции беглых главной фигурой был Василий Бугор, человек, как мы видели, дерзкий и беспокойный по натуре, активно участвовавший в волнении служилых людей в Якутском остроге в 1647 году. Возможно, он стал одним из главных проводителей этого выступления против властей. Причиной волнений послужили поборы воеводской администрации, наложившей на казаков дополнительные повинности. Известно, что еще в 1640 году Бугра, как социально опасного человека, возмутителя беспорядков, власти выслали вместе с другими служилыми людьми за пределы воеводства, в Енисейск. Через несколько лет он, видимо, был прощен и получил возможность вернуться в Якутск. В начале навигации 1647 года Бугор в числе двадцати двух служилых людей, среди которых было даже два пятидесятника, покинули острог и стали вести образ жизни разгульной ватаги беглых. Многие из них оказались в стадухинском отряде.

Свою попытку пройти морем на Погычу-реку Стадухин смог предпринять только в 1649 году, то есть уже год спустя после похода Алексеева — Дежнева. По существу, это была попытка повторить уже состоявшееся плавание 1648 года.

Плавание Стадухина закончилось неудачей. Один из его кочей погиб. Пройдя семь суток и исчерпав запасы продовольствия, а также, видимо, столкнувшись с неблагоприятными погодными условиями, он повернул обратно. Насколько далеко на восток от устья Колымы, вдоль побережья Ледовитого океана могла пройти стадухинская экспедиция? По подсчетам М. И. Белова, исходящего из того, что при хорошей погоде коч мог пройти в сутки от 200 до 250 километров, Стадухин, вероятно, преодолел 1400—1750 километров. Иначе говоря, он мог дойти до Колючинской губы. Здесь произошла встреча с «коряками», упомянутыми Стадухиным в его отписке якутскому воеводе. Видимо, «коряками» он ошибочно называл эскимосов или чукчей.

«И от Ковыми-реки морем бежали семеры сутки, — сообщал М. Стадухин, — паруса не опускаючи, а реки (Анадыри. — Л. Д.), не дошел, и поймал языков — живут возле моря на берегу, иноземцев коряцких людей: и в распросе... сказывали, что-де реки мы близко не знаем, потому что возле моря лежит Камень-Утес, конца камня не знают». От языков Стадухин стремился получить сведения о предыдущей экспедиции. И вот что он узнал: «А которые служилые и торговые люди Ерасимко Анкудинов, Семейка Дежнев и с ними девяносто человек в прошлом во 156 (1648) году с Ковыми-реки пошли на ту реку Погычу (Анадырь. — Л. Д.) на семи кочах, и про них те ж языки сказывали: два коча на море разбило, и наши-де люди их побили, а достальные люди жили-де край моря и про них-де мы не знаем, живы они или нет».

Ценность этого свидетельства в подтверждении гибели двух кочей из экспедиции Дежнева — Алексева в Ледовитом океане. Прибрежные жители, чукчи или эскимосы, которых Стадухин называл «коряками», видимо, наблюдали гибель двух кочей или же видели их обломок. Часть экипажей, очевидно, смогла добраться до берега и там вступила в столкновение с аборигенами, которые и перебили русских. Если согласиться с этим правдоподобным рассказом, то далеко не все корабли русской экспедиции 1648 года добрались до Берингова пролива и вышли в Тихий океан.

Итак, Стадухин с товарищами возвратился на Колыму. Если согласиться с мнением М. И. Белова, что стадухинская экспедиция добралась до Колючинской губы, то ей оставалось каких-нибудь один-два перехода до Берингова пролива. Однако Стадухин не рискнул повторить плавание. Неудача морского похода заставила его задуматься о достижении Анадыри сухим путем. От ходынского (юкагирского) мужика Ангара колымские казаки узнали подробности пути на Анадырь через Анюй, верховья которого близко подходят к анадырским

верховьям и разделены хребтом. Этим путем пользовались кочевники-юкагиры, перегоняя оленей стада. Сведения, полученные от Ангара, еще больше разожгли стремление колымских промышленных людей отправиться на поиски Анадыри.

Представитель якутских властей, боярский сын Власьев назначил главой экспедиции, в которой были заинтересованы богатые торговые и промышленные люди, Семена Иванова Мотору, опытного казака, выслужившегося из гулящих людей. Еще год назад Мотора пытался достичь Анадыри сухим путем, но, не зная дороги, проблуждал по горам и вынужден был возвратиться назад. Отряд его, состоявший из 9 служилых и 30 промышленных людей, отправился в поход в сопровождении проводника-анаула еще по зимнему снегу, в начале марта 1650 года. В путь двинулись собачьи и оленьи упряжки, навьюченные тяжелой поклажей олени. Мотора вез с собой наказную память — письменное предписание о назначении его приказным на Анадырь. Подписывая этот документ, Власьев не был осведомлен о том, что Дежнев уже находится на Анадыри и действует там как правительственный представитель. Те сведения, которые Стадухин получил от прибрежных чукчей или эскимосов во время неудачной его экспедиции, не прояснили судьбу Дежнева и его товарищей. На Колыме все еще не знали, жив ли Семен Иванович, уцелел ли вообще кто-нибудь из экспедиции 1648 года. Поэтому назначение Моторы анадырским приказчиком никак не следует расценивать как выражение недоверия к Дежневу.

Честолюбивый Стадухин был раздосадован и взбешен тем, что возглавлять поход и представлять власть на новой реке было поручено не ему, казачьему десятнику, человеку состоятельному и со связями, а худородному Моторе. Стадухинский отряд поспешно выступил вдогонку Моторе и нагнал его на Анюйском хребте. Отношения между двумя предводителями стали враж-

дебными. Задиристый Стадухин постоянно провоцировал ссоры и стычки.

На Анадырь пришла весна. Однажды Дежнев и его спутники услышали возгласы каких-то людей и лай собак. К зимовью приближался большой караван. Люди, сидевшие на нартах, и погонявшие собак и оленей, по одежде казались своими, русскими. Обрадовались пополнению дежневцы, выбежали навстречу пришельцам. Но когда упряжки были уже совсем близко, Дежнев различил среди прибывших людей старого недруга своего Стадухина и с досадой подумал, что вот и пришел конец мирной жизни в маленьком зимовье. Что еще вытворит беспокойный и заносчивый Михайло?

С Моторой, человеком спокойным, выдержанным, Семен Иванович поладил. Они полюбовно договорились объединить оба отряда в один сводный. Дежнев безоговорочно признал старшинство своего тезки, подкрепленное наказной памятью, став его заместителем. Со Стадухиным добрые отношения никак не налаживались. Не скрывая своей неприязни к Дежневу и к Моторе, Михайло их власти над собой не признавал, действовал самочинно, вел себя заносчиво, высокомерно. Стадухинцы обособились, поставив себе отдельное зимовье.

«А тот Михайло Стадухин пришел (с Ко)лыми реки вверх Анюя реки марта в 26 день и стали станом после нас (близко), — узнаем мы из отписки Дежнева. — А как те иноземцы пришли к нам с ясаком, и взяли мы государева ясаку под того аманата 9 соболей. А тот Михайло с товарищи в ту же пору об ясашном (сбо)ре учинил стрельбу из оружия, неведомо для чего, и тех иноземцев отогнал. (И) мы его, Михайла, унимали. И он нас не послушал». Вот одна из выходов разгульного Стадухина. Едва ли не в первый день пребывания на Анадыри он разогнал выстрелами толпу мирных анаулов, которые пришли с ясаком.

Без ведома Моторы, вступившего в должность приказчика на Анадыри, стадухинцы напали на мирных

ясачных юкагиров, с которыми прежде Дежнев установил добрососедские отношения, и пограбили их. «И пришел Михайло Стадухин (к) ясачному зимовью не приворочивал и тех анаульских людей погромил», — сообщает Дежнев. Далее мы узнаем из его отписки, что ограбленные стадухинцами анаулы, подвергшиеся к тому же нападению со стороны другой части анаулов во главе с их предводителем Мекерой, не смогли выплачивать ясак.

Отношения между Дежневым и Моторой с одной стороны и Стадухиным с другой становились все более и более напряженными. Беглые казаки из стадухинского отряда, напоминавшие разбойную ватагу, задирали служильных и промышленных людей из отряда Моторы — Дежнева. Не раз вспыхивали драки. Зачинщиком драк чаще всего был сам Стадухин, подававший дурной пример подчиненным. С людьми он бывал груб, часто позволял себе рукоприкладство.

Бесчинства стадухинцев могли иметь опасные последствия, обострить отношения между русскими и аборигенами края, вызвать с их стороны озлобление и вооруженное сопротивление. А это могло поломать порядок, сложившийся благодаря такту и выдержке Дежнева, нарушить исправный ход поступления ясака в государственную казну. Мотора и Дежнев не на шутку встревожились и не раз пытались обуздать Стадухина. Когда стадухинцы осадили анаульский острожек, Дежнев с товарищами поспешил туда же, пытаясь увещаниями охладить пыл стадухинцев и предотвратить кровопролитие. «И яз, Семейка, с товарищи пришел к тому Анаульскому острожку к нему, Михайлу, с товарищи и стал ему говорить, что делает он негораздо, побивает иноземцов без разбору». С анаулами Дежнев вступил в переговоры и уговорил их вынести ясак, чтобы обойтись без дальнейшего кровопролития. Как Стадухин среагировал на вмешательство Дежнева — об этом сообщает сам Семен Иванович: «И он, Михайло,

учал меня, Семейку, бить по щекам, а ополнники (выделанные шкурки. — Л. Д.) из рук вырвал».

Не давала покою честолюбивому Стадухину мечта сделаться полновластным хозяином на Анадыри. Любой ценой сделаться. Главной помехой на пути к достижению цели был Семен Мотора, наделенный официальными полномочиями колымского приказчика. И Стадухин начинает действовать, не гнушаясь применять прямое насилие. Мотора внезапно исчез. Тщетно ожидали его товарищи девять суток. А на десятые пришел он в зимовье истерзанный и поведал, что же с ним произошло. Схватили его люди Стадухина и заковали в колоду. И держали его в колоде, подвергали угрозам и запугиваниям до тех пор, пока не согласился Мотора подписать «добровольное» отречение от своих прав начальника правительственного отряда и анадырского приказчика в пользу Михайлы Стадухина. Чтобы высвободиться из плена, Мотора такое обязательство подписал, посмеиваясь, что обманул врага. Подписанную им клятву, которую вытянули из него бесчестным насилием, он собирать не собирался.

Стадухин старался также переманивать людей из отряда Моторы — Дежнева в свой отряд, прибегая как к уговорам, так и к запугиваниям. Об этих из ряда вон выходящих событиях сообщает не только сам Дежнев, но и Федор Вегошка в своей челобитной от 4 апреля 1655 года. «Велел де нам Михайло Стадухин говорить вам всем семеновым товарищем, чтобы вы пошли и били челом в полк ему Михайле, а буде де не послушаете и к нему Михайлу в полк не пойдете и вас де Михайло велит побивать всех на голову... и дорогою идучи по Анадыре, он Михайло у нас приказного служилого человека Семена Мотору, распиша на ходу, сильно взял, и жил он Семен у Михайла Стадухина девять дней, а на десятый день пришел он Семен к нам на дороге и сказывал: сажил де меня Михайло Стадухин в колоду, и вымучил де у меня такое письмо, что де мне Семену

с товарищи, не наказной памяти, твоей государевы Анадырской службы стоб не служить, а быть де ме с товарищи под началом у него Михайла...»

История с похищением Моторы вызвала в отряде глубокое возмущение. Люди кипели негодованием и готовы были взяться за оружие. Мотора и Дежнев стали совещаться, что делать дальше, как избежать дальнейших усобиц, а может быть, и кровопролития. Было ясно, что упрямый и злобный Стадухин не остановится и будет стремиться любыми средствами сломить волю соперников, либо выжить их с Анадыри. «И в том что яз стал государеву службу служить с Семеном Моторою с товарищи собща, потому что мы люди невеликие, и стал он, Михайло, на нас рнитца и всякими обычаями изгонять», — сообщает Дежнев якутскому воеводе.

И оба предводителя объединенного отряда принимают решение идти по первому снегу на нартах на реку Пенжину, расположенную к юго-западу от Анадыри, за горным хребтом. К Пенжине довольно близко подходят истоки правого анадырского притока Майна. Однако этим путем русские еще никогда не ходили и поэтому представляли его себе очень смутно. О Пенжине, по берегам которой проживают коряки, первые сведения могли поступить от колымских анаулов, рассказывавших о пушных богатствах Пенжинского края. Цель предполагаемого похода заключалась в том, чтобы выйти в богатые пушиной земли и объяснить проживавшие там племена.

О попытке достичь Пенжины узнаем все из той же отписки Дежнева. «И мы, служивые и промышленные люди Семен Мотора и яз, Семейка Дежнев, с товарищи с служивыми и промышленными людьми, бегаючи и укрываючись (о)т его, Михайловы, изгони, пошли мы осенью нартным путем вперед на захребетную реку Пянжын (Пенжину. — Л. Д.) для прииску и приводу под государеву царскую вы(соку)ю руку вновь неясачных людей».

Попытки достичь Пенжины закончились неудачей. Не располагая проводником, отряд три недели проблуждал по гористой безлюдной местности на водоразделе между бассейном Анадыри и верховьями Пенжины. Кончились съестные припасы. Пришлось ни с чем возвращаться в прежнее Анадырское зимовье. Стадухин было радовался, что выжил своих соперников с Анадыри. Теперь же ему снова пришлось мириться с их соседством. Пытаясь покинуть Анадырский край, отряд Моторы и Дежнева не подготовился к зимовке, не заготовил на зиму припасов и поэтому оказался в тяжелом положении.

Поздней осенью 1650 года Мотора, Дежнев и Стадухин совершили поход на анаулов, проживавших на Анадыри ниже дежневского зимовья. Пожалуй, это единственный пример совместных действий правительственного отряда и стадухинцев. Походу предшествовали следующие события. Несколько ранее, возможно, еще до неудачной попытки Моторы и Дежнева достичь Пенжины, Стадухин послал девятых служилых и промышленных людей вниз по Анадыри к анаулам, очевидно, для сбора ясака. Анаулы перебили всех их и отошли ближе к устью. Факт этот знаменателен. Своей заносчивостью и жестокостью Стадухин восстановил против себя местное население, с которым Моторе и Дежневу удавалось ладить. Так что вина за случившуюся трагедию целиком ложится на Михайлу. Таким образом стадухинский отряд был существенно ослаблен. Это и заставило самонадеянного Стадухина полагаться на этот раз не только на свои собственные силы, а объединить свои усилия с отрядом Моторы — Дежнева.

«И мы ходили к ним, анаулам, вниз Анандыри реки, и у них зд(елан ост)рожек, и мы их из острожку вызвали, чтоб оне государю вину свою при(не)сли и ясак бы государев с себя дали. И они, анаулы, стали с нами дратца», — рассказывает Дежнев. Защитники острожка схватились с нападающими в рукопашном бою. Они были вооружены топорами и ножами, насаженными на

древки. Ловко владея этим оружием, анаулы нанесли русским серьезные потери. В ожесточенной схватке были убиты служилый человек Суханка Прокопьев и трое промышленных людей, несколько человек получили тяжелые ранения. Одного из них топором изранили в голову, и он был немощен всю зиму, двоих ранило стрелой в лицо. «И бог нам помог тот их острожек взять и их, анаулей, смирить ратным боем», — завершает свой рассказ Дежнев. Чтобы заставить смилившихся анаулов выплачивать ясак, русские взяли из острожка аманата, «лутчево мужика» Кайгоню.

Совместный поход на анаулов не изменил поведения Стадухина, не смягчил напряженности в его отношениях с правительственным отрядом. Примечательны следующие события. В январе 1651 года возвращались в дежневское зимовье с низовьев Анадыри промышленные люди Михаил Захарьев, Безноска Остафьев и Афонька Андреев с их покручениками. Голодно было в зимовье. «А те наши товарищы, живучи у государевы казны и у аманата, помирали голодною смертью, кормились корою кедровою. А что было небольшое место свежей рыбы, и то пасли и кормили потолику государеву аманату, чтоб ему с нужды, оцыняжав, не умереть», — так описывает Дежнев тяжелое положение, в котором оказались он и его товарищи. Они с нетерпением ждали Захарова и его спутников, возвращавшихся со свежими запасами продовольствия и одежды, видимо, приобретенной у мирных анаулов.

Стадухин прослышал о том, что к зимовью подходит караван Захарова, и перехватил его на пути. Стадухинцы повели себя как разбойники, разграбили караван, захватив и продовольствие, и одежду, и оружие, и даже нарты с собаками, а Захарова и его товарищей били смертным боем. Не от туземцев, от своих пострадали промышленные люди. Ограбленные, избитые, голодные, добрались они до зимовья, горько жалуясь Моторе и Дежневу. После этого происшествия обстановка на

Анадыри снова накалилась до предела, и нависла угроза вооруженной стычки между соперниками. Но стычка не произошла только потому, что стадухинцы внезапно ушли на юг, и Мотора, Дежнев с товарищами смогли вздохнуть с облегчением.

Стадухин убедился, что на Анадыри, бедной пушным зверем, мало простора для двух отрядов, и решил пойти на поиски новой реки. В феврале того же года он со своими людьми покинул Анадырь и направился на юг, на Пенжину. Далеко не все стадухинцы последовали за своим атаманом. Тяжелый характер Михайлы Стадухина повседневно испытывали на себе даже старые его сообщники. В то же время Мотора и Дежнев, люди спокойные и уравновешенные, своими нравственными качествами, несопоставимыми со стадухинскими, привлекали. Принял решение порвать со Стадухиным Василий Бугор, первооткрыватель Лены. Он пришел в зимовье к Моторе и Дежневу и выразил полную готовность служить государеву службу, исполнять все поручения предводителей отряда. Об этом мы узнаем из челобитной Бугра и Евсевия Павлова. «Тогож 159 (1651) году, февраля в 9 день Михайло Стадухин пошел на новые реки на Пенжин, а мы холопи твои государевы по нуже ради остались, потому, государь, что нам подъемы становились великою дорогою ценою, а нам подняться нечем, и мы Васька Бугор и Евсейко остались на Анадыре реке, и пристаи мы к Семену Иванову Моторе; и мы вместе с ним с Моторою вместе стали делать кочи...»

Примеру Василия Бугра и Евсевия Павлова последовали и их товарищи по скитаниям, среди них беглый казак Шалам Иванов, вскоре смертельно раненный в схватке с ходынцами на вершине Анюя. К отряду Моторы и Дежнева присоединились и другие беглые казаки, бывшие стадухинцы, и в их числе Никита Семенов, Павел Кокулин. Это пополнение компенсировало те потери, которые отряд понес минувшей осенью.

А дальнейшая судьба Стадухина была такова. Ему

успешно удалось достичь той цели, которую не смогли достичь Мотора с Дежневым. С поредевшей ватагой он перевалил через горы и вышел на Пенжинку, очевидно, с помощью местного проводника. Этот поход можно считать пред историей проникновения русских на Камчатку сухопутной дорогой. Мы видели, что первыми русскими, попавшими на Камчатский полуостров, были люди из отряда Федота Алексея, но они достигли этого края морем. Местные обитатели, коряки, заселявшие долину Пенжины, как и Олюторский полуостров и север Камчатки, встретили небольшой русский отряд недоверчиво. Вероятно, не раз вспыхивали вооруженные столкновения. Не рассчитывая закрепиться на Пенжине со своими слабыми силами и опасаясь коряцких нападений, Стадухин принял решение идти дальше. Его люди построили суда и морем перешли в устье соседней реки, Гижиги. Переход с Пенжины на Гижигу занял три дня. Но и там не миновала опасность нападений на отряд со стороны коряцких племен, довольно многочисленных. Тогда Стадухин покинул Гижигу и в конце концов достиг устья небольшой реки Тоуй, впадавшей в Охотское море, и там построил острожек. Оттуда русские совершали вылазки для объяснения местного населения и сбора ясака.

Совершая свой переход с Анадыри на Пенжинку, Стадухин мог убедиться, что между этими реками в море выдается большой выступ суши. Речь идет о полуострове Камчатка. Однако камчатская земля осталась в стороне от поля деятельности стадухинского отряда. Интенсивное освоение русскими Камчатки началось в самом конце XVII века. Это было связано с походом Владимира Атласова. Но имеются неопровержимые свидетельства, что на Камчатку русские ходили еще в середине века. И среди них был казачий десятник Иван Меркурьев Рубец.

В течение шести лет воеводская администрация не получала никаких сведений о Стадухине. Полагали, что

он погиб — то ли утонул, то ли замерз на горном перевале, то ли пал в стычке с каким-нибудь воинственным племенем. Но Михайло в конце концов дал о себе знать. Летом 1657 года стадухинский отряд вышел по побережью Ламского (Охотского) моря к Охотскому острогу с богатой ясачной казной, собранной с коряков и эвенков. Через два года Стадухин вернулся в Якутск.

Личность Михайлы Стадухина нельзя оценивать однозначно. Это был сын своего века, дерзкий, отважный, решительный, с крутым нелегким характером, доставлявший своим сослуживцам немало тягот. Он мог обидеть слабейшего, ограбить товарища. В основе его вражды с Дежневым лежало непомерное честолюбие, стремление первенствовать. Но пусть эти дурные черты его характера не заслоняют в нем отважного первопроходца. Он и Семен Мотора были первыми русскими, которые прошли сухопутной дорогой с Колымы на Анадырь. Стадухину принадлежит честь первооткрывателя рек Пенжины и Гижиги. Вслед за ним, в 1651 году на Гижигу с Колымы отправился с отрядом «охочих людей» Иван Баранов. Открытиями Стадухина и Баранова воспользовались русские первопроходцы, достигшие Камчатки сухим путем через Гижигу и Пенжинку. Говоря о смелых подвигах и заслугах Федота Алексея и Семена Дежнева, мы не должны забывать о Михайле Стадухине, Василии Бугре, Семене Моторе, Юшке Селиверстове и многих других замечательных людях того времени, внесших общий вклад в дело исследования и освоения Северо-Восточной Сибири.

Уход Стадухина на Пенжинку разрядил напряженную обстановку на Анадыри. Теперь люди не опасались разбойных нападений стадухинцев. Наладились отношения и с местным населением. Руководители отряда принимают решение спуститься вниз по реке и тщательно обследовать устье, лиман и прилегающие берега Анадырского залива. Если Анадырь беден соболями и другим пушным зверем, то не порадует ли побережье моря

лежбищами морского зверя? Не удастся ли наладить там промысел «рыбьего зуба», иначе говоря, моржовой кости, которую так ценят и в Якутске, и в далекой российской столице? У аборигенов края русские могли видеть разные украшения из моржовой кости. Стало быть, моржи здесь водятся.

Приготовления к экспедиции были прерваны. Мирные ясачные анаулы много терпели от Мекерки, предводителя их неясачных собратьев. Мекеркины люди грабили становища, захватывали пленников, в числе которых оказались родственники аманата Колупая. Анаулы обращались к русским с многочисленными жалобами и просьбами наказать обидчиков. Зимой 1652 года был предпринят поход против анаульского князца Мекерки. «И Семен Мотора и я, Семейка Дежнев, с товарищи на того Мекерку с родниками в поход ходили и призывали его, Мекерку, под государеву царскую высокую руку. И он, Мекерка, с родниками учинился (не) послушен, и стали нас стрелять». На русских обрушился град стрел, выпущенных меткими лучниками. Трагическим последствием этого столкновения была гибель Семена Моторы. Получили ранения Павел Кокоулин, прохворавший перед этим всю зиму после предыдущих тяжелых ран, нанесенных ему при столкновении у анаульского острожка, и с ним еще двое. Были раненые и среди Мекеркиного воинства, обратившегося в бегство.

Гибель Моторы, человека уже немолодого, незлобиво, вызвала общую скорбь. Его похоронили с почестями, прочитав над покойным молитву, и водрузили над могилой деревянный крест. Предводителем отряда и представителем власти на Анадыри становится теперь Семен Иванович Дежнев. Он пользовался авторитетом и влиянием среди товарищей, безоговорочно признавших его лидерство. Видимо, по настоянию «беглых» (в основном это были беглые стадухинцы) Дежнев избрал в качестве помощника одного из них, Никиту Семенова. Теперь на них двоих лежала вся ответственность за

судьбу отряда, аманатов, сохранность соболиной казны. С Семеновым Дежнев, видимо, ладил. Никаких упоминаний о каких-либо трениях между ними в отписках мы не находим. Кстати, вторая отписка Дежнева на имя воеводы И. П. Акинфова, составленная 4 апреля 1655 года, писалась уже от имени не только Семена Ивановича, но и его помощника Никиты, причем оба названы «приказчиками Анадырского острожка».

Соорудив кочи, Дежнев с товарищами спустились вниз по Анадыри, когда река очистилась от льда. Они обследовали не только устье реки и лиман, но ближайшие берега Анадырского залива и были поражены обилием морского зверя. Но самое ценное открытие заключалось в обнаружении большого морского лежбища на одной из отмелей. Здесь копошились бурые бугристые туши животных с клыкастыми усатыми мордами. Стадо испускало оглушительный рев, напоминавший то собачий лай, то коровье мычание. При приближении кочей с людьми рев усиливался, животные настороженно вглядывались зоркими круглыми глазами в непрошенных пришельцев. Некоторые безопасности ради семенили к кромке берега, неуклюже переваливаясь с боку на бок, и тяжело плюхались в воду. Отдельные особи, должно быть, старые самцы, достигали внушительных размеров — четырех и более метров. Поморы знали, что на берегу морж неуклюж и опасности для человека не представляет. Но встреча промысловой лодки с разъяренными моржами, особенно ранеными, в открытом море чревата опасными последствиями. Крепкие моржовые клыки могут легко пробить борт лодки.

Об открытии лежбища Дежнев сообщает следующее: «И того ж 160-го (1652-го. — Л. Д.) году пошли мы в судах на море, чтоб где государю учинить прибыль большая. И нашли усть той Анадыри реки корга (морская отмель. — Л. Д.) за губою вышла в море. А на той корге много вылегает морской зверь морж, и на той же корге заморной зуб зверя того. И мы, служивые

и промышленные люди, того зверя промыслили и заморной зуб брали». Заморный зуб — это клыки мертвых животных, которые также служили предметом промысла. Его было много на лежбище. «А зверя на корге вылегает добре много, — продолжает далее Дежнев, — на самом мысу вкруг с морскую сторону на полверсты и больше места, а в гору сажена на 30 и на 40. А весь зверь с воды с моря не землю не вылегал; в море зверя добре много у берегу».

Открытие вышеописанной отмели приобретало важное значение. Возможность добывать моржовую кость создавала внушительный источник доходов, который не могли дать ограниченные пушные богатства Анадырского края. Теперь пребывание русских на Анадыри приобретало особую целенаправленность. С таким обилием морского зверя поморы не встречались у себя на родине, в Русском Поморье. Здешняя корга обеспечивала долговременную добычу ценного «рыбьего зуба».

В районе открытого ими моржового лежбища дежневцы пробыли около полумесяца. Этот срок можно установить из свидетельства самого Дежнева. «А на (кор)гу мы пришли 160-го году канун Петрова дня и Павлова верховных апостол (то есть 29 июня. — Л. Д.). А с корги мы пошли вверх по Анадыре июля в 11 день». Недостаток времени не дал возможности дежневцам организовать широкий промысел, и они отложили его до будущего сезона. Все же удалось добыть до 150 пудов моржовой кости, оценивавшейся в три тысячи рублей, огромную по тому времени сумму.

Отряд возвратился к своему зимовью, спеша к нересту лосося. Продовольственные запасы подходили к концу, и надо было позаботиться об их пополнении на предстоящую зиму и прежде всего заняться рыбной ловлей.

Теперь, когда в амбарах зимовья скопилось изрядное количество мягкой рухляди и рыбьего зуба, Дежнев решает, что настало время дать о себе знать, доставить

в Якутск или хотя бы на Колыму собранную за последние годы пушнину и моржовую кость и отчитаться перед властями о своей деятельности в Анадырском крае. Сперва он был одержим намерением пойти на Лену морем, повторив свое полярное плавание, только в обратном направлении. Семен Иванович с товарищами подбирали древесину для строительства надежных кочей, снасти, расспрашивали местных жителей о состоянии ледовой обстановки на море. Об этих приготовлениях нам известно из второй отписки Дежнева. «А во 161-м (1653-м. — Л. Д.) году мы, Семейка и Микитка, с товарищи лес добыли и хо(тели) з государевою казною отпустить морем в Якутский острог. И яз, Семейка, с товарищи то ведали, что море большое и сувои (водовороты, толчея. — Л. Д.) великие о землю блиско, (без до)брой снасти судовой и без доброво паруса и якоря итти не смели. И ино(зе)мцы говорят, не по вся де годы льды от берегов относит в море».

По здравому размышлению, Дежнев отказался от идеи морского похода. Не удалось собрать надежных снастей, не было паруса и даже якоря. Да и условия плавания ожидалось трудные.

Оставался сухой путь через Камень, водораздельный Анойский хребет между верховьями Анадыри и Аноя. Путь этот также был опасен, так как в горах можно было ожидать нападения со стороны немирных анаулов и чуванцев. Дежнев долго не решался воспользоваться этим путем, так как располагал малыми силами, не хотел дробить отряда, который понес, как мы узнаем из его отписки, большие потери. Шестеро, видимо, не вынесли суровых условий анадырской службы и ушли к Стадухину. Имена их известны. Среди них нет имен старых дежневцев, которые пришли с Семеном Ивановичем на Анадырь, пройдя Большой Каменный нос. По-видимому, это были люди, пришедшие на Анадырь с покойным Моторой, и бывшие стадухинцы. Старые соратники Дежнева — а их осталось немного — пред-

почитали служить под его началом и делить с ним все радости и печали.

В 1653 году отряд Дежнева ходил на неясачных чуванцев. В столкновении с ними были убиты служилый человек Иван Пуляев и четверо промышленных: Елфим Меркурьев Мезеня, Михаил Захаров, Иван Нестеров и Фома Кузьмин. Пуляев, Мезеня и Захаров были старыми ветеранами морского похода 1648 года. Трое получили ранения. Итак, отряд лишился теперь одиннадцати человек, если считать ушедших к Стадухину и убитых в стычке с чуванцами.

После долгих колебаний Дежнев направил в Якутск через Колыму казака Данилу Филиппова. Данила вез пудовый груз моржовой кости «для опыту», то есть в качестве образца, и челобитную Семена Ивановича. Мы не знаем подробностей его опасного пути через Камень, подвергался ли он нападениям немирных чуванцев и анаулов, ехал ли он в сопровождении местных проводников. Возможно, его спутниками стали ясачные анаулы с Анадыри. Миротлюбивая и гибкая политика Семена Дежнева позволила русским приобрести среди аборигенов немало искренних друзей. И они становились надежными проводниками. Как бы там ни было, Данила Филиппов добрался до Колымы со своим ценным грузом цел и невредим. Летом следующего года он приплыл на коче колымского целовальника Шубина в Жиганы на Лене, а оттуда добрался на нартах до Якутска.

В ту пору якутским воеводой был Михаил Лодыженский. Посылка Дежнева его порадовала. Вот она, моржовая кость, которую так ждут в Москве! Искусные мастера вдохнут в нее жизнь, превратят в чудесные фигурки, кубки, инкрустируют костяными пластинками парадную мебель для царских и боярских палат. Уж теперь-то государь московский обратит внимание на воеводское усердие, обласкает его, посмотрит сквозь пальцы на его мздоимные грешки, о которых доносят в столицу недруги воеводы. С восторгом разглядывал Ми-

хail Лодыженский желтоватые моржовые клыки, брал их в руки и приподымал на ладони, стараясь определить вес, потом передавал их ближайшим помощникам: дьяку, детям боярским, сотникам. Те в изумлении качали головами и теребили бороды.

Воевода распорядился незамедлительно снаряжать в Москву гонца, который доставит в Сибирский приказ присланную Дежневым кость. Самолично давал гонцу напутствия. Государственной важности дело! Ежели не довезешь государево добро... Воевода не закончил фразу и потряс кулаком перед носом оторопевшего казака.

Меньший интерес воевода проявил к челобитной Семена Ивановича, но все же прочел ее. Дежнев коротко сообщал о плавании вокруг восточной оконечности Азии, жаловался на тяготы жизни на Анадыри. Торговые люди, располагавшие некоторыми запасами товаров, пользовались спросом на них и продавали их служилым людям по десятикратным ценам. Пушальницу — сеть для ловли пушного зверя, приходилось покупать за тридцать рублей, аршин холста — за два рубля, фунт пороха — за пять рублей. Челобитчик жаловался на обнищание, долги и просил выплатить хлебное и денежное жалованье, которое ему не выплачивали вот уже десяток лет. Он также высказывал настойчивую просьбу прислать на Анадырь нового приказчика, который заменил бы его. Дежнев не был честолюбив, не стремился первенствовать над людьми. Об этом свидетельствовала его просьба прислать ему замену. Семен Иванович предпочитал избавиться от бремени администратора и заниматься собственным промыслом. Мы видели, что если ему и приходилось становиться начальником, то лишь ввиду вынужденных обстоятельств. Исчезновение Федота Алексеева сделало Дежнева руководителем экспедиции, вернее, ее остатков. Прибыл на Анадырь Мотора с наказной памятью, утверждавшей его права анадырского приказчика, и Семен Иванович безропотно признал его власть. Гибель Моторы стала той

неожиданной случайностью, которая вновь делала Дежнева начальником на Анадыри. Видимо, административное бремя тяготило его.

Все просьбы Семена Ивановича, изложенные в челобитной, воевода оставил без ответа.

Моржовая кость была благополучно доставлена в Москву. Руководители Сибирского приказа с удовлетворением узнали об открытии ценного лежбища. Добычей «рыбьего зуба» заинтересовался сам царь. В Якутск был направлен царский указ, предписывавший всемерно развивать на Анадыри добычу моржовой кости.

Известия о новых богатствах Анадырского края всколыхнули торговых и промышленных людей Колымы. По тропам и горным перевалам потянулись на Анадырь новые караваны.

Вернемся же к Семену Дежневу и его товарищам. В 1654 году Дежнев совершил два похода — первый на чуванцев и второй на коряков. Во время столкновения с чуванцами он был ранен ножом в грудь. Второй поход был вызван тем, что коряки приходили на моржовый промысел к той самой корге, облюбованной русскими, и стали таким образом их конкурентами. «Коряцкие люди на коргу под нас тайно удобства для приходят и зверя морского моржа промышляют для корму, — сообщал Дежнев. — И мы, яз, Семейка, с товарищи на них ходили и дошли их четырнадцать юрт в крепком острожке, и бог нам помог, тех людей розгромили всех...» Кстати, во время этого похода Дежнев «отгромил» у коряков ту самую «якутскую бабу», которая поведала о трагической судьбе Федота Алексеева Попова.

В конце апреля 1654 года к анадырскому зимовью подошел с отрядом служилых и промышленных людей Юрий (Юшко) Селиверстов. Он прошел с Колымы сухим путем через Анюйский хребет.

Мы видим, что еще летом 1650 года Селиверстов, находившийся тогда в стадухинском отряде, доставлял, по

поручению Стадухина, «костяную казну» с Колымы в Якутск. С устья Колымы до Лены он добирался на коче. Зиму Юрий провел в Якутске, а в июне 1651 года он подает челобитную на имя тогдашнего воеводы Дмитрия Францбекова, предшественника Лодыженского, с просьбой отпустить его на реку Погычу (Анадырь) для костяного промысла. По берегам моря «лежит многая заморная кость, можно той кости нагружать целые суда», — писал он в челобитной, заинтересовавшей воеводу.

Ознакомившись с челобитной Юрия Селиверстова, Францбеков увидел еще одну благоприятную для себя возможность нажиться и поэтому откликнулся на просьбу челобитчика довольно быстро. Воевода ссудил Селиверстову на подъем из казны более трех тысяч рублей, как якобы свои личные средства. За счет этой большой суммы удалось хорошо снарядить экспедицию, приобрести коч со снастями, много хлеба, по три пуда порохового зелья и свинца, большую партию традиционных подарков для аборигенов. Вместе с тем Селиверстов, как и многие промышленные люди, оказался в должниках у воеводы. Давая ссуды на снаряжение экспедиций, воевода опустошал казну. Служилым людям не выплачивали жалованья — на это не было средств. Должники обязаны были выплачивать долг не казне, а лично воеводе.

О репутации Францбекова, как отъявленного казнокрада, знали и далеко за пределами Московского государства. В 1652 году шведский дипломатический комиссар в Москве Иоганн де Родес писал в своем донесении королеве Швеции Христине, что Дмитрий Францбеков ограбил всю Сибирь и сбежал в Китай. В другом донесении де Родес вносит поправки — слухи о бегстве воеводы в Китай оказались лживыми, но характеристика воеводы как грабителя не опровергалась. Из дальнейших донесений дипломатического комиссара королеве Христине видно, что осведомленный и проницательный раз-

ведчик знал о близости Американского материка к Восточной Азии. Вероятно, в основу этой осведомленности легла какая-то информация, которой располагал Сибирский приказ.

Селиверстов отплыл из Якутска в конце июля. На коче с ним находилось 16 промышленных людей. Выйдя из ленского устья в море и взяв курс на восток, корабль миновал устье реки Яны и немного не дошел до Святого Носа. Здесь мореплавателей встретили сильные противные ветры, на море появились льдины, а потом и сплошные массы льда. Пришлось отойти к янскому устью и там зазимовать. Летом Селиверстов поплыл далее на восток и достиг Колымы, где набрал в свой отряд новую партию промышленных людей.

Первоначальным его намерением было идти в восточную часть Ледовитого океана и достичь Анадыри морем. Но, видимо, неблагоприятная ледовая обстановка в этом сезоне заставила Селиверстова отказаться от этого плана. Мы видим, что уже вторая попытка повторить плавание Алексева — Дежнева вокруг Чукотки не удалась. Первую такую попытку, также неудачную, предпринимал Михайло Стадухин. Отказавшись от первоначального плана, Селиверстов решает идти на Анадырь через Анюйский хребет, предварительно собрав на Колыме необходимую информацию об этом пути. Анадыри отряд достиг благополучно и вышел к дежневскому зимовью.

Отношения Юрия Селиверстова с Дежневым складывались трудно. Честолюбивый, склонный к интригам и самоуправству, напоминавший чертами характера Михайлу Стадухина, Селиверстов злоупотреблял поддержкой воеводы. Подходя к Анадырскому зимовью, он погромил и пограбил на пути преданных Дежневу мирных ходынцев. Среди пострадавших оказались родственники Чекоя, аманата, пользовавшегося доверием Семена Ивановича, вызывавшегося доставить через Анюйский камень на Колыму ясачный сбор русского

отряда. Селиверстов даже хвастал, что убил родного брата Чекоя.

Об этих бесчинствах Дежнев был вынужден написать в своей отписке. «И тех ясашных иноземц(ов) Чекчоевых родников он, Юрье, дошел к ним от ясашново зимовья во днище или как те иноземцы приходили в ясашное зимовье по вся дни, и он, Юрье, обошел ясашное зимовье, тех иноземцев разгромил: корм и всякой их промышленой завод поймал, а самим их иных ранил и насмерть у(бил)...»

Так Юрий Селиверстов начинал свою деятельность на Анадыри с открытого разбоя. Подобные самочинные действия наносили серьезный ущерб политике Семена Ивановича Дежнева, стремившегося завоевать доброе расположение юкагирских племен не силой оружия, а миролюбием, доброжелательным обращением.

Прибыв на Анадырь, Селиверстов пытался было претендовать на главенствующую роль, на место анадырского приказчика, хотя и не имел наказной памяти от воеводы, дававшей основания для таких претензий. Дежнева и Семенова он называл самозванными приказчиками. Но основная масса служилых и промышленных людей не поддерживала его притязаний и осталась на стороне Семена Ивановича.

Селиверстов внешне смирился с этим, но в душе заатаил злобу. Внешне сохраняя нормальные отношения с Дежневым, он плел против своего соперника тайные интриги и козни, посылал в Якутск всякого рода обвинительные доносы и клеветы. Прослышав об открытии дежневцами лежбища моржей, Селиверстов сочинил версию, что будто бы не Дежнев, а он, Юрий, вместе со Стадухиным открыл ту знаменитую коргу во время плавания 1649 года. Версия была от начала до конца лживой. Чтобы открыть данную коргу, Селиверстов и Стадухин должны были пройти мимо Большого Каменного носа через Берингов пролив. А этого на самом деле не произошло. Коч Стадухина, на котором нахо-

дился и Селиверстов, закончил свое плавание, как мы видели, на седьмые сутки после выхода из колымского устья. Стало быть, до Берингова пролива он не доходил.

Зачем Селиверстову понадобилось прибегать к столь явному обману? Очевидно, для того, чтобы добиться единоличного, монопольного права промышлять на корге. Лживость селиверстовской версии убедительно раскрыл Дежнев в своей второй отписке. «Писал де он, Юрье, в Якуцкой острог, что ту коргу и морсково зверя и заморную кость зверя того... приискал он, Юрье, преж сего как был с Михайлом Стадухиным, а не мы, (служы)вые и промышленные люди. И то он писал ложно, потому, знатно, что в (прош)лом во 158-м (1650) году писал с Колымы реки Михайло Стадухин... бежал де по морю семеры сутки, а реки де не дошли никакой... И он, Михайло, с товарищи и з беглыми служивыми людьми воротились в Колыму реку. А он, Юрье, был с ним же, Михайлом, и то он, Юрье, писал лож(но, по)тому, что не доходил он, Михайло, до Большою Каменново носу».

Посылал ли Селиверстов воеводе свою челобитную с лживым утверждением насчет открытия корги? Сам Дежнев как будто бы убежден в том, что да, посылал: «Писал де он, Юрье, в Якуцкой острог...» Если бы Семен Иванович не был в этом убежден, то не посылал бы воеводе свое опровержение. М. И. Белов считает обратное. «Очевидно, Селиверстов не решился послать свою челобитную в Якутск, узнав, что Дежнев собирается ее опровергнуть. В противном случае в архиве Якутской съезжей избы, где сохранились все челобитные Селиверстова, нашлась бы и эта бумага».

Вынужден был Юрий Селиверстов признать приоритет Дежнева на открытие корги. И все же он не унимается, пишет якутскому воеводе клеветническую жалобу — «Дежнев с товарищи меня Юшка не слушают, не дают на государя промышлять на той корге тое кости моржового зубу». И это была ложь. В действительности

Дежнев не препятствовал Селиверстову и его людям промышлять на корге, даже оказывал им всяческое содействие.

Пытался Селиверстов настраивать людей против Дежнева, вовлекать в интриги тех, кто почему-либо заглазил обиду на Семена Ивановича. Одним из таких оказался беглый казак Евсевий (Евсей) Павлов, вздорный и недисциплинированный, задиравший товарищей. Его постоянные проступки заставили Дежнева устроить суд над смутьяном. Для этого были выбраны судьи, люди наиболее авторитетные. Евсевий повел себя на суде вызывающе, пререкался с судьями, поносил их непотребными словами, стоял перед ними в развязной позе, опершись на палку. Не сдержался Семен Иванович, хотел малость поучить батогом Евсейку «за невежество». Павлов покинул судилище и в дальнейшем уклонялся от суда, перебежав в лагерь Селиверстова. Юрий охотно принял перебежчика.

По подстрекательству Селиверстова Евсевий Павлов и Василий Бугор составили донос на приказчиков и при первой оказии послали его воеводе Михаилу Лодыженскому. Донос содержал вздорное обвинение в том, что Дежнев и Семенов «не радели государю», разогнали ясачных людей. Видимо, бывшим беглым казакам, привыкшим к разгульному образу жизни, не по душе была требовательность Семена Ивановича. Селиверстов использовал для всяких интриг против Дежнева и его писаря Павла Кокоулина, которого перетянул на свою сторону. Это все осложняло обстановку на Анадыри.

Дежнев не мог не ощущать, как за его спиной плетутся интриги, как Селиверстов вносит в ряды его отряда раздоры, что писарь, пользовавшийся его доверием, пишет клеветнические доносы. И все же Семен Иванович старался не доводить дело до открытой ссоры, пытался, как мог, смягчать постоянно возникавшие трения с Юрием, наладить с ним сотрудничество.

Летом 1654 года Дежнев и Селиверстов вместе от-

правились на коргу за моржовой костью. Как сообщает Семен Иванович, приказчики снабдили Юрия всем необходимым для промысла. «Да мы ж, Семейка и Микитка, с товарищи с служивыми и промышленными людьми для государевы службы дали ему, Юрию, с товарищи два судна деланы и готовые кочи и со всею снастью и карбас, чтоб у них государева служба без судов и без снасти в год не застоялась и путем бы не испоздать к морскому промыслу, и чтоб государеве казне учинилась прибыль большая». Заботясь об успехе общего дела, о государственной прибыли, Дежнев старался не думать о личных обидах и кознях соперника. Далее из дежневской отписки мы узнаем, что один из кочей Селиверстов «потерял своим небреженьем». По распоряжению Дежнева людей с гибнувшего коча, среди которых был и сам Юрий, разместили по другим кочам. «И пошел он, Юрья, к тому морскому промыслу с нами вместе». И здесь мы видим, что Дежнев руководствовался не личной обидой и неприязнью к Селиверстову, который никак не мог вызывать у него симпатии, а чувством товарищества, стремлением выручить товарищей из беды.

Первый совместный промысел прошел не совсем удачно. Начался он поздно — на ильин день, 20 июля. По объяснению Дежнева, у берегов корги долго стоял плотный ледяной припой, и «морж долго с моря не вылегал».

После промысловой экспедиции Дежнев с Селиверстовым неоднократно ходили на чуванцев и ходынцев для сбора ясака и взятия аманатов. А в 1655 году обитатели Анадырского зимовья пострадали от стихийного бедствия. Во время весеннего паводка река разлилась, уровень воды в ней поднялся. Быстрый бурлящий поток, увлекающий коряги, сучья, целые деревья, сметал все на своем пути. Вода залила пойменные луга, прибрежные низины, островки. Не устояли перед напором воды и строения зимовья, не имевшего никаких защитных

сооружений против паводковых вод. Смыло, словно пушинки, шесть изб и амбары. В одном из них хранилась моржовая кость, казенная и принадлежащая лично Юрию Селиверстову. Его потери были особенно ощутимы — 40 пудов драгоценного «рыбьего зуба».

Казалось бы, совместные походы, общие невзгоды должны были сблизить Дежнева и Селиверстова, заставить Юрия смягчить свою злобу, отказаться от дальнейших козней. Но дежневский недруг не унимался. Селиверстов прибыл на Анадырь с наказной памятью от воеводы. «А велено ему, Михайлу, по той наказной памяти с Анандыри реки высл(ать) служивых людей Семена Мотору с товарищи, да торгового человека Онисимка Костромина, да промышленного человека Ивана Бутра с товарищи». В отношении Моторы наказ терял свой смысл — того уже не было в живых. Бутра и его товарищей могли ожидать якутские застенки и суровый спрос за прежние прегрешения.

До поры до времени Селиверстов помалкивал о наказной грамоте, присматривался, выжидал, чтобы нанести Дежневу наиболее чувствительный удар, раскрыть вовремя свою, так сказать, козырную карту. В марте 1655 года Юрий неожиданно объявил о воеводском наказе и стал настаивать, чтобы Василий Бугор, Федот Ветошка, Никита Семенов, Артемий Федотов Солдат, бывшие беглые, а с ними и торговый человек Анисим Костромин были высланы в Якутск на суд и расправу. Если бы это предписание было выполнено, дежневский отряд был бы серьезно ослаблен, Дежнев лишился бы пяти своих соратников, в том числе ближайшего своего помощника Никиты Семенова, второго приказчика. Высылка этих людей посеяла бы в отряде смуты и раздоры, недоверие к начальнику — не сумел или не захотел Семен Иванович защитить своих людей. На это и рассчитывал Юрий Селиверстов, понадеявшийся, что теперь-то ему удастся свалить соперника и занять его место.

Дежнев проявил твердость и выдать товарищей категорически отказался. Ведь бывшие беглые усердной своей государственной службой в суровых условиях Анадыри сполна искупили прежние свои прегрешения, вместе с товарищами делили все тяготы, вместе терпели голод, холод и всякую нужду. «И яз, Семейко, от государевы казны тех людей не отпустил, потому что служили мы государеву службу с ними вместе, и что есть государевы казны в зборе, и мы тое государеву казну и отпровадим вместе ж», — написал Дежнев воеводе. Якутским воеводой был к тому времени уже не Францбеков, благоволивший Селиверстову. Так что все усилия Юрия нанести удар Дежневу, ослабить его отряд казались тщетными. Примечательно, что Семен Иванович вступился за Василия Бугра, который пошел было на поводу у Селиверстова и даже писал кляузный донос. Вот еще один пример того, что Дежневу были в корне чужды мстительность, сведение личных счетов. Надо полагать, что Бугор и его товарищи оценили это качество своего начальника.

За последние годы произошло немало разных событий. Сменилось несколько воевод с тех пор, как Дежнев покинул Якутск. Все новые и новые отряды служилых и промышленных людей уходили к далеким окраинам Восточной Азии. Настало время отчитываться о своей деятельности перед властями воеводства, рассказать о том, что произошло с ним и его товарищами.

Семен Иванович составляет свою отписку, емкий, насыщенный богатой информацией документ. Как и другие дежневские документы, они, видимо, писались грамотеями — писарем под диктовку Дежнева. Отписка лишена строгой последовательности изложения. Нередко автор прерывает изложение событий текущего года, возвращаясь в прошлое или забегаая вперед. К отписке были приложены челобитные других служилых и промышленных людей, писавших о своих нуждах. Подал челобитную на Селиверстова его человек Данила Филиппов,

очевидно, на почве личной обиды. В челобитной раскрывались всякие неблагоприятные поступки Юрия. Хотя сам Дежнев говорил в своей второй отписке о злоупотреблениях Селиверстова довольно скупое и сдержанно, челобитную Данилы он принял, приложив к документам, направленным в Якутск. «Послана ж челобитная известная охочего служывого промышленово человека Данилка Филиппова, который пришел на Анадырь с Юрьем Селиверстовым а охочим служивым, что сказал он, Данилко, государево дело на нево, Юрья, послана ж под сею отпискою».

Трудным и хлопотливым делом была доставка почты в далекий Якутск. И дорога дальняя, занимавшая многие месяцы, и не исключалась возможность нападения немирных юкагирских князцов на Анойском камне. Все же решился Дежнев снарядить в дорогу двух казаков — Сидора Емельянова и Панфила Лаврентьева. Проводником вызвался пойти аманат Чекчой. Из заложника он стал преданным другом русских, вызвавших его расположение к себе добрым, гуманным обращением. В голодное время зимовщики сами голодали, а Чекчоя кормили.

Гонцы с почтой отправились в путь в начале апреля 1655 года. Кроме отписок и челобитных, они везли ведомость с указанием количества добытой моржовой кости. Гонцам было велено передать на Колыму почту служилым или торгово-промышленным людям, чтобы те с первой оказией переправили ее в Якутск. Везли ли с собой Емельянов и Лаврентьев, помимо почты, и партии пушнины и моржовой кости — этого мы не знаем. На этот счет у Дежнева нет никаких упоминаний.

Между тем река очистилась ото льда. Наступал новый промысловый сезон. Торговые и промышленные люди снова вышли на промысел. На этот раз Дежнев оставался в зимовье, а во главе промысловой экспедиции послал Никиту Семенова, своего помощника. Не ходил на промысел и Селиверстов, направивший к Ана-

дырской корге своего человека Павла Кокоулина Заварзу с покручениками. Промысел 1655 года оказался на редкость удачным. Погода благоприятствовала, и зверя было много. Да и экспедиция была хорошо подготовлена. Обе артели заготовили много моржовой кости, загрузив ею корабли. Но удачная экспедиция омрачилась трагическим происшествием. Внезапно налетевший с моря шквал сорвал с якоря коч Селиверстова и унес в море. На коче находились 14 промышленников во главе с Павлом Кокоулиным. Об их дальнейшей судьбе ничего не известно. По-видимому, все они погибли.

С горечью подсчитывал Юрий Селиверстов убытки, нанесенные полководцем и гибелью коча. Отряд его понес большие потери. Уцелевшие люди роптали. Все это заставило Селиверстова принять решение о возвращении в Якутск. Осенью он добрался через Анюйский камень до Колымы и там зазимовал. Следующим летом остатки его отряда смогли дойти на коче до Жиганска на Лене, а оттуда зимним путем, на собачьих упряжках прошли до Якутска.

В центре воеводства Селиверстова ожидали большие неприятности. Его благодетель, прежний воевода Францбеков плохо кончил. Администратор-казнокрад вызвал всеобщее недовольство служилых, промышленных и торговых людей. Выразителем этого недовольства стал ярославец Никита Агапитов Малахов, попытавшийся бороться с воеводой в духе своего времени. Вообще всех воевод он считал ворами и разбойниками с тех пор, как его, без всякой на то причины, истязал и увечил первый из якутских воевод, Головин. Каждому встречному Агапитов стал рассказывать про вещей сон. Во сне ему будто бы явилось чудесное видение — Алексей человек божий, популярный святой, который-де произнес, что воеводу Францбекова не следует пускать в церковь, пока он не прекратит воровства. Многие поверили в правдивость рассказа Никиты и возликовали — уж очень насолил всем воевода. В день святого Алексея с Францбе-

ковым случился великий конфуз. Прихожане зашикали на появившегося в церкви воеводу, человека набожного, не пропускавшего обычно ни одной церковной службы, и стали гнать прочь. Ближайшие к воеводе люди пытались защитить его. В церкви возникла свалка. Сконфуженный и разгневанный Францбеков покинул храм. По его распоряжению Никиту Агапитова схватили и посадили в арестантскую избу. Но тот не унимался и продолжал обличать воеводу.

Жалобы на Францбекова дошли до Москвы. Над якутским воеводой учинили дознание, у него отобрали часть награбленного добра. Выяснилось, что он давал промышленным людям деньги из казны под видом личных средств. Новому воеводе было предписано полностью взыскать в казну деньги с должников, среди которых оказался и Юрий Селиверстов. В счет уплаты огромного долга у него отобрали 68 пудов моржовой кости, оцененной в 2281 рубль. После этого за ним осталось долгу около 1400 рублей. Таким образом все результаты экспедиции Селиверстова были сведены на нет. Юрий показал, что примерно такую же сумму, равную оставшемуся за ним долгу, он ссудил прежним своим товарищам по промыслам и просил нового воеводу Михаила Лодыженского отпустить его снова на Анадырь с тем, чтобы он мог поправить свои дела и рассчитаться с казной.

Лодыженский разрешил Селиверстову вновь отправиться в Анадырский край, но уже не во главе самостоятельного отряда, а в составе отряда казачьего сотника Курбата Иванова, которому суждено было сменить Дежнева. Сумел ли Юрий выплатить государственный долг, мы не знаем. Известно, что летом 1666 года он появляется на Колыме и продает там моржовую кость. Это последнее известие о нем, которое удалось найти исследователям среди документов якутского воеводства XVII века. По всей видимости, он погиб или умер во время последнего похода, оставив по себе репутацию

человека незаурядного, отважного, но непомерно честолюбивого, вздорного, склонного к интригам.

Вслед за Селиверстовым ушли с Анадыри многие соратники Дежнева, в их числе Василий Бугор, Евсевий Павлов, Анисим Костромин, Федот Ветошка. Они добыли значительные партии моржовой кости и решили возвращаться в Якутск. Беглые казаки надеялись, что якутские власти примут во внимание их долгую усердную службу на Анадыри и не станут строго спрашивать за прежние проступки. На Павлова Дежнев возложил доставку большой костяной и соболиной казны, накопившейся за последние годы на Анадыри. Вспомним, этот самый Евсевий Павлов был в сговоре с Селиверстовым и писал на Семена Ивановича донос. По-видимому, после того, как Дежнев не дал в обиду беглых казаков, Евсевий изменил свое отношение к начальнику. И это дало основание незлобивому, незлопамятному Дежневу возложить на него доставку казны.

Не прав писатель Сергей Марков, утверждая, что Бугор, Павлов и их товарищи весь путь от Анадыри до Лены проделали морем, обогнув Большой Каменный нос. «Костяная казна впервые доставлена в Якутск на корабле, — утверждает он. — Почему же биографы Дежнева не заметили этих удивительных свидетельств о плавании от Анадыря на Лену. Ведь в этих походах нельзя было миновать пролива между Азией и Америкой, нельзя было не обойти Чукотского полуострова с востока на запад!» Мы разделяем восхищение писателя мужеством и отвагой славных героев его интересной книги «Подвиг Семена Дежнева». Но вольно или невольно, очевидно, из-за недостаточного знакомства с источниками, автор приписывает своим героям подвиги, которых они не совершали. Бугор, Павлов и другие дежневские соратники не огибали Чукотки, не проходили Беринговым проливом. Такое из ряда вон выходящее событие, если бы оно действительно имело место, вряд ли не нашло бы отражение в документах.

На самом же деле отряд, возглавлявшийся, очевидно, Евсеем Павловым, шел сухим путем вслед за Селиверстовым, перевалил через Анюйский хребет, а с Анюя вышел на Колыму. Этот маршрут подкрепляется документальными свидетельствами. Из Нижнеколымска Селиверстов и Павлов с Бугром и товарищами вышли в море на разных кочах. Корабль Евсея Павлова и Василия Бугра занесло в Омолоеву губу, где пришлось зазимовать.

На следующее лето казаки добрались до Жиганска. Из отписки Лодыженского известно, что анадырская кость прошла через жиганскую таможенную заставу. Василий Бугор решил замолить свои прежние грехи и сделал богоугодное дело — пожертвование моржовыми клыками на строительство новой часовни. А его разгульный товарищ Ветошка буйствовал и пропивал свою добычу в кабаках Жиганска.

После отъезда Селиверстова, Бугра и других с Дежневым осталось совсем мало прежних соратников. Вместо них на Анадырь прибывали новые торговые и промысловые люди, привлеченные сюда рассказами о богатствах края, об обширных моржовых лежбищах. Семен Иванович продолжал ясачный сбор, ходил в походы. Иногда на Анадыри появлялся неугомонный возмутитель спокойствия, князец Мекерка, нападавший на ясачных анаулов, грабивший их становища. В устье реки приходили воинственные неясачные коряки, от которых также немало страдали ясачные. Обиженные и пограбленные шли с жалобами к Дежневу, просили помощи и защиты. Летом отряд отправлялся на промысел к корге и, загрузив кочи моржовой костью, возвращался к зимовью с богатой добычей.

В 1656 году воевода направил на Анадырь казачьего сотника Амоса Михайлова. Он должен был сменить Семена Дежнева и выслать с Анадыря Юрия Селиверстова, с которого власти воеводства намеревались взыскивать большой долг, а заодно произвести там дотошный ро-

зык. В Якутске еще не были осведомлены о том, что Селиверстов уже покинул Анадырь.

Долгое время исследователи придерживались ошибочной версии, что Амос якобы благополучно прибыл в Анадырское зимовье и, наделенный большими полномочиями, принял у Дежнева казну, аманатов и все дела, самого его отстранил от дел и принялся проводить дошное дознание, нет ли на совести Семена Ивановича и его людей каких-либо злоупотреблений. Напрашивалось предположение, что основанием для такого дознания могли послужить клеветнические доносы Селиверстова и его сторонников. Дознание, которое вел Амос Михайлов, закончилось якобы благоприятным для Дежнева исходом. Если и были какие-либо обвинения в его адрес, то они не подтвердились, никаких злоупотреблений замечено за ним не было. В результате Семен Иванович был восстановлен в своих правах, а Амос через некоторое время уехал с Анадыри. Эту версию подхватил и С. Марков. В версии этой есть, однако, необъяснимое противоречие. Сотник Михайлов направляется якутскими властями на Анадырь, чтобы сменить Дежнева. Но проведя дознание, он восстанавливает Семена Ивановича в правах старшего анадырского приказчика, а сам уезжает (вопреки предписанию воеводы!) обратно, поскольку никаких документальных свидетельств о его дальнейшем пребывании на Анадыри нет.

Ошибочность этой версии показал М. И. Белов. В действительности Амос Михайлов не достиг Анадыри. И не только Анадыри, но даже и Колымы. В течение трех лет добирался он морем только до Индигирки. Препятствовали плаванию неблагоприятные погодные условия, да и сам Амос не горел желанием спешить на далекую неласковую Анадырь. Видимо, его назначение анадырским приказчиком на место Дежнева не вызвало у Михайлова большой радости. Медлительность сотника вывела из терпения якутские власти, потерявшие всякое доверие к нему. И Амос был отозван обратно.

Мы очень мало знаем о последних годах пребывания Дежнева на Анадыри. Главой Анадырского острога и приказчиком он оставался до 1659 года, когда его сменил казачий сотник Курбат Иванов. За год до этого Дежнев отослал в Якутск большую «костяную казну» и поручил сопровождать ее ближайшему своему помощнику Никите Семенову. Немало лет делили вместе радости и тяжкие заботы, трудились рука об руку, не знали ссор и раздоров, вдвоем несли тяжкий крест ответственности за государеву службу. Жалко было терять надежного товарища. Но именно ему, Никите, поручил Семен Иванович ответственное дело, доставку казны, надеясь на его исполнительность.

Никита Семенов достиг на оленях Колымы, а летом 1658 года продолжал путь морем, а потом Леной. Он благополучно прибыл в Якутск с ценным грузом. Воевода поспешил отправить «костяную казну», а также «мягкую рухлядь» в Москву, в Сибирский приказ в сопровождении конвойного отряда. Во главе его был поставлен Михайло Стадухин, возвратившийся к тому времени после многолетних скитаний в Якутск. В стадухинский отряд были включены Никита Семенов и Василий Бугор, оба бывшие беглые, и еще некоторые из старых товарищей Дежнева. Нехватка людей заставляла власти воеводства забыть о прежних прегрешениях беглых и не возбуждать против них какого-либо дела. Более того, Семенову могла быть поставлена в заслугу доставка с Анадыри в Якутск костяной казны.

В Москве Стадухин передал весь груз в Сибирский приказ, а заодно подал на имя царствовавшего тогда царя Алексея Михайловича челобитную. В ней он пространно описывал свои службы — было о чем написать, не забывал упомянуть о своих заслугах и просил награды. Решением боярской думы Михайло Стадухин получил звание казачьего атамана, звание немалое в тогдашней российской иерархии чинов. Возможно, ему помогли личные связи с богатыми торговыми домами.

Шли годы. Семен Иванович старел, его волосы и борода серебрились сединой. Здесь суровые условия жизни, тяжкие испытания заставляли людей рано сесть. Ему шел шестой десяток, а многие из его товарищей не дожили до этого возраста. Кто утонул в бурной пучине Студеного моря, кто пал от меткой юкагирской стрелы, кого сразила черная смерть и голод. Давали о себе знать и старые раны. О них напоминали глубокие шрамы, которых много осталось на теле анадырского героя. Но полагаясь на свое могучее здоровье, поморскую физическую выносливость, Дежнев старался не поддаваться хворям, не замечать боль старых ран. Он по-прежнему много работал, ходил в походы и на промыслы, рачительно считал соболиные шкурки и тяжелые моржовые клыки.хлопотная, многообразная служба приказчика тяготила его. Из прежних испытанных соратников остались единицы. Приходили новые люди с разными характерами и норовом. Не со всеми легко налаживались отношения. Семен Иванович хотел бы отдохнуть от административных забот, снять с себя начальственное бремя, остаться рядовым казаком — промышленником. Давно уже писал он якутскому воеводе, чтобы прислали ему замену. Но замены все не было. Амос Михайлов, назначенный было на его место, до Анадыри не доехал. Другого человека на роль представителя власти в Анадырском крае воевода смог подобрать не сразу. Край суров, бремя власти хлопотно — не каждый согласится взвалить его на свои плечи.

Наконец-то якутские власти остановили свой выбор на Курбате Иванове, прибывшем на Лену из Енисейска еще вместе с первым воеводой Петром Головинным. Имел он тогда чин пятидесятника, на якутской службе дослужился до сотника. Человек заслуженный, бывалый, грамотный, участник многих походов, он, казалось, был подходящей фигурой.

Курбат Иванов добрался до Анадырского зимовья весной 1659 года. Возрадовался Семен Иванович — до-

ждался-таки замены. Жадно расспрашивал он Курбата про якутские новости, про знакомых по прежним походам. Сотник, наделенный официальными полномочиями анадырского администратора, записанными в воеводской наказной памяти, принимал дела у рядового казака, приказчика выборного, чьи полномочия никогда официально не подтверждались якутскими властями. Власть молчаливо признавали в лице Дежнева исполнявшего обязанности главного должностного лица на Анадыри ввиду вынужденных обстоятельств — преждевременной гибели Моторы. Двусмысленность положения Дежнева создавала определенные неудобства, давая повод Стадухину, а потом Селиверстову оспаривать власть у «самозванного» приказчика. Сам же Семен Иванович, по присущей ему скромности, мирился со своим положением, не настаивал на подтверждении своих прав специальной бумагой с витиеватой росписью воеводы. А сами власти не очень-то беспокоились о престиже рядового безродного казака Семейки, отделенного от воеводского центра тысячами верст. Шлет исправно соболиную и костаную казну — и ладно. Что же еще?

Принимал Курбат Иванов имущество, строения зимовья, аманатов дотошно, тщательно, выискивал изъяны и упущения. Потом подписал документ о сдаче-приеме, заставив поставить свою подпись и Семёна Ивановича. За неграмотного Дежнева расписался грамотей. Теперь бывший приказчик и другие анадырские старослужащие получили право вернуться в Якутск. Их служба на Анадыри считалась завершённой. Докладывая воеводе о приеме зимовья, Курбат писал: «А он, Семейка, отпущен в Якутский острог... да с ним же служилый человек Ортюника Солдат да промышленные: Томишка Елфимов, Титка Семенов, Иваншка Казанец, Тренька Подберезник, Филька Данилов, а на Анадыре-реке служилых людей 5 человек, да торговых и промышленных людей 32 человека, а живут с великою нужею и кормятся рыбою, делают сеткишки из кропивы».

Следует обратить внимание на цифры, приведенные в донесении Курбата, количество русских на Анадыри. Старые соратники Дежнева составляли среди них незначительное меньшинство. В основном это были люди, прибывшие в Анадырский край после ухода Селиверстова, а также спутники самого Курбата Иванова.

Семен Иванович и несколько прежних его товарищей не сразу воспользовались правом выехать на Лену. Дежнев, теперь уже рядовой казак-промышленник, пробыл на Анадыри еще некоторое время. Он ходил на промысел на Анадырскую коргу вместе со старыми соратниками Артемием Солдатко и Фомой Семеновым Пермском.

Курбат Иванов остался недоволен порядками, введенными Дежневым. По своему характеру он представлял собой иной тип администратора, жесткого и волевого, сторонника неукоснительного единоначалия. Он собирался действовать с размахом, вести с целью увеличения ясачного сбора наступательную политику против неясачных людей: юкагиров, чукчей, коряков, «приискивать новые земли и реки». Для подкрепления своей политики Курбат просил воеводу прислать ему в помощь полсотни казаков. Он стремился строго централизовать управление всеми русскими людьми на Анадыри и для этого свел их всех в единый отряд, возложив часть правительственной службы также на торговых и промышленных людей. Эта мера вызвала ропот и неудовольствие многих.

Особенно недоволен остался Курбат Иванов состоянием зимовья, небольшого поселения, почти лишенного укреплений. По убеждению нового администратора, русские должны были располагать на Анадыри надежным опорным пунктом с прочными башнями и стенами, способными в случае необходимости выдерживать длительную осаду со стороны неприятеля. Здесь проявились два подхода. Дежнев, сторонник мягких, гуманных методов обращения с аборигенами края, не считал необходимым

брюцать без нужды оружием и жил, по мнению Курбата, «оплошливо», не заботясь о возведении укреплений. Как справедливо пишет М. И. Белов: «В годы своего правления благодаря мягкому, но волевому характеру, вдали от опеки якутской администрации Дежневу удалось ладить с юкагирами. Конечно, идеализировать его отношения к местному населению ни в коем случае нельзя, но что оно, несмотря на присущую той эпохе суровость, являлось благожелательным, представляется бесспорным. При этих условиях Дежневу не очень-то нужен был острог. По существу, он был скорее промышленник, чем ясачный сборщик».

Все наличные силы Курбат Иванов мобилизовал на заготовку леса и строительство острога. Возводились новые избы, хозяйственные постройки, крепкие стены с башнями. Как писал Курбат воеводе: «В прошлом 168 (1660) году поставил я, Курбатко, острог и в остроге аманатскую избу с нагороднею, и со всякими крепостями, и зимовье построил, и в остроге государев амбар с служилыми и охочими промышленными людьми».

Летом 1660 года Курбат Иванов организовал и сам возглавил большую морскую промысловую экспедицию к северо-восточным берегам Чукотки. В ней приняли участие и некоторые из старых соратников Дежнева. Одной из задач экспедиции были поиски новых моржовых лежбищ. В этом были заинтересованы и якутские власти. Направляя Курбата на Анадырь, воевода указывал в «наказной памяти», что открытие новых моржовых лежбищ будет поощрено освобождением промышленников от уплаты десятинной пошлины и другими привилегиями.

Плавание было исключительно трудным. На восьмой день плавания коч оказался сильно поврежденным штормом. Мореплаватели вытащили судно на берег и занялись его починкой. Не раз приходилось вступать в бой с чукчами. Кончились запасы продовольствия. Приходи-

лось питаться грибами. С чукчами, видимо, удалось в конце концов заморить и даже раздобыть у них оленины.

Коч Курбата Иванова дошел до «Большой губы». По-видимому, речь шла о заливе Креста. Не обнаружив нигде моржового лежбища, отряд вышел в обратное плавание. В Анадырском заливе коч снова попал в страшную бурю. Пришлось выбросить за борт все припасы, чтобы поднять осадку. Мореплаватели натерпелись всяких бед, так что, по словам Курбата, «чаяли себе смерть».

Так морской поход Алексева — Дежнева вокруг Чукотки положил начало русским плаваниям по Берингову морю. Вторым плаванием стала экспедиция Курбата Иванова. Неласково встречало Берингово море мореплавателей, жестокими бурями и штормами. Но начало освоению северной части Тихого океана было положено.

Увидел Семен Иванович новый острог завершенным или нет — мы не знаем. Он покинул Анадырь зимой 1660 года, пробыв двенадцать лет в суровом Анадырском крае и покинув Якутск около двадцати лет тому назад. При нем был большой груз — более 150 пудов моржовой кости и, вероятно, почта, которой его снабдил Курбат Иванов. Вместе с Дежневым отправился в путь один из его старых товарищей, Артемий Солдатко. Шли они до Колымы обычным сухим путем — через вершину Анадыри, Анюйский камень, Анюй. Этим путем не раз ходили в том и ином направлении русские люди, служилые, торговые, промышленные. Тем не менее он оставался плохо освоенным, тяжелым. Бывало, путники блуждали по горной тундре и каменистым кручам на водоразделе между верховьями рек Анадыри и Анюя, страдали от голода и холода. Выходили обычно по санному пути, пользуясь нартами в оленьих и собачьих упряжках, чтобы к исходу весны достичь желанной цели.

О своем путешествии с Анадыри на Колыму, преодолении наиболее трудного участка пути Дежнев не

оставил нам никаких свидетельств. Весьма вероятно, что ему оказали помощь проводники-анаулы, с которыми у него сохранились добрые отношения. В Нижнеколымске Семен Иванович встретил старого знакомого Ивана Ерастова, который был когда-то рядовым казаком, а теперь стал сыном боярским и приказным на Колыме. Он и помог Дежневу. Летом 1661 года Семен Иванович смог погрузить костяную казну на коч Ерастова, который по окончании своей колымской службы возвращался в Якутск. Корабль вышел в море и взял курс на запад, к устью Лены.

Мы видим, что отрезок современного Северного морского пути между Леной и Колымой был во второй половине XVII века вполне освоен русскими мореходами. Движение судов на этом участке становится довольно оживленным. Русские кочи в навигационный период довольно часто плавали здесь в обоих направлениях, с Лены шли к устью Яны, Индигирки, Колымы, а с этих рек — к ленскому устью. «Итак, после похода Дежнева морское плавание из устья Лены до Колымы стало обычным делом», — пишет А. В. Ефимов. Ходили русские мореходы и к востоку от Колымы. Однако попытки повторить плавание Алексева — Дежнева и выйти морем в Заносье, пройдя Большой Каменный нос, или проделать этот путь в обратном направлении, пока не увенчивались успехом. Мы имеем в виду неудачное плавание Стадухина в 1649 году и неосуществленное намерение самого Дежнева пройти с Анадыри на Лену морем. После исторического похода Алексева — Дежнева движение русских с Колымы к Тихому океану прекратилось на речные и сухие пути.

За Святым Носом коч Ерастова затерло льдами. Но мореходам удалось вырваться из ледового плена. Однако из-за задержки в пути смогли добраться к концу навигации только до Жиганска на нижней Лене. Выше река уже была скована льдом. В Жиганске Дежневу и Ерастову, который, по-видимому, также вез большую пар-

тию пушнины и моржовой кости, не удалось раздобыть необходимого количества ездовых оленей или собак. Пришлось зазимовать. Только в навигацию 1662 года они добрались до цели. Путешествие Дежнева с Анадыри до Якутска продолжалось около двух лет.

За двадцать лет странствий Семена Ивановича Якутск заметно изменился. Построены новые купеческие лавки, амбары, мастерские ремесленников, хоромы именитых людей и избы простых служилых. Над острогом возвышался еще не успевший потемнеть бревенчатый Троицкий собор, увенчанный куполом. Перезвон колоколов на звоннице созывал прихожан к службе. Колокола привез из далекой Москвы еще первый воевода Головин. В остроге становилось тесно, и строения расползались за пределами стен, по посаду. Город или, как его чаще называли, острог стал более оживленным, многолюдным.

Многие жители обзаводились хозяйством, разводили скот, даже пытались выращивать овощи. Несмотря на короткое лето и тонкий слой почвы, покрывавший вечную мерзлоту, в районе Якутска удавалось выращивать капусту, брюкву, репу. Посад приобретал вид обычной северной деревни. По утрам из дворов выгоняли коров, направлявшихся на пастбище. В кузницах звонко стучали молотами о наковальни кузнецы. В лавках шла бойкая торговля, и торговые люди на все лады расхваливали свой товар. У съезжей избы сновали приказные с гусиными перьями за ухом. Возле крыльца воеводской хоромины, у арестантской избы и амбаров с ясачной казной, как и прежде, стояли рослые, как на подбор, стражники с бердышами и пищалами. Ковылял к паперти собора изувеченный хромой казачишка, осенявший себя крестным знаменiem. То ли через пыточную избу прошел, то ли на дальних реках изранен. Теперь вот Христовым именем пробивается. Немало встретил Семен Иванович в городе и якутов. Кто-то ясак привез, кто-то за покупками приехал, а кто-то захотел родичей

проведать. Многие из служилых и промышленных людей с якутскими женками живут, по-якутски не хуже якутов балакают. По всему посаду бегают чернявые, скуластые ребятишки, прижитые от якуток. Некоторые из якутов-выкрестов, породнившихся с русскими, приняты на государеву службу. А русских женщин все еще мало. Если иная выйдет из дома ко всенощной или в лавку к купцу за покупками, оглядываются на нее прохожие, как на диковинку, смотрят ей вслед.

А старых знакомых Семен Иванович встретил в Якутске немного. Иные уже никогда не вернутся из дальних странствий. Вечная им памяти! А иные в походах пребывают, открывая все новые и новые земли и реки. Кто знает, не настигнет ли и их губительный шторм в Студеном море или зазубренная стрела с вороним оперением?

За двадцать лет в Якутске сменилась целая вереница воевод, алчных, жестоких, не оставивших по себе доброй памяти. Нехорошо говорят и о теперешнем воеводе, Иване Большом Голенищеве-Кутузове, человеке вздорном и грубом.

Моржовую кость Дежнев сдал в съезжую избу. Приказные мужики восхищенно причмокивали языками, взвешивая клыки. Вот это да — 156 пудов 17 гревенок! Часть этой кости принадлежала лично Семену Ивановичу, остальное было добыто Артемием Солдатко и другими его товарищами. Это богатство было оценено в огромную сумму. Дежнев мог считать себя богатым человеком. Наконец-то. Но вмиг наступило горькое разочарование. Вместо денег подьячий протянул ему расписку. А почему не деньги! А нет такой огромной суммы в казне воеводства, вот и не рассчитываемся с тобой за твой «рыбий зуб», — пояснил подьячий. А бумагу береги, Семейка. По той бумаге сможешь востребовать всю причитающуюся тебе сумму в Сибирском приказе.

Это походило на злое издевательство. Сибирский приказ находится в далекой Москве, столице. За тысячи

и тысячи верст. От Лены до Москвы не доберешься и за год. Дежнев заскрипел от досады зубами, проклиная в душе на чем свет стоит воеводу и его подьячих. Но расписку все-таки взял, бережно сложил вчетверо и спрятал в карман. А чем черт не шутит... А вдруг пригодится ему когда-нибудь эта бумажка. Быть может, и он доберется до первопрестольной и востребует долг. Так можно себе представить сценку в съезжей избе Якутска, которая произошла там поздней весной 1662 года.

Воеводе, конечно, доложили о прибытии Дежнева и Ерастова, теперь уже бывших приказчиков с Анадыри и Колымы. Голенищев-Кутузов принял обоих, выслушал их рассказы, расспрашивал, остался доволен. Вероятно, по старому обычаю велел преподнести служилым по чарке вина. Оба понравились воеводе — дельные мужики, вернулись с дальних рек не с пустыми руками. Хорошее пополнение для государственной казны привезли.

Голенищев-Кутузов расспрашивал служилых и соображал свое. Ехать в Москву им с государственной казной — решил воевода. Ивашка за старшего, сын боярский все-таки. Семейка будет Ивашкиным помощником — хватит с него, казакишки простого. Таким можно доверить и соболиную и косяную казну. И перед приказными такие в грязь лицом не ударят. Вот государь наш Алексей Михайлович возрадуется. Глядишь, и меня, воеводу, обласкает. Так, вероятно, рассуждал и думал Иван Большой Голенищев-Кутузов.

В Якутске Дежнев подал челобитную, в которой писал: «А я, холоп твой, прошед из Енисейского острогу, служил тебе, великому государю, всякие твои государственные службы и твой государев ясак збирал на великой реке Лене и по иным дальним сторонним рекам в новых местах — на Яне и на Оемоконе, и на Индигирке, и на Алазейке, и на Ковыме, и на Анадыре реках — без твоего денежного и хлебного жалования, своими подъе-

мы. И будучи же на тех твоих государевых службах и те многие годы всякую нужду и бедность терпел и сосною и лиственную кору ел и всякую скверну принимал — двадцать один год. Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец, пожалей меня, холопа своего, своим государевым денежным и хлебным жалованьем за те за прошлые годы, а за мое службишко и за кровь и за раны и за многое терпенье пожалуй, государь, меня, холопа своего, прибавочным жалованьем, чем тебе, великому государю, бог известит!»

Челобитная написана в традиционном уничижительном тоне, но принятой форме. В ней можно найти те же выражения и целые обороты, которые мы встречаем в других подобных документах Дежнева. Нет оснований полагать, что автор челобитной нарочито сгущает краски или приbedняется, пытаясь разжалобить тех, к кому он адресовался. Речь шла о действительных трудностях, которые Дежнев и его товарищи переживали во время походов и зимовок. Челобитная — крик души человека, попавшего в великую нужду, опутанного долгами, обремененного вниманием сильных мира сего. Он просил то, что принадлежало ему по праву, по закону — не выплаченное за многие годы жалованье. Участие в исключительно тяжелом плавании, открытие им новых земель, управление в течение ряда лет огромным краем, значительный сбор пушнины и моржовой кости для пополнения государственной казны — все это давало Дежневу основание надеяться на повышение по службе и на соответствующую прибавку к жалованью. За весь срок своей службы на Лене и на дальних реках он не стал даже десятником, а оставался рядовым казаком с низким жалованьем, тогда как многие его товарищи, имевшие куда более скромные заслуги, становились десятниками, сотниками, детьми боярскими. При повышении в должности соответственно повышалось и жалованье. Правда, часто решающую роль в служебном продви-

жении играли не заслуги, а благоволение воеводы, поддержка богатых торговых людей, личное состояние. Дежнев, рядовой казак, выходец из простой трудовой среды, не располагал ни влиятельными связями, ни богатством.

Документ не ограничивался вышеприведенным отрывком. Дежнев дает краткий обзор своей службы за более чем двадцатилетний период, сообщает интересные сведения о тех местах, где протекала его служба, возвращается к плаванью 1648 года. Он не касается своих раздоров со Стадухиным и Селиверстовым, не пытается их в чем-либо обвинять, разоблачать. Человек незлопамятный, чуждый чувства мстительности, Дежнев остается верен себе.

Нельзя сказать, чтобы Иван Большой Голенищев-Кутузов никак не среагировал на слезную просьбу героя Анадыри. Дежневу выдали соляное жалованье сполна за двенадцать лет. Ни хлеба, ни денег он не получил. Вероятно, Семен Иванович услышал от подъячих извечные слова — в казне нет денег, в амбарах нет хлебных запасов. Действительно ли воеводская казна была пуста? Или корыстные злоумышленники во главе с воеводой вели свою обычную игру, растратив и деньги, и хлебное довольствие, причитающееся казаку? Кто знает.

Дежнев был озадачен — что же делать с тяжелыми кулями соли, которыми можно было бы набить целый амбар. Скорее всего он постарался избавиться от нее, продав соль за бесценок купцу-перекупщику. А челобитную Семена Ивановича, адресованную согласно заведенной форме на высочайшее имя, отослал с целовальником Ларионом Лашей в столицу, в Сибирский приказ. Этот Лаша служил прежде на жиганской таможенной заставе, а теперь был командирован в Москву с очередной почтой. Челобитная была доставлена по назначению, и это дало впоследствии Дежневу возможность получить полный расчет.

14. ПОЕЗДКА В МОСКВУ

Воевода придавал большое значение доставке костяной казны и мягкой рухляди в Москву и самолично следил за снаряжением ерастовского отряда. Моржовой кости набралось много — 196 пудов 17½ гривенок. В их числе была кость, собранная Дежневым и другими промышленниками, привезенная с Колымы Ерастовым, а также скопившаяся к тому времени в Якутске. Много набралось и соболиных шкурок. «Рыбий зуб» поместили в восемь больших бочонков, а пушнину — в деревянные ящики и холщовые мешки, которые тщательно опечатывались. Наказная память Голенищева-Кутузова, выданная Ерастову перед отъездом, содержала подробнейшую опись груза. Чиновники встречных таможенных постов Енисейска и Тобольска должны были тщательно сверять опись с наличным грузом, чтобы убедиться — цела ли государева казна, не было ли какой-нибудь потери или порчи во время пути, в сохранности ли печати. Подобный порядок строгого контроля был утвержден Сибирским приказом.

Назначение отправиться в Москву во главе отряда, сопровождающего ценный груз, было почетно и ответственно. Недаром же Голенищев-Кутузов поставил во главе отряда Ивана Ерастова и Семена Дежнева, людей многоопытных и авторитетных, которым он мог вполне довериться. До недавнего времени многие исследователи ошибочно утверждали, что начальником конвойного отряда был Семен Дежнев. Не избежал этой ошибки и маститый В. Ю. Визе. «В Якутске Дежнев получил ответственное и почетное в те времена поручение доставить «костяную казну» в Москву», — писал он. Более тщательное знакомство с документами позволяет убедиться в том, что во главе отряда стоял боярский сын Ерастов, а казак Дежнев был, по всей видимости, его правой рукой. В отряд были также привлечены Артемий

Солдатко, Григорий Пискун и другие служилые и промышленные люди — всего 16 казаков, два целовальника и два торговых человека. Были среди них и люди случайные, подвернувшиеся в ту пору под руку воеводе.

Вообще задача укомплектовать отряд оказалась непростой, так как воевода всегда испытывал нужду в казаках и промышленниках. Многие из них, если не подавляющее большинство, находились в то время на дальних реках. В ответ на жалобу Ерастова, не удовлетворенного составом отряда, Голенищев-Кутузов заявил: «А то тебе и самому, Ивану, ведомо, что в Якутском остроге промышленные люди собраны с великими нуждами и боем и посажены к тебе на суды».

Тронулись в путь в конце июля 1662 года. Шли на веслах вверх по Лене вдоль лесистых берегов. Широкая низменная равнина сузилась и перешла в узкую горную долину с обрывистыми каменистыми кручами. Прошли устье Олекмы, Витима, Киренги. На встречных дощаниках плыли из Усть-Кута служилые к месту новой службы, торговые люди с товарами. От прибывавших с верховьев Лены людей Голенищев-Кутузов узнавал последние новости, получал сообщения о встречах с ерастовским отрядом. Но его мнению, Ерастов плыл слишком медленно, подолгу прохлаждался на остановках. И вот разгневанный воевода послал на быстроходном каюке вдогонку отряду команду надежных гребцов с новой наказной памятью, в которой нещадно ругал сына боярского, обвиняя его в нерадении и попустительстве «воровству», дабы воодушевить и заставить идти побыстрее.

Долго и тяжело был путь от Якутска до Москвы. И занял он более двух лет. Шли и реками, обходя опасные пороги и стремнины, по крутым, каменистым берегам и перетаскивая весь груз на руках. Преодолевали водораздельные волоки, навьючивая тяжелой поклажей лошадей. Пробирались лесными тропами, горными пе-

ревалами. Бывало, попадали в распутицу, вязли в болоте. Все бывало.

Маршрут отряда был заранее расписан в проезжей и подорожной грамотах, которые были выданы Ерастову в съезжей избе перед выездом. Этот маршрут нетрудно себе представить. С верхней Лены подымались вверх по одному из левых ленских притоков и оттуда через волок выходили на Илим, бурную и неудобную для плавания реку. С Илима выходили в Верхнюю Тунгуску или Ангару, представлявшую из-за своих порогов и стремнин наиболее опасный участок для плавания. Спускаясь по Ангаре, выходили в Енисей. В Енисейске производился таможенный досмотр и была продолжительная стоянка. С одного из малых левых енисейских притоков выходили через Кетский волок на обский приток Кеть. С Кети попадали в широкую полноводную Обь, спускаясь вниз до ее слияния с Иртышом. Поднимались по Иртышу до Тобольска, административного центра Западной Сибири. Здесь снова тщательная таможенная проверка, отдых. Из Иртыша подымались по Тоболу и Туре, рекам иртышского бассейна, до Верхотурья. А дальше переходили через Каменный пояс — Уральский хребет, за которым уже начиналась европейская часть России. Там путь пролегал то реками, то трактами через Соликамск, Великий Устюг, Тотму, Вологду, Ярославль, Ростов, Сергиев Посад. До Устюга дорога была знакома Дежневу. Этим же самым путем много лет назад шел он в Сибирь с партией молодых рекрутов. Дальнейшей дорогой он шел впервые, восхищаясь каменными громадами палат и храмов, кремлевских и монастырских ансамблей встречных городов. Середина — вторая половина XVII века были временем яркого взлета русской архитектуры. Города украшались новыми храмами и памятниками гражданского назначения, в которых отчетливо проступали новые жизнеутверждающие черты, далекие от сурового аскетизма предыдущих эпох. Те города, через которые проезжал

отряд Ерастова, могли похвастать великолепными архитектурными ансамблями. Такой гармоничной красоты ленские люди никогда в жизни не видавали.

По предъявлении грамот представители власти, воеводы и управители острогов обязаны были оказывать отряду Ерастова всякого рода содействие, предоставлять транспорт — речные суда и лошадей. На этот счет действовал специальный указ. Но на практике он далеко не всегда выполнялся. Приходилось отряду днями и неделями ждать положенной по закону помощи, слезно вымаливать струги или лошадей. Местные власти норовили дать старое, непригодное для плавания судно, худых лошадей, и меньше, чем их требовалось для перехода. Досматривая груз, таможенные чиновники, бывало, придирались без достаточных на то оснований и задерживали движение отряда, надеясь таким образом выманить взятку. Взяточничество было широко распространенным явлением среди чиновных людей. Поэтому не один раз приходилось раскошелиться, чтобы стронуться с места после долгой вынужденной остановки.

В Тобольск прибыли в июле 1663 года. А до этого зимовали в Енисейске, либо Кетском остроге. Тобольск издавна манил своей красивой панорамой. На высоком берегу Иртыша высился острог с башнями, все еще деревянный. А над острогом призывно маячили церковные купола.

И Тобольск оживился, вырос, застроился новыми палатами, избами, торговыми рядами с той поры, как он, Семейка Дежнев, тогда еще молодой казак, начинал здесь свою сибирскую службу. Никого из старых тобольских знакомых он не встретил. Одни померли, другие разъехались по дальним воеводствам. В Тобольске отряд задержался почти на месяц.

В центре Западной Сибири в ту пору жил на положении ссыльного славянин-иноземец Юрий Крижанич, человек ученый и пытливый. Он окончил Венскую семинарию, изучал богословие и юридические науки в Бо-

лонском университете в Италии, владел латинским, греческим, немецким и итальянским языками. Это был широко образованный для своего времени человек. В России его называли «сербенином» (сербом), хотя в действительности он был не сербом, а хорватом, католическим священнослужителем, каноником. Фигура эта была сложная, противоречивая. В Россию его привели интерес к этой стране, жажда знаний и открытий, тяга славянина к своим великим братьям. Но воспитанный ревностными католиками, принявший духовный сан, Крижанич по доброй ли своей воле или вынужденно брал на себя обязанности перед святым престолом и, по видимому, занимался в Москве не только научными изысканиями, но и выполнял тайную миссию Ватикана. Подозревая или даже уличив каноника в тайных интригах, правительство московского царя выслало его в Сибирь. Видимо, основания для этого были. Вообще московские власти обращались с иностранцами корректно и предпринимали к ним репрессии в единичных случаях. В тобольской ссылке Юрий Крижанич не терял даром времени и, обложившись книгами и рукописями, писал научные трактаты. Он стремился постичь особенности российской жизни, характер русских людей, дать географическое описание Сибири, ее границ, населения, природных богатств. Несмотря на свою долю ссыльного, он был привязан к Русскому государству, испытывал к русским людям благожелательный интерес, свободно говорил и писал по-русски.

Вообще в хорвате-канонике как бы боролись два начала — славянское и космополитично-католическое. Победило первое, в результате длительного пребывания в Московии и общения с русской действительностью. Он стал склоняться к идеям панславизма, рассматривая Москву как естественный мировой центр славянства. Об этом красноречиво свидетельствуют и его труды, и трагическая его судьба последних лет жизни. Отцы католической церкви перестали доверять ему, подвергли уче-

ного каноника преследованиям, заключению. Но это произойдет позже, когда Крижанич получит возможность возвратиться из тобольской ссылки и покинуть Россию. А пока он писал свой труд «Политические думы», свой взгляд на современную российскую жизнь.

Трактат хорвата содержал и критические оценки. Он писал о продажности московских приказных. Это помогает подвизавшимся в Москве иностранцам, например Адаму Олеарию, скупать у продажных чиновных людей ценные сведения. Крижанич призывает русских рачительнее относиться к своим богатствам, не доверять их добычу, а также торговлю иностранцам, а держать их в своих руках. Развитие торговли, пишет он, ограничивают с севера льды Ледовитого океана, а на юге — господство крымцев, ногайцев. Поэтому возникает логичный вопрос, а нельзя пройти в Китай Северным морским путем, из Мангазеи? Вероятно, со временем можно пройти на ладьях этим путем и в Китай, и в Индию.

Пока это только гипотеза пытливого ученого. И эту гипотезу Юрий Крижанич пытается подкрепить фактами, выискивает их. Он проявляет интерес к Северо-Восточной Сибири, упоминая в одном месте своего трактата о «рыбьем зубе». Делится идеей, а почему бы не пригласить в Сибирь мастеров, владеющих искусством обработки моржовой кости.

Откуда тобольский ссыльный мог черпать сведения о северо-востоке Сибири? Ведь документы Сибирского приказа находились в Москве и были недоступны для него. Остается один убедительный ответ — ученый хорват искал встреч с участниками экспедиций, возвращавшихся с Лены и других дальних рек, он получал от них разнообразную информацию о дальних землях и морях, о своих открытиях. Одним из таких людей, с которыми Крижанич мог встречаться, был Семен Иванович Дежнев.

Долго бытовало мнение, что о славном морском по-

ходе Алексева — Дежнева с Колымы в Тихий океан в Европе ничего не знали до того, как академик Г. Ф. Миллер не поработал в Якутском архиве в 1736 году и не опубликовал свои труды. Это не так. На самом деле еще в конце XVII века в Европе узнали об этом историческом плавании и об открытии русскими мореходами пролива между Азиатским и Американским материками. Об этом свидетельствуют печатные публикации и рукописные сочинения европейских географов того времени, а также карты. Далее мы специально остановимся на том, какими каналами поступали в Западную Европу сведения о великих русских географических открытиях. В немалой степени способствовал этому и ученый хорват.

Крижанич, несомненно, знал об открытии Алексева — Дежнева. Вероятно, он был первым европейцем-иностранцем, кто узнал об этом. Более позднее его сочинение — «История Сибири» («*Historia de Sibiria*»), написанное около 1680 года, прямо указывает на эту осведомленность. Задаваясь вопросом, соединяется ли Ледовитое море с Восточным, то есть Тихим, океаном, Крижанич убежденно отвечал: «Сомнение это в самое последнее время было разрешено воинами Ленской и Нерчинской области: они, собирая с туземцев дань, прошли всю эту страну до океана и утверждают, что к востоку нет никакой твердой земли и что сказанные моря ничем друг от друга не отделены». «История Сибири» Крижанича была впервые опубликована в «Сибирском вестнике» в 1822 году, став таким образом доступной широкому кругу исследователей.

В XVII веке Тобольск считался самым крупным городом Сибири. По нашим же современным меркам это было не столь уж и большое поселение с числом постоянных жителей, вряд ли превышающим несколько тысяч человек. Поэтому появление всякого нового отряда служилых и промышленных людей из Восточной Сибири становилось для тоболяков событием. Приезжих осажда-

ли расспросами, приглашали в дома. Особенно усердствовали те, кто не собирался долго засиживаться в Тобольске и сам устремлялся на восток. Можно себе представить, что любознательный Юрий Крижанич встречался, и не раз, с Семеном Ивановичем, жадно расспрашивал его о великих открытиях на северо-востоке. Сочинения Крижанича укрепляют наше предположение, что их автор получал информацию из первых рук. Очевидно, встреча Дежнева с ученым состоялась и на обратном пути.

Отряд приближался к Москве. Остались позади Ростов с его белокаменными соборами, Переславль-Залесский, живописно раскинувшийся на берегу голубого озера. Миновали Александровскую слободу, в которую удалялся из Москвы со своими опричниками царь Иван Грозный. И вот последнее крупное селение на пути к столице — Сергиев Посад. Издали виден величественный монастырь с мощными крепостными стенами и золочеными куполами храмов. Над храмами возвышается главный Троицкий собор, массивный каменный куб, увенчанный пятью луковичными главами.

Остановились на отдых в монастыре. Помолились гробу Сергия Радонежского, основателя обители и духовного организатора победы русского оружия над Мамаем. Старые монахи рассказывали гостям о грозных событиях, которые происходили здесь более полувека тому назад, — об осаде монастыря полчищами Тушинского вора, Лже-Дмитрия II, и поляками. Отбили защитники монастыря натиск врага, нанесли ему тяжелый урон, хотя и сами недосчитались многих. Не только стрельцы и крестьяне-ополченцы, но и монахи и монастырские послушники брались за оружие, становились пушкарями. Зело жестокая была сеча.

Отряд прибыл в Москву в сентябре 1664 года, оставив позади тысячи пройденных верст. Столица показалась Дежневу и его товарищам сказочно огромным, пестрым городом, не сравнимым ни с Великим Устюгом,

ни с Тобольском. В центре города Кремль с златоглавыми соборами, государевыми теремами, обнесенными зубчатой каменной стеной с высокими башнями. Город в основном бревенчатый. Избы на подклетах с подслеповатыми оконцами, затянутыми бычьим пузырем. Бревенчатым настилом выложены и многие улицы. Боярские каменные палаты под медными кровлями чаще встретишь в Китай-городе, поближе к Кремлю. А сколько храмов в Москве — не пытайся сосчитать, все равно не считаешь, говорят, сорок сороков. Среди них чудесной работы каменные громады, выложенные причудливыми разноцветными изразцами, украшенные резьбой по камню, и совсем маленькие деревянные церквушки, такие, как на северных погостах. Тянутся они к небу своими луковичными, шлемовидными, шатровыми главками. А самый примечательный среди них, чудо чудное, диво дивное на Красной площади, у кремлевских стен. Многоглавый, пестрый, как расписной пряник, храм Покрова. А еще зовут его Василием Блаженным. Жил такой божий человек во времена царя Ивана. Как рассказывают москвичи, не боялся грозному царю правду в глаза сказать. А главки того храма, разноцветные, расписные луковичи, не похожи одна на другую. Глаз не оторвешь. На паперти убогие побирушки и юродивые толпятся. Вот ударил колокол, возвещающий о службе. Отзвучался другой, третий. Начался по всей Москве многоголосый колокольный перезвон. И всех перекрывает густой бас Ивана Великого.

По Красной площади шагает строем государево войско, стрельцы в суконных кафтанах, высоких остроколенных шапках с обшлагом, с пищалями на плече. У каждого на боку еще кривая сабля. По обочинам площади длинными рядами тянутся лавки. В них горы всякого товара, отечественного и заморского. Идет бойкое торжище. В толпе снуют лоточники, зычно предлагают пироги с требухой, калачи, квас, сбитень. Степенно прохаживаются приставы с секирами, приглядываются,

прислушиваются — не ведет ли кто крамольных или богохульных речей. Встретишь здесь и иностранцев всяких, немцев, голландцев, шведов и еще каких-то неведомых бусурман. Одеты не по-нашему — в широкополых кафтанах с кружевными воротниками, коротких панталонах и чулках, башмаках с пряжками. На головах высокие шляпы с перьями. Лопочут на своем языке.

Еще прежде отряда Ерастова в Москву прибыл Ларион Лама с почтой. Он привез первую челобитную Дежнева с просьбой о выплате жалованья за предыдущие годы и о «прибавочном жаловании за кровь и за раны и за многое терпенье». Челобитная эта находилась теперь в Сибирском приказе.

В обширном помещении приказа дьяки и подьячие скрипели гусиными перьями. На столах и полках громоздились кипы бумаг — переписка с сибирскими воеводами, книги в кожаных переплетах. Приказные принимали со всей тщательностью костяную и соболиную казну, проверяя каждый клык — не поколот ли, каждую шкурку — не повреждена ли, сверяя их количество с ведомостью.

Во главе Сибирского приказа стоял тогда окольный Родион Матвеевич Стрешнев, крупный русский государственный деятель XVII века, близкий к царю Алексею Михайловичу. Очевидно, не раз он встречался с Ерастовым и Дежневым, выслушивал их рассказы, расспрашивал о соболиных и моржовых промыслах, о возможностях расширения деятельности русских промышленников в Восточной Сибири, о плаваниях по Студеному морю. Хозяйственному освоению Сибири, открытию новых земель на востоке, исправному поступлению в казну пушнины и моржовой кости правительство придавало исключительно важное значение. Интересовался всем этим и царь. Непосредственно же отвечал за всю сибирскую политику государства Родион Стрешнев, начальник Сибирского приказа, регулярно оповещавший государя о донесениях сибирских воевод.

Не один Сибирский приказ ожидал всякую новую информацию, которая поступала из Восточной Сибири. Интересовались ею и иностранцы, подвизавшиеся в ту пору в Москве, особенно представители таких морских держав, как Нидерланды, Англия, Швеция. Дошли ли русские до Тихого океана? Удалось ли им высунуть — отделена ли Азия от Америки, существует ли пролив, их разделяющий? Реальна ли версия о существовании Северного морского пути из Европы в Китай и Индию? Эти вопросы волновали дипломатических представителей и купцов европейских держав, которые нередко выполняли и тайные разведывательные поручения своих правительств, а еще европейские державы волновало стремительное расширение пределов Русского государства, отодвигавшего свою восточную границу все далее и далее за Урал, за Обь, за Енисей, за Лену.

По своей площади Московия — крупнейшее государство мира, превосходящее все европейские страны, вместе взятые. Правда, московиты лишены выходов к западным морям. Побережье Балтики цепко удерживают в своих руках шведы, а берега Черного моря в руках Османской империи и ее вассала крымского хана. Без выходов к этим морям Россия еще не великая держава. Но долго ли Московское государство будет с этим мириться? Не захочет ли силой оружия прорубить окно в Европу, отвоевать свои старые земли на Балтике и Черноморском побережье. Нынешний государь Алексей Михайлович, пожалуй, слишком мягок, неповоротлив, недостаточно целеустремлен и напорист для решения таких задач. Но всегда ли так будет? Не окажется ли среди сыновей чадолюбивого царя такая фигура, которая наделает много хлопот и шведам, и туркам?

Вокруг Сибирского приказа постоянно сустились иностранцы, заводили дружбу с приказными, старались выведать у них секреты за щедрую мзду и кое в чем преуспели. Недаром же высказывал беспокойство ученый хорват Крижанич. Продажность российских приказных

позволяла иностранцам покупать у них секретную информацию или просто облегчать себе сбор сведений географического характера, которые хотя и не составляли особых секретов, но были упрятаны в сундуки приказного архива.

Неоднократно бывая в Сибирском приказе за время долгого своего пребывания в Москве, Дежнев мог не раз встретить здесь чересчур любознательных иностранцев. Захаживал сюда и голландец из Амстердама Николай Витсен, прибывший в Москву в свите посланника Нидерландов. Он собирал географические сведения для будущего своего сочинения и карты, которую собирался составлять. Отдадим должное амстердамскому географу — он немало сделал для распространения в Западной Европе знаний о географии России. В его известной научным кругам книге «Север и Восток Татарии» (Татарией в Европе долго называли Сибирь), изданной впервые в Амстердаме в 1705 году, можно найти крайне любопытное высказывание. «Однажды семь судов с московскими военными (то есть казаками. — Л. Д.) спустились по этой реке (Колыме. — Л. Д.), чтобы обогнуть Ледяной нос, называемый также Необходимый нос или выступ, но все погибли».

Несомненно, Витсен сообщает о походе Алексева — Дежнева, допуская при этом только одну ошибку, считая всех мореплавателей погибшими. Далее голландский географ приводит в своем сочинении выдержку из письма, полученного им из Архангельска в 1698 году от какого-то другого голландца, вероятно, знакомого купца. «Я говорил здесь с одним русским, который сообщил мне, что прошлую зиму он видел в Москве казаков, бывших на охоте за соболями в самых отдаленных местностях Сибири. Они обогнули на маленьком судне Ледяной мыс или самый восточный выступ, как это показано на вашей карте, и ехали три дня, пока добрались до конца выступа. Там шло очень сильное течение, так что им пришлось держаться вплотную к берегу; но льда они

не видели, ибо это было в самом разгаре лета. Таким образом они обогнули мыс и достигли границ Китая».

Если отбросить явно фантастическое сообщение о достижении границ Китая, можно полагать, что письмо голландца из Архангельска навеяно достоверным рассказом какого-то участника плавания; по-видимому, русский, на которого ссылается голландец, автор письма, встречался либо с Дежневым, либо с кем-то из его товарищей во время их пребывания в Москве.

И вот еще одно интересное упоминание в книге Витсена. «Один видный московский купец рассказал мне, что в Архангельске он говорил с казаками, сообщившими ему, что они за три дня добрались до Ледяного мыса. В некоторых местах он (пролив. — Л. Д.) настолько узок, что видны оба берега. Эти казаки или московские солдаты были отправлены из Якутска для сбора дани, как это обычно производилось ими группами в 10 или 20 человек... Далее они рассказывают, что у них было восемь маленьких судов, из которых четверем, как они думают, удалось обогнуть Ледяной мыс. Но под конец они встретили такой сильный водоворот или скорее прибой, так как северное течение сталкивается там с южным, что эти четыре судна были разбиты вдребезги и все люди погибли».

И здесь мы встречаем неточности и явные ошибки — неправильно указано количество кораблей (восемь, а не семь), опять утверждается, что все мореплаватели погибли, неясно — откуда могла добраться морская экспедиция до Ледяного носа (очевидно, Большого Каменного носа) за три дня. В вышеприведенном отрывке имеется и явное противоречие. Если купец передает рассказ очевидцев, участников плавания, то выходит, что погибли не все члены экспедиции, как оно и было на самом деле. Но каковы бы ни были неточности, противоречия и ошибки этого рассказа, речь в нем идет, несомненно, о походе Алексева — Дежнева. Осведомленность

московского купца, побывавшего в Архангельске, объяснить нетрудно.

Мы помним, что экспедицию 1648 года снаряжал торговый человек Федот Алексеев, доверенное лицо богатого московского купца Василия Усова, человека, близкого к царю. Недаром же его называли «царским гостем». Гибель Алексеева означала для Усова серьезные убытки, хотя и не разорение. От самого Стрешнева купец мог узнать о прибытии отряда из Якутска, в котором были сподвижники Федота по плаванию. И конечно же, царский гость захотел встретиться с Дежневым, близким соратником Алексеева, чтобы расспросить его о судьбе своего приказчика, а заодно и о перспективах торговых и промысловых операций в Восточной Сибири. Возможно, Усов не раз принимал Семена Ивановича в своем доме в качестве желанного гостя, а может быть, пригласил и остановиться у себя.

Усовы пользовались влиянием и авторитетом среди московского купечества и находились в центре торговой жизни Москвы. От них и другие купцы, проявлявшие интерес к Восточной Сибири, могли узнать трагические подробности судьбы экспедиции 1648 года. Один из таких торговых людей оказался в Архангельске и там встретился с голландцем и рассказал ему о плавании Алексева — Дежнева, кое-что переврав, кое-что добавив от себя. А может быть, этим торговым человеком был один из служащих самого Усова, который вел торговые операции и в Поморье.

С какими русскими мог встречаться «видный московский купец», о котором речь идет в последнем отрывке из книги Витсена? Напрашивается мысль, что этими русскими были какие-то непосредственные участники плавания 1648 года. Скорее всего купец мог встретиться с ними по пути в Архангельск, в Великом Устюге, через который отряд Ерастова направлялся в Москву, а также возвращался из столицы на Лену. Витсен же мог допустить в своем сочинении ошибку, утверждая, что такая

встреча московского купца с мореходами имела место в Архангельске, а не по пути в Архангельск. Если это так, то одним из этих мореходов, участников плавания вокруг так называемого Ледяного мыса, мог быть сам Дежнев.

Итак, Витсен несомненно знал о великом географическом открытии русских, открытии пролива, разделяющего Азию и Америку. Об этом говорят выдержки из его сочинения, которые можно найти в одной из статей В. Ю. Визе и которые приводились нами выше.

Встречался ли голландский географ с Дежневым, чтобы воспользоваться информацией из первых рук? О такой встрече нам ничего не известно. В своем труде Витсен, казалось бы, не ссылается на рассказы непосредственных участников экспедиции 1648 года, а приводит их в переложении третьих лиц. Но, с другой стороны, трудно предположить, чтобы настырный и дошлый голландец, узнав от самого Стрешнева или его приказных о прибытии отряда из Якутска, не пожелал лично встретиться и побеседовать с ветеранами восточных походов. Так что вероятность его встречи с Семеном Ивановичем отвергать нельзя.

В 1689 году Витсен опубликовал свою знаменитую «карту Татариин», воспользовавшись всеми доступными ему достижениями современной ему географической науки и картографии, в частности годуновским чертежом 1667 года — картой Сибири, составленной по поручению и при участии тобольского воеводы Петра Годунова, образованного для своего времени человека. Использовал голландский географ при составлении своей карты и полученную в Москве информацию о походе русских мореходов в 1648 году. На месте Чукотского полуострова у Витсена нанесен узкий выступ суши, у северного конца которого надпись — «Необходимый нос». Река Анадырь на этой карте впадает в Восточный океан. На побережье Тихого океана указаны места расселения народов: чукчей, чуванцев, ходынцев, коряков и тауйцев

(эвенкийского рода, обитавшего на реке Тауй). Первые сведения об этих народах принесли русские первопроходцы, среди которых был и Дежнев. Экземпляр карты Витсена, как большая историческая ценность, хранится в Ленинградской государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Сведения об экспедиции Алексеева — Дежнева и ее практических результатах проникали в Западную Европу. Как пишет А. В. Ефимов: «Упоминание о том, что русские суда обходили Чукотский полуостров и достигли Камчатки, имеется на карте, вышедшей в Лейдене в 1726 году, и в Амстердаме в 1727 году, и на карте Страленберга, опубликованной в 1730 году».

О любопытной фигуре шведа Филиппа-Иоганна Страленберга стоит сказать несколько слов. Полковник шведской службы, он участвовал в военных походах Карла XII против России, попал под Полтавой в плен к русским и сослан в Сибирь, где провел тринадцать лет — с 1709 по 1722 год. Человек пылливый, заинтересовавшийся русской жизнью, он много путешествовал по Сибири и, очевидно, собирал сведения о плаваниях русских мореходов у берегов Северо-Восточной Азии. Впоследствии, возвратившись на родину, Страленберг написал изданную на немецком языке книгу «Историческое и географическое описание полуночно-восточной части Европы и Азии», напечатанную в 1797 году и в России. Он также составил подробную карту Сибири, которую преподнес Петру I после заключения Ништадского мира, положившего конец Северной войне. Петр нашел карту очень интересной. На ней против устья Индигирки составитель поместил надпись — «отсюда русские, пересекая море, загроможденное льдом, который северным ветром пригоняет к берегу, а южным отгоняет обратно, достигли с громадным трудом и опасностью для жизни области Камчатки». Эта надпись говорит о том, что Страленберг располагал известными в Сибири сведениями о плавании Алексеева — Дежнева.

А. В. Ефимов убежденно утверждает, что «карты Сибири XVII—XVIII веков, составленные иностранцами, являются по существу русскими, так как воспроизводят данные карт России. Редкое исключение представляют такие карты, как карта Виллема Баренца 1596 г., составленная на основе личных наблюдений, а также сведений, полученных от русских поморов».

Впрочем, находились и скептики, которые не считали существование пролива между Азией и Америкой доказанным, а утверждения на сей счет голландского географа Витсена оценивали как неубедительные, надуманные. К числу таких скептиков относился и известный ученый Лейбниц, который внушал Петру I мысль о необходимости выяснить — действительно ли Азия и Америка разведены проливом или соединяются сушей. Независимо от советов Лейбница Петр I организовал экспедицию Витуса Беринга, перед которой были поставлены более широкие исследовательские задачи. Отправляясь в далекую экспедицию, Беринг был убежден в том, что пролив между материками существует. Летом 1725 года он писал из Енисейска в Петербург: «Если б определено было идти с устья Колымы до Анадыря, где пройти всемерно возможно, о чем новые Азийские карты свидетельствуют, что прежде сего сим путем хаживали, то могло б быть исполнено желаемое...»

Среди образованных русских людей конца XVII века, знакомых с географией, зарождалась мысль о близости Америки с восточной оконечностью Азии. Среди таких людей можно назвать окольного Ивана Алексеевича Музина-Пушкина. В 1686 году он встречался и беседовал с посетившим Москву иезуитом Филиппом Аврилем, оставившим интересные записки, которые были изданы в Париже. Иван Алексеевич рассказывал ученому иезуиту о Сибири, об охоте на моржа на северо-востоке. Авриль никогда не слышал о таком животном и ошибочно называет моржа «бегемотом». Местные жители, отправляясь на морской промысел, могли быть

занесены на льдинах на северный берег Америки. По утверждению Мусина-Пушкина, американцы, обитавшие по берегам, близким к Азиатскому материку, напоминают по своему облику тех жителей Северо-Восточной Азии, которые ходят на моржовый промысел. На американском берегу водятся всякие животные, которые встречаются и в восточной Московии. К таким животным можно отнести, например, бобра.

Высказывал ли Мусин-Пушкин, которого Авриль характеризует как одного из умнейших людей, виденных им, свою гипотезу или делился достоверной информацией? Таковую информацию окольничий мог получить в Сибирском приказе или же непосредственно из уст людей, которые время от времени наезжали в Москву из Восточной Сибири. Не лежали ли в ее основе те отрывочные сведения, которые сообщили дежневцам «зубатые люди», обитавшие на побережье Берингова пролива и его островах и посещавшие время от времени аляскинский берег? Или же речь шла о личных впечатлениях русских первопроходцев, не нашедших отражения в дежневских отписках? Не свидетельство ли это того, что экспедиция Алексеева — Дежнева посетила аляскинский берег? Пока на эти любопытные вопросы ответить с полной убежденностью трудно. Но они содержат пищу для серьезных размышлений.

Итак, сведения об экспедиции отважных сибирских мореходов привлекали не только русских образованных людей, но и иностранцев, становились известными в Европе. Они находили отражение в трудах географов, путешественников, составителей географических карт. Открытия Алексеева и Дежнева приобретают общевропейское значение. При этом имена первооткрывателей не фиксировались, забывались.

А скромный герой, участник беспримерно героической эпопеи, Великих географических открытий века, упорно добивался справедливого решения своего дела, ждал выплаты причитавшегося ему за долгие годы тяжелой

службы жалованья. 23 сентября 1664 года Дежнев подает вторую челобитную о «заслуженном жаловании». Это была, по всей вероятности, не первая его московская челобитная. Обычно служилые люди по приезду в Москву тотчас подавали челобитную с просьбой о выдаче им «выходного жалования», своего рода подъемного пособия на благоустройство в столичном городе (оплату жилья, покупку подходящего платья взамен износившегося в дороге и пр.), а также «поденного корма» или суточных на повседневное пропитание. Такая челобитная нигде не была обнаружена, но, видимо, согласно заведенному порядку, Дежнев и его товарищи получили и «выходное жалование» и «поденный корм».

В челобитной от 23 сентября Семен Иванович вновь просил выплатить ему жалованье за службу с 1643 по 1661 год, то есть за девятнадцать лет. «И будучи на твоей, великого государя, службе, поднимаячи(сь) собою и служа тебе, великому государю, многое время без твоего, великого государя, жалованья, имаючи иноземцов в аманаты, голову свою складывал, раны великие принимал и кровь свою проливал, холод и голод великий терпел, и помирал голодною смертью, и на той службе будучи и от морского разбоя обнищал и обдолжал великими покупными долги и в конец погибая!» За девятнадцать лет службы Дежнева государство задолжало ему 126 рублей 20½ копеек. Сумма эта была не такой уж большой, если сопоставить ее с той огромной прибылью, которую принес он государству. Вся добытая его трудами моржовая кость (лично им и его товарищами) оценивалась на сумму 17 340 рублей.

Завертелась бюрократическая машина. Сперва слезную просьбу Дежнева рассматривали приказные, рылись в своих бумагах, ведомостях, воеводских отписках. Не прибавил ли Семейка годы неоплаченной службы? Лишь через четыре месяца после подачи челобитной начальник Сибирского приказа Стрешнев дал дальнейший ход делу. Его рассматривала боярская дума. Она и вынесла

окончательное решение: «за ту ево, Сенькину, многую службу и за терпение пожаловал великий государь самодержец, велел ему на те прошлые годы выдать из Сибирского приказу треть деньгами, а за две доли сукнами». Согласно этому решению, Дежнев получил всего лишь 38 рублей 67½ копеек деньгами, сумму малую, и 97 аршин сукна, частью темно-вишневого и частью светло-зеленого. Сукно оценивалось по 20 алтын за аршин. Почему казна не сочла возможным сполна расплатиться деньгами? Ведь речь шла о незначительной, ничтожно малой для тогдашнего государственного бюджета сумме, а заслуги Дежнева перед государством были бесспорны. Напрашивается элементарный ответ. В казне скопились запасы залежалого сукна, и его надлежало сбыть. И вот представился удобный для этого случай.

Мы не знаем, как поступил Семен Иванович с тюками сукна, ставшими внезапно его собственностью. Один из авторов по этому поводу иронизировал — этого количества хватило бы, чтобы одеть весь Анадырский острог! Скорее всего поступил Дежнев с сукном так же, как с выданной ему в Якутске солью. Оставил, быть может, кусок на подарки близким, а остальное уступил с убытком для себя купцам, тому же Усову. Не тащить же такой груз через всю Сибирь на Лену. Он, Семейка, служилый и промышленный человек, а не торговый. Кому что дано.

Якутскому воеводе Ивану Большому Голенищеву-Кутузову Сибирский приказ направил грамоту, в которой сообщил о выдаче Дежневу в Москве жалованья и предписывал выдачу эту «под именем ево подписать в ленских росходных книгах». За лично добытые им моржовые клыки (31 пуд 39 фунтов) он получил пятьсот рублей. В. Ю. Визе считает, что эта сумма составляла примерно третью часть действительной стоимости.

13 февраля 1665 года Дежнев подал новую челобитную на имя царя Алексея Михайловича. В ней он

рассказывает о своей продолжительной службе, упоминает о том, что он не раз служил «приказным человеком вместо атамана», и просит «за ту мою службу, и за кровь, и за раны, и за ясачную прибыль... поверстать в сотники». Звание сотника означало бы заметную надбавку к жалованью. Далее челобитная содержала просьбу Дежнева разрешить ему ежегодно покупать в Якутске «про свой обиход», то есть на свои нужды, по 300 пудов хлебных запасов. Обращаясь с такой просьбой, Семен Иванович, по-видимому, собирался выступить организатором промысловых экспедиций и нанимателем покручников и поэтому нуждался в собственных хлебных запасах.

Рассматривая челобитную Дежнева, чиновные люди Сибирского приказа изучили «именные книги» Якутского острога и убедились в том, что по штатному расписанию на воеводство полагалось три стрелецких и казачьих сотника. Все эти вакантные должности были уже заняты. Одну из них занимал Амос Михайлов, не доехавший до Анадыри. Но оказался свободным оклад атамана, который по своему рангу считался не ниже сотника.

В конце февраля согласно царскому решению Дежнев был произведен в казачьи атаманы с годовым окладом в 9 рублей, 7 четвертей ржи, 4 четверти овса и 2½ пуда соли. Якутскому воеводе Сибирским приказом была направлена царская грамота о назначении Семёна Ивановича атаманом. Какова была реакция властей относительно просьбы Дежнева разрешить ему покупать хлебные запасы — не ясно. По-видимому, просьба эта осталась без ответа.

В это же время, незадолго до отъезда из Москвы, Дежнев подал еще одну челобитную, последнюю из известных нам. В ней он просил отпустить с ним в Сибирь племянника Ивана Иванова с женой Татьянкой, проживавших в Великом Устюге «ни в тягле, ни в посаде». В начале нашего повествования мы говорили о том, что это упоминание дежневского племянника-устюжанина

воспринималось многими биографами землепроходца как свидетельство того, что Великий Устюг был родиной и самого Семена Ивановича Дежнева. И эта его просьба была удовлетворена. Замечание челобитчика о том, что племянник живет «ни в тягле», то есть он свободный человек, не закрепощенный, не кабальный, имело существенное значение. Свободного, не являющегося собственностью помещика, власти могли отпустить в Сибирь. Сибирский приказ выдал «проезжую грамоту» на имя Дежнева с семьей племянника.

Настало время отъезда из Москвы. Дежнев намеревался продолжать свою якутскую службу, какой бы трудной и хлопотливой она ни была. Немолодой уже атаман готов был ходить в дальние походы, зимовать в ясачном зимовье или острожке, терпеть нужду и холод, идти, если это нужно, под стрелы немирных туземцев, увещаниями и добрым словом, а не злобой и огненным боем склонять их к миру и государевой службе, промышлять соболя и моржа. Суровый образ жизни казался ему привычным. Такими же привычными и родными казались и сибирская природа, заснеженная тундра, горные тропы и перевалы, многоводные порожистые северные реки. Не может он теперь без этого, закоренелый сибиряк. По душе ему Северо-Восточная Сибирь. Пусть и Ивашка, племянник, привыкает к ней, Сибири-матушке.

Перед отъездом Семен Иванович получил в Сибирском приказе проездную грамоту, в которой, в частности, была сделана такая запись: «Да ему ж, Сеньке, по нашему великого государя указу велено взять на Устюге Великом племянника Ивашка Иванова з женою с Татьяною Григорьевною дочерью, будет они волные, а не тяглые, и не беглые, и не кабальные, и не крепостные и никому до них дела никакова нет. И того племянника своево Ивашка з женою и з детьми вести ему, Сеньке, в Сибирь на Лену в Якутцкой острог на оказанных своих подводах. И в русских и в сибирских городах боярину

нашему и стольникам и воеводам и всяким приказным людям, и таможенным и заставным головам велеть ево, Сеньку, и племянника ево, Ивашка, с женою ево Татьяною в Сибирь и в Якутцкий острог пропускать без задержанья».

Отряд Ерастова выехал из столицы в начале марта 1665 года, еще по санному пути. Сибирский приказ возложил на него серьезное поручение — доставить из Москвы в Якутск государеву денежную казну. Она предназначалась для выплаты жалованья служилым людям, текущих расходов воеводской канцелярии. На ночных остановках Ерастов ставил возле ценного груза усиленный караул и сам не сводил с него глаз. Не дай бог ватага ночных татей нагрянет. Случись что, — не сносить головы.

О пребывании Дежнева в Великом Устюге, как и вообще об обратном пути ерастовского отряда от Москвы до Лены, никаких документальных упоминаний не сохранилось. И этот путь был долог, труден. Начиналась весенняя распутица. Лето сменилось осенними дождями. Потом, когда отряд был уже в Сибири, наступила суровая зима. Снова сибирские реки, пороги, стремнины, волоки... И все же обратный путь не был таким долгим и изнурительным, как дорога с Лены в Москву. Не было прежних хлопот с тяжелым грузом кости и пушнины. Зимовал отряд, вероятно, в Верхотурье или Тобольске, а с открытием навигации тронулся далее водными путями.

Вот и Лена. Вниз по реке лодья легко идет под парусами. Встречаются якутские поселения. На пойменных лугах пасутся коровы. А вот и башни острога. Долгожданный Якутск.

15. ПОСЛЕДНИЕ СЛУЖБЫ

Отряд Ерастова возвратился в Якутск, очевидно, в июле 1666 года, так как августом или сентябрем может быть датирован один документ, под которым поставил свою подпись и Семен Иванович, находясь уже на Лене.

Около четырех лет заняла поездка в Москву. За это время в Якутске произошло немало перемен. Сменялись люди в воеводском окружении. Одни уезжали нести службу в дальних зимовьях и острожках, другие приезжали из отдаленных уголков края, чтобы занять их место. Иван Большой Голенищев-Кутузов доживал последние недели на посту воеводы. Его должен был сменить находившийся где-то в пути князь Иван Петрович Борятинский. В окрестностях Якутска три года тому назад был основан Спасский монастырь. Церковь стремилась укрепить свои позиции в Якутском крае в качестве опоры светской власти. Теперь на перезвон колоколов городского Троицкого собора отзывались колокола монастырской церкви.

До сравнительно недавнего времени авторы работ, посвященных Дежневу, ничего не могли сообщить о последующем четырехлетнем периоде его жизни. Потому что не располагали документами. «Когда именно прибыл он в Якутск, где и как продолжалась его служба в качестве якутского «казацкого атамана», — сведений об этом к сожалению не имею», — писал Н. Оглоблин в конце прошлого века. «Ничего не известно также о пребывании Дежнева в Якутске с 1666 по 1670 год в должности атамана», — сетует В. Ю. Визе в одной из своих работ, опубликованной в 1948 году. И лишь неутомимому М. И. Белову удалось отыскать в архивах несколько документов, которые проливают свет на службу Дежнева за это четырехлетие.

Пока Семен Иванович нес службу на дальних реках

и ездил в Москву, подрос, возмужал его сын Любим от первой жены, якутки Абакаяды Сичю. Младший Дежнев был принят на государеву службу как рядовой казак, ходил в походы, неоднократно служил с известным первопроходцем Владимиром Атласовым на реках Уде, Тугире и других. В документах Якутской приказной избы, относящихся к концу XVII века, имя Любима Дежнева встречается довольно часто. До конца своей службы он оставался рядовым казаком. А ведь сыновья сотников, атаманов, детей боярских обычно продвигались по служебной лестнице, получая очередные чины. Здесь играли свою роль отцовские деньги, влияние, связи. А отец Любима никогда не был близок ни к одному из воевод, ни к воеводскому окружению, отличался независимым характером, состояния не нажил. «Став атаманом, Дежнев не стал богаче, — пишет М. И. Белов. — Высшее казачье звание было скорее почетным, чем давало ему какие-либо материальные преимущества. Правда, он стал получать повышенное жалованье, но это не меняло положения, так как он продолжал оставаться в числе выслужившихся средних или бедных казаков... Вот почему сам Дежнев, став атаманом, продолжал нести службу на третьестепенных постах, в то время как его товарищи из казачьей старшины за взятки в 300—500 рублей, которые они давали якутскому воеводе, получали выгодные посты на реках Охоте, Колыме, Индигирке».

Чин атамана означал для Дежнева значительное повышение по служебной лестнице. Но это не повлияло на его характер. Он оставался таким же бескорыстным, справедливым, терпимым к товарищам. Это резко отличало его от воеводского окружения, казачьей старшины, той среды, для которой было характерно корыстолюбие, взяточничество, взаимная зависть, угодничество перед вышестоящими.

Первой жены Дежнева, Абакаяды Сичю, очевидно, не было в живых ко времени его возвращения из Москвы.

Пожилой атаман тяготился одиночеством, да и хозяйка в доме была нужна. Он присмотрел вдову умершего служилого человека и кузнеца Ивана Арбутова Кантеминку, или Капку, как звали ее на русский лад. Это была женщина уже не первой молодости, имевшая от первого брака сына Осипа. Русских женщин в Якутске по-прежнему было мало. И поэтому многие служилые женились на якутках. Жены довольно часто теряли своих мужей, не возвращавшихся из тяжелых и опасных походов. Вдовы сравнительно легко находили нового спутника жизни, при этом ни возраст, ни дети от первого брака не служили препятствием.

Вторая жена Дежнева в разных документах названа разными именами — Кантеминка (имя явно нерусское, очевидно, якутское) и Пелагея Семенова. Не разные ли это женщины? М. И. Белов утверждает, что речь идет об одной и той же. Пелагея — это христианское имя, полученное Кантеминкой при крещении. Примем и мы эту версию.

Кузнец Иван Арбутов оставил вдове в наследство кое-какую недвижимость, в частности, покосы на Еловом острове вблизи Якутска. Вступая в брак с Кантеминкой-Пелагеей, Семен Иванович брал на себя обязательство содержать пасынка и принял недвижимое имущество покойного Арбутова. От второго брака у Дежнева был сын Афанасий, ставший впоследствии также служилым человеком. Известно, что в конце 90-х годов младший сын Семена Ивановича служил на Анадыри, там же, где когда-то служил его отец.

В течение осени и зимы 1666/67 года Дежнев проживал в Якутске, занимаясь устройством своих семейных дел. Затем он получил назначение на Чечуйский волок, расположенный на водоразделе между верхней Леной и верховьями Нижней Тунгуски. Место это было захолустное, малолюдное. Чечуйским волоком в то время пользовались редко. Но рядом были оживленные ленские верховья. Здесь русские переселенцы начинали

осваивать сельскохозяйственные угодья. От устья Куты Лена играла роль оживленной транспортной магистрали, по которой шли в Якутию с Западной Сибири грузы: хлеб, боеприпасы, людское пополнение, а из Якутии — отряды, сопровождавшие партии пушнины и моржовой кости. Этот путь оставался в стороне от Чечуйского волока, захватывая Ленский волок между Илимом и Куттой. Неутомимые русские земледельцы осваивали здесь целину, расчищая лесные и кустарниковые заросли, и выращивали овес, рожь, овощи. На сочных пойменных лугах паслись стада крупного рогатого скота. По примеру русских собратьев и якуты, пока еще медленно, с оглядкой, начинали приобщаться к хлебопашеству. Якутское воеводство теперь располагало собственным источником снабжения хлебом, который частично покрывал местные потребности.

На Чечуйском волоке Дежневу довелось служить не продолжительное время, весной — летом 1667 года. Он снаряжает караван с хлебом для Якутска. Затем он соприкасается со злополучным делом Курбата Иванова и проявляет много личного бескорыстного благородства и мужества в защите старого товарища, попавшего в беду. Вспомним, сотник Курбат Иванов, назначенный анадырским приказчиком, сменил там Семена Ивановича в 1659 году. Прослужив некоторое время на Анадыри, он волею судьбы, будучи уже сыном боярским, оказался также на Чечуйском волоке, сослуживцем Дежнева.

Суть дела Курбата Иванова такова. Отслужив свою анадырскую службу, возвращался он с ясачной казной на Лену. В районе Нижнеколымска Курбат вынужден был зазимовать. И там-то во время зимовки случилась беда, пожар. Во время пожара сгорела ясачная казна. Если и не было в том прямой вины Курбата, то в недосмотре винить его было можно. Строгий спрос мог быть с него, начальника отряда, ответственного за ценный груз. В ясачной книге об этом происшествии имеется

такая запись: «Стояли де они (отряд Курбата Иванова. — Л. Д.)... на Дуванном песку и роставили вместо стана парус, и в том парусе те соболи были в мешке в постельном. И пошли они ис того стана на нижнюю ярмонку к башлыку к Гришке Татаринovu прощать коча, чтоб под ту великого государя казну итти морем в Якуцкой. А в том де стану оставались его, Курбатов, работник, коряцкой детина, да ево, Петрушкин, ясырь, да промышленных людей Васьки Гребенщика да Треньки Степанова ясыри. И без них тот стан загорелся грешным делом, и те великого государя ясачные соболи згорели, и иные поплели, да и их де пожитченка и платышко в том стану згорели».

На первых порах Курбат как-то избежал наказания и был направлен для дальнейшей службы на Чечуйский волок, хотя и не в качестве начальника. Воевода князь Борятинский, сменивший Голенищева-Кутузова, нерешительный тугодум, был озадачен случившимся. Сам он не решился принять какого-либо решения, а послал запрос в Москву, как поступить с Курбатом. Из Сибирского приказа пришло строгое предписание — схватить его и судить. Чечуйский волок был расположен ближе к Илимску, центру соседнего воеводства, нежели к Якутску. Илимский воевода Аничков и якутский — Борятинский действовали совместно. Из Илимска на волок были направлены два служилых человека, пятидесятник и десятник, чтобы арестовать Курбата Иванова. Дежнев отказал им в выдаче своего товарища и пытался обратиться за помощью к Ерастову, который был тогда на Чечуйском волоке старшим представителем власти. Ерастов не посмел ослушаться приказа и выдал Курбата илимским служилым людям, да еще снабдил их подводами. Через несколько дней после этого потрясенный случившимся Курбат Иванов умер. Его ожидало суровое наказание, в лучшем случае возмещение стоимости погибшей казны, лишавшее его тех небольших сбережений, которые он смог скопить за долгие годы нелегкой служ-

бы. А ведь он внес свой немалый вклад в русские географические открытия XVII века. Ему принадлежит заслуга открытия залива Креста и бухты Провидения.

В конце лета Дежнев возвратился с Чечуйского волока в Якутск и вскоре получил новое назначение — в качестве приказчика Оленекского зимовья, на северо-западную окраину Якутии. Довольно значительной протяженности река Оленек течет в меридиональном направлении к западу от Лены и впадает в Северный Ледовитый океан чуть западнее огромного лабиринта рукавов и проток, составляющих ленскую дельту. Нижняя часть оленекского бассейна охватывает тундровые пространства, а верховья реки находятся в лесной зоне. По берегам Оленека кочевали немногочисленные эвенки, оленеводы и охотники.

Оленек был открыт русскими еще в 20-е годы. Первыми побывали здесь мангазейские казаки. В 1633—1634 годах Илья Перфильев и Иван Ребров, выйдя из устья Лены и идя в западном направлении, вошли в реку Оленек. Во второй половине 30-х годов сюда ходил с отрядом казак Елисей Буза. В 1648 году, когда Алексеев и Дежнев с товарищами осуществляли свою героическую экспедицию, отряд Якова Семенова первым совершил плавание по Ледовитому океану из Хатангской губы до устья Анабары, пройдя этот путь на коче за девять дней. До него этим путем русские еще не ходили. Вслед за Семеновым сюда потянулись один за другим как мангазейские служилые и промысловые люди, так и ленские. Здесь, к западу от Оленека проходила граница между Мангазейским и Якутским уездами, очень нечеткая и неопределенная. Мангазейские служилые люди, собирая ясак с эвенков, доходили до Оленекского хребта. Ленские сборщики ясака появлялись на Анабаре и даже в окрестностях озера Ессей. Порой случались встречи казачьих групп мангазейцев и ленцев, заканчивавшиеся взаимными конфликтами и даже вооруженными стычками. Поводом для них обычно служило

вторжение одной из групп на территорию, признанную сферой деятельности соседей. Бывало, что и промышленные люди переходили границу, разделявшую уезды, и вели промысел за ее пределами. И это порождало стычки.

Чтобы прекратить эти конфликты и столкновения, якутские воеводы строго-настрого предписывали промышленникам вести промысел только в границах своего уезда. Это преследовало и другую цель — предотвратить уход промышленников в Мангазею, на Пясино, нижний Енисей, дабы Якутское воеводство не лишалось людей, приносящих доход казне. Так, отпуская летом 1642 года на Оленек казака Ивана Реброва, Петр Головин давал ему наказ: «А таво беречь накрепко, чтоб нихто из торговых и промышленных людей с Оленека в Пясино и на Тунгуску не перешел». Воевода также предписывал Реброву заняться поисками дорог к острову с «заморным зубом», который лежит в море к западу от реки Анабары. Имелся в виду, по-видимому, остров Бегичева у выхода из Хатангского залива. Но позже Головин, опасаясь, как бы промышленники не ушли в Мангазейский уезд и не остались там, запретил дальнейшие поиски острова и всякие поездки за пределы Ленского уезда. Строгие наказания с аналогичными запретами были также направлены государственным приказчикам на Индигирке, Алазее и Колыме. Так сводились на нет связи с мангазейскими землями. И это послужило причиной того, что промышленные и торговые люди утратили интерес к Оленеку, все реже и реже выезжали на эту реку. Оленекские промыслы с 50-х годов приходили в упадок и приносили все меньше и меньше дохода. Якутские власти, однако, продолжали посылать на Оленек на очередной двухлетний срок своего приказчика для сбора ясака с местного населения.

Назначение Дежнева оленекским приказчиком можно было рассматривать как командирование на место далеко не первостепенной важности. Русских промышлен-

ников на Оленеке в ту пору почти не было. Враждовавшие между собой эвенкийские роды, обитавшие по берегам этой реки, платили ясак неисправно. Власти воеводства уделяли Оленеку мало внимания. Это место считалось захудалой окраиной, непрестижной и неприбыльной.

К новому месту назначения Дежнев поехал с семьей — женой Кантеминкой, или Пелагеей и ее сыном Осипом. Родился ли к тому времени свой младший, Афанасий, мы не знаем. Вероятно, нужда заставила Семена Ивановича взять семью с собой, так как из-за бедности он не мог содержать ее в Якутске и жить на два дома.

На Оленеке Дежнев застал напряженную обстановку. Не утихла вражда между азянским и боягирским эвенкийскими родами. Боягиры в свое время захватили в плен и сделали своим холопом человека аянского рода Узона. Тому удалось бежать и возвратиться в родное стойбище. Боягиры, воинственно настроенные, подошли к тому стойбищу и стали требовать выдачи беглеца. Азяны отказались выдать члена своего рода Узона. Назревала кровавая стычка. Вмешательство Дежнева помогло предотвратить усобицу. И это не замедлило дать свои плоды. Атаману удалось полностью собрать с оленекских эвенков ясак, который в прошлые годы выплачивался неисправно с большими недоимками. Сохранилась отписка Дежнева в Якутскую приказную избу о том, что он собрал с оленекских эвенков и якутов 3 сорока 27 соболей и выслал ту казну в Якутск со служилыми людьми Сидоркой Емельяновым и Ивашкой Аргуновым.

На Оленеке Дежнев и его товарищи испытывали тяжелые лишения, голодали. Небольшое хлебное жалованье, которым снабдили их в Якутске, давно кончилось. Снабжать зимовье продовольствием власти воеводства не считали нужным. Приходилось служилым людям питаться за счет продуктов своего промысла.

«Всякою скверность принимаем», — горько жаловался Дежнев в своей отписке в Якутск.

После службы на Оленеке Семен Иванович ездил для сбора ясака сперва в Верхоянское зимовье, потом в Средне-Вилуйское. На Вилую весной 1670 года закончилась его служба в Якутском воеводстве.

Мы видели, что судьба бросала Семена Дежнева из одного конца обширного края в другой. Можно сказать, что он побывал во всех концах современной Якутии — и на верхней Лене, и на Алдане, и на Яне, и на Индигирке, и на Колыме, и на Оленеке, и на Вилую, а также за пределами Якутии, на крайнем северо-востоке Азии — на Анадыри и побережье Берингова моря. Он проходил по лесным тропам и горным кручам, шел через перевалы и волоки, мчался на оленьих нартах по тундровым просторам, плавал по многим рекам, преодолевая стремнины и перекаты, обходя коварные пороги и водопады, отправлялся и в морские плавания.

Годы брали свое. Дежневу шел седьмой десяток. С горечью узнавал он, что уходили из жизни старые его товарищи. Не было уже в живых славного морехода Ивана Реброва, открывшего Яну и Индигирку и дослужившегося до чина сына боярского. Пройдет много лет, и его потомок Яков Пермяков примет участие в полярных исследованиях, открытии Новосибирских островов. В один год с кончиной Реброва, в 1666 году, погиб Михаил Стадухин, доставивший Семену Ивановичу много горьких минут. Вряд ли теперь незлобивый Дежнев думал о своем покойном недруге плохо. Ведь смелый и решительный казак был. И он оставил свой добрый след на земле, след первооткрывателя.

Вернувшись с Вилуя, старый атаман некоторое время находился не у дел. А тем временем воевода Иван Борятинский подыскивал подходящего человека, который возглавил бы отряд, сопровождавший очередную «государеву соболиную казну». Его выбор был остановлен на Семене Ивановиче. С 50-х годов было принято

посылать в Москву для сопровождения соболиной казны служилых людей высокого ранга и состоятельных, детей боярских или по крайней мере сотников или атаманов. Из служилых людей такого ранга в Якутске в ту пору никого, кроме Семена Ивановича, не было. Все остальные разъехались по зимовьям. Так что назначение Дежнева следует, по-видимому, объяснить стечением обстоятельств. «Казачий атаман Семен Дежнев летом 1670 года оставался единственным кандидатом в начальники отряда, который должен был сопровождать ясачную казну», — утверждает М. И. Белов.

Это утверждение, очевидно, имеет под собой основание. Действительно из всей казачьей старшины в то время лишь один Семен Иванович оставался без назначения на очередную службу. Но нельзя отрицать и другого. Каково бы ни было личное отношение воеводы и воеводской администрации к Дежневу, были очевидны такие качества старого атамана, как честность, исполнительность, высокое чувство ответственности и долга и огромный жизненный опыт и опыт служилого человека. К тому же Семен Иванович уже принимал однажды участие в доставке государевой казны в Москву. Так что по всем статьям эта фигура не могла вызывать сомнения.

На этот раз на Дежнева возлагалось самостоятельное ответственное поручение. Он становился начальником крупного конвойного отряда, а не рядовым его членом. В составе отряда оказалось 34 промышленника и 9 ленских и тобольских служилых людей. В их числе был сын Михаила Стадухина Нефед Михайлов. Вот еще одно частное свидетельство незлобивости, незабываемости характера Семена Ивановича — он не возражает включить в состав отряда сына своего старого недруга. За соболиную казну непосредственно отвечали целовальники Иван Самойлов и Гаврило Карпов. Первый из них служил когда-то на жиганской таможне и досматривал у Дежнева костяную казну. На этот раз

государева казна состояла из большой партии мягкой рухляди — соболиных и лисьих шкур. Вся она оценивалась в огромную сумму — в 47 164 рубля.

16. СНОВА В МОСКВУ. КОНЕЦ ПУТИ

Дежнев выехал из Якутска 20 июля 1670 года. Воевода строго-настрого напутствовал отъезжавших, чтобы служилые, сопровождавшие соболиную казну, дурных, порочащих звание государевых людей поступков не совершали, какого-либо непотребного воровства не творили, по кабакам не шлялись, в азартные игры не играли. Ослушников этого наказа велено было бить батогами, а исполнение наказаний возлагалось на местные власти.

Кроме соболиной казны, Дежнев вез в Москву различные документы Якутской приказной избы за минувший год: денежные и хлебные сметные и пометные списки, ясачные книги, именные окладные книги, отписки и челобитные. Некоторые подробности этой второй поездки Семена Ивановича в Москву известны из отписок воевод: якутского, илимского, тобольских, «ценовой росписи», доставленной Дежневым из Якутска в Москву, а также «приемной росписи» соболиной казны.

Шли вверх по Лене где на веслах, где бечевой. Ночью выставляли у соболиной казны усиленные вооруженные караулы. Как бы лихие воровские люди не застали врасплох. Пока плыли по Лене, стояла дождливая погода. От сырости пострадала поклажа. От Куты до Илимского острога перевозили соболиную казну на вьюках, заполучив лошадей в Верхоленском остроге. В Илимский острог прибыли в первых числах сентября. Местный воевода Сила Аничков провел тщательный досмотр мешков и сум с мягкой рухлядью и обнаружил, что у многих из них печати Якутского воеводства «подрезаны и сняты, и в суммы и в мешки хоженое». Дежнев

объяснил, что суммы и мешки действительно вскрывались, и это было вызвано крайней необходимостью. Из-за дождей груз в дороге подмок, и Дежнев с товарищами «для высушки казны» были вынуждены снять якутские печати и извлечь шкурки из мешков и сум. Такое объяснение, видимо, удовлетворило воеводу Аничкова, и он вместо прежних якутских печатей наложил свои, илимские. В Илимске пришлось зазимовать.

Вновь плавание по бурному Илим и порожиистой Ангаре. Приближающиеся пороги встречают отряд гулким шумом, словно возвещая об опасности. Опять приходится перетаскивать ценный груз на руках по берегу, в обход коварных порогов. Илимский воевода предоставил в распоряжение Дежнева «большое судно», одно на весь отряд. Семен Иванович в отписке якутскому воеводе жаловался, что трудно с маленьким отрядом плыть на таком «большом судне», и «ветры стали противные и мы вниз реки тянулись бечевой и дале Енисейского острогу не могли поспеть».

В Енисейске отряд долго не задерживался. Через Кетский волок вышли к Маковскому острогу на Кети, где раздобыли речные дощаники для дальнейшего плавания. Из Кети спустились в широкую Обь. Шли по ней через Нарым, Сургут до иртышского устья, а потом поднялись вверх по Иртышу. 26 июня 1671 года Дежнев с товарищами прибыли в Тобольск. Здесь в то время было несколько воевод, главным из них считался боярин Иван Борисович Репнин. Тобольские воеводы также осматривали якутскую соболиную казну, сверяя ее с росписью. Вся означенная в росписи пушнина оказалась в наличии, но часть шкур была подмочена и подгнила. Дежнев показал, что на Лене во время плавания отряда шли «дожди великие», подмочившие мягкую рухлядь. Воеводы приняли к сведению объяснение, приложили к мешкам и суммам тобольские печати и разрешили Дежневу дальнейший путь. Пока отряд собирался в дорогу, готовил к плаванью судно, может быть, чинил

его, конопатил, мешки и сумы с соболиной казной сложили в государственный амбар.

Юрий Крижанич все еще проживал в Тобольске на положении ссыльного. Из ссылки он был возвращен только в 1676 году, прожив в Сибири шестнадцать лет. Весьма вероятно, что и во время этого посещения Тобольска Семен Иванович встречался и беседовал с ученым хорватом. И также весьма вероятно, что беседы этих двух выдающихся людей убедили пытливого Крижанича в том, что Ледовитое море соединено проливом с Восточным океаном и этот же пролив, открытый русскими мореплавателями, разделяет Азиатский и Американский материки.

Дежнев мог встретиться и с другим знаменитым тобольским обитателем — Семеном Ульяновичем Ремезовым, человеком разносторонних интересов, картографом, архитектором, писателем. Во время последнего посещения Тобольска Дежневым Ремезову было 29 лет (он родился в 1642 году), то есть он достиг вполне зрелого возраста. Его природная любознательность, жажда знаний наверняка могли побудить его к встрече с замечательным землепроходцем. Правда, картографическая деятельность Ремезова падает на более позднее время — последние годы XVII — начало XVIII века. Использовал ли Семен Ульянович, работая над атласом Сибири, какие-либо сведения, полученные от Дежнева, об экспедиции которого он, несомненно, знал? С большой долей вероятности можно ответить на этот вопрос утвердительно.

Незадолго до приезда Дежнева с товарищами в Тобольск умер прежний тобольский воевода Петр Иванович Годунов, предшественник Репнина. Воеводство Годунова (1667—1670) падает на период между двумя поездками Семена Ивановича в Москву. Так что Дежневу не довелось встретиться с этой яркой фигурой. Способный администратор, человек широкого кругозора, Годунов много сделал для развития Западной Сибири. Он

реорганизовал войско, учредив конницу, принял меры по укреплению южных сибирских границ, способствовал развитию земледелия. При его содействии и прямом участии был составлен чертеж Сибири 1667 года, велась работа над историко-географическими трудами. Несомненно, Петр Годунов пользовался «сказками» и отписками, то есть устными и письменными свидетельствами русских первопроходцев, лично расспрашивал их о походах и открытиях. И хотя его встреча с Дежневым не могла состояться, о его плавании воевода-космограф мог узнать от других лиц, от того же Крижанича, а возможно, пользовался и дежневским чертежом с нанесенными на них Анадырью с притоками и моржовой коргой.

Годуновский чертеж долгое время считался утерянным. Известно, что его копией или отписком пользовался в конце того же века другой тобольский картограф, Семен Ульянович Ремезов, составивший большой атлас Сибири. И лишь во второй половине прошлого века его отыскал в Стокгольмском государственном архиве поллярный мореплаватель Норденшельд. Правда, это оказалась лишь копия, но и она представляла огромный интерес, давая полное впечатление о первой картографической работе, посвященной Сибири. Это была та самая копия, которую перерисовал Прютц, состоявший при шведском посольстве в Москве в 1668—1669 годах. Из годуновского чертежа москвичи не делали большого секрета. Несколько позже ту же карту копировал военный агент при шведском посольстве Эрик Пальмквист. В настоящее время известны пять копий годуновского чертежа — три шведских и две русских (обе выполнены С. У. Ремезовым).

В сопоставлении с современными картами годуновский чертеж покажется нам еще слишком схематичным и наивным. Он не передает точных очертаний материка, реки представляют собой одинаковые извилистые линии. Составитель не знает масштаба. И все же это новый

шаг в развитии картографии. На чертеже П. И. Годунова впервые запечатлены вновь открытые русскими перепроходцами реки и земли Восточной Сибири. Большого Каменного носа на нем еще не было, хотя была обозначена река Камчатка. По-видимому, Годунов уже располагал какими-то сведениями о первых русских путешественниках, достигавших Камчатской земли.

О чертеже Сибири, направленном Петром Годуновым в Сибирский приказ, проводили вездесущие иностранцы и постарались добыть его. Клаас Прютц, находившийся в составе шведского посольства короля Карла XI, выпросил у князя Ивана Воротынского, царского родственника, чертеж буквально на несколько часов, давая обещание не копировать его. Свое обещание настырный швед, конечно же, не сдержал и работу Годунова перерисовал. Копии годуновского чертежа, целиком и по частям, попадали в Западную Европу и другими путями. Один фрагмент чертежа смог приобрести Витсен. Так космографический труд тобольского воеводы Петра Годунова привлек внимание западных картографов, нашел отражение в развитии европейской картографии, способствовал расширению географических представлений о России в Западной Европе.

В Тобольске Дежнев с товарищами находился около полутора месяцев. В августе тронулись в дальнейший путь по Иртышу, Тоболу, Туре. В Верхотурье прибыл уже в ноябре, когда реки у берегов окаймлял ледяной припой и надвигалась зима.

На Верхотурской таможенной заставе производился последний досмотр государственной казны. Таможенный и заставный голова Сила Садилов, осматривавший казну, заметил, что некоторые «мешки холщовые во многих местах испробиты и плачены (то есть на них наложены заплаты. — Л. Д.) и мешки сверхи местами зашивано». Голова потребовал, чтобы начальник отряда и целовальники, непосредственно отвечающие за сохранность мягкой рухляди, представили письменное объяснение

причин порчи мешков. Дежнев и целовальники Иван Самойлов и Гаврила Карпов составили и представили в верхотурскую таможенную «сказку», в которой и дали подробное объяснение. Во время остановки отряда в Тобольске соболиная казна была сложена для хранения в амбар, где многие мешки «мыши испробили во многих местах». Пришлось «мыши пробоины» зашивать, накладывать на них заплаты. Происходили повреждения мешков и во время дальнейшего плавания от Тобольска до Верхотурья. Объяснение Дежнева и его целовальников Сила Садилов принял к сведению, а их «сказку» отправил с собственной отпиской в Сибирский приказ.

В Верхотурье ожидали становления зимнего пути и через европейскую часть страны двигались по зимнику, на подводах. Вновь не миновали Соликамска, Сольвычегодска, Великого Устюга, Тотьмы, Вологды, Ярославля. В Москву отряд въехал Ярославским трактом через Сретенские ворота 25 декабря 1671 года. Был день рождения. Город оглушался праздничным перезвоном колоколов. Гудел мощным басом Иван Великий. Нарядные боярские возки обгоняли сибиряков. У ворот Китай-города несли караульную службу стрельцы с секирами. На Красной площади у торговых рядов толпился народ. Что-то выкрикивали бирючи с Лобного места...

В тот же день Дежнев явился в Сибирский приказ и сдал всю якутскую почту. Прием соболиной казны отложили из-за праздников на несколько дней. Приемщиком и оценщиком мягкой рухляди назначили именитого гостя Остафья Филатьева. Его приказчики вели торговые и промысловые операции и в Восточной Сибири, и Семен Иванович мог не раз встречать их в Якутске. С помощью приказных купец сверил по описи общее количество шкурок, убедился в их отменном качестве и дал заключение, что казна целиком доставлена Дежневым в Москву в сохранности. Об этом свидетельствовала «приемная роспись», составленная Филатьевым. Она убеждает нас в том, что никаких злоупотреблений Дежневым

и его товарищами допущено в пути не было, и объяснения начальника отряда о вынужденном вскрытии сум и мешков кажутся нам убедительными.

Семен Иванович Дежнев, старый казачий атаман, выполнил последнюю свою службу. Вернуться в Якутск к семье, увидеть сыновей ему было не суждено. Он тяжело заболел и был уже не в состоянии пускаться в долгий и нелегкий обратный путь. Его товарищи добрались до Лены без своего предводителя. Долгие годы тяжких испытаний, голод, нужда, зимняя стужа, утомительные походы в любое время года и, наконец, многочисленные ранения — все это подорвало крепкий и выносливый организм, подточило его. Дежнев еще крепился во время последней дороги в Москву, бодро делил с товарищами все трудности. А в Москве он как-то сразу сдал, одряхлел, ослаб. Может быть, бремя тяжелой ответственности за государеву казну, досмотры и дознания со стороны подозрительных воевод поспособствовали хворям, разом навалившимся на него.

Он еще прожил год с небольшим. Где он обитал в последние месяцы своей жизни — в усадьбе ли купцов Усовых или у каких-либо случайных людей, приютивших его? Или о судьбе заслуженного первопроходца позаботился Сибирский приказ? Этого мы не знаем.

Наступила весна 1672 года. Быть может, старый атаман еще нашел в себе силы выйти из избы, чтобы прогреть свои старые кости, зарубцевавшиеся раны на весеннем солнцепеке, послушать, о чем судачат в Москве. Быть может, и довелось ему увидеть, как поздней весной из кремлевских ворот выезжала вереница карет в окружении вооруженных всадников на сытых конях. На запятках карет рынды в высоких песцовых шапках, с короткими бердышами. Толпа зевак провожала кортеж. Еще бы, сам царь Алексей Михайлович с многочисленными чадами своими и домочадцами переезжает в летний подмосковный дворец в селе Коломенском. Москвичи называют тот дворец дивом дивным, восьмым

чудом света. Дворцовые терема разукрашены резьбой, колонночками, шпилями, увенчанными двуглавыми орлами, кровлями — бочонками, кокошниками, крылечками. Дивятся иностранцы на то неповторимое творение рук русских мастеров.

Только на три года переживет Дежнева царь Алексей Михайлович, прозванный Тишайшим. Уйдет он из жизни совсем еще не старым, оставив далеко не однозначные следы своего царствования.

При Алексее Михайловиче произошло добровольное воссоединение Украины с Россией. 8 января 1654 года в городе Переяславе (нынешнем Переяславе-Хмельницком) созванное гетманом Богданом Хмельницким собрание представителей украинского народа приняло историческое решение о воссоединении. Собрание это вошло в историю под названием Переяславской Рады, завершившей борьбу украинского народа против гнета польских феодалов и за воссоединение с Россией. Так русский и украинский народы, имевшие общие исторические корни, вошли в единую семью народов.

Восточные границы страны отодвинулись до самого Тихого океана, были продолжены славные географические открытия, начатые еще при первом царе из семьи Романовых — Михаиле Федоровиче. Происходил процесс формирования многонационального Российского государства, охватившего и просторы Западной и Восточной Сибири, Якутии, Тихоокеанского побережья.

Заметный подъем переживает развитие русской культуры. В архитектурном стиле церковных и гражданских построек появились новые, жизнеутверждающие черты. В столице и других городах возводились красивые храмы, боярские и купеческие палаты, административные здания, украшавшиеся орнаментальным декором. Бордюры из цветных изразцов, колонны и пилястры, украшенные резьбой по камню, воссоздававшей виноградную лозу, причудливые цветы и узоры были характерны для нового стиля. Живописцы сделали шаг вперед от стро-

гих канонов традиционной статичной иконописи к реалистической живописи. Воплощением этой тенденции стали портреты-парсуны, которые передавали уже индивидуальные черты запечатленных на них лиц. Эти произведения живописи донесли до нас образы многих государственных и культурных деятелей того времени.

Сам царь Алексей Михайлович был начитан, собирал книги и даже пытался пробовать свои силы на литературном поприще. Он написал «Уложения сокольничья пути», пробовал писать воспоминания о польской войне. Он собственноручно составлял указы или правил подготовленные для него документы. Большой интерес Алексей Михайлович проявлял к делам сибирским, деятельности Сибирского приказа, походам первооткрывателей. По своему характеру и стилю работы он весьма отличался от отца Михаила Федоровича, болезненного и слабохарактерного, при котором всеми делами фактически вершили сильные временщики. При царском дворе существовал придворный театр, и царь с семьей появлялся среди зрителей. В царском окружении теперь выделялись образованные люди, книголюбы, владевшие иностранными языками. Это все было новым в придворном быте и в жизни верхушки московского общества. Вызревали предпосылки великих реформ и преобразований русской жизни, осуществленных Петром I, а некоторые реформы исподволь начинались уже во времена Алексея Михайловича, предвосхитив петровские. Как справедливо пишет известный современный советский историк В. И. Буганов о времени Петра I, «недаром время царствования его отца Алексея и брата Федора называют иногда предреформенной порой, кануном петровских преобразований».

Царь Алексей Михайлович, образованный по понятиям своего времени человек, был приверженцем архаичного, византийского уклада придворной жизни с ее пышными и сложными церемониалами, иерархией чинов. Уклад этот становился анахронизмом, не отве-

чающим духу времени. Отнюдь не тишайшим было царствование Тишайшего, а скорее бурным, напряженным, насыщенным выступлениями крестьянства и городской бедноты против феодальной эксплуатации. И самым крупномасштабным из этих выступлений оказалась крестьянская война под предводительством Степана Разина. Социальные выступления масс отчасти принимали форму церковного раскола, хотя к расколу примыкали и некоторые боярские и купеческие семьи, ревнители старины, недовольные новшествами царя и патриарха Никона.

Пищи для всяких тревожных разговоров и слухов на Москве было более чем достаточно. Семен Дежнев мог услышать передаваемые шепотом рассказы о страдальце за старую веру, протопопе Аввакуме, томившемся в яме-темнице в холодном Пустозерске. Аввакум слал из заключения «прелестные письма», которые расходились по стране, доходили и до Москвы. Их передавали друг другу тайком, с оглядкой недовольные порядками. В своих письмах-воззваниях, ходивших по рукам, неистовый протопоп обличал стяжательство, произвол, не щадил боярство и даже самого царя.

А в Ферапонтово-Белозерском монастыре, правда не в земляной яме, а в удобных палатах, томился ярый супротивник Аввакума, низложенный патриарх Никон, возмечтавший было поставить себя выше царя и главенствовать в государстве. И Никон, как и Аввакум, был человеком сильного характера, упрямым, несгибаемым. Предпочитал сидеть в дальнем монастыре, но не повиноваться, не смирить свое непомерное честолюбие.

Но больше всего в народе говорили о лихом донском казаке Стеньке Разине, поднявшем против господи царя толпы голодных и обездоленных людей. Имя Разина, наводившее панический ужас на бояр и помещиков, царевых слуг, обростало легендами и народными домыслами. Был самый разгар крестьянской войны, охватившей Дон и Нижнюю Волгу.

О судьбе неистового Аввакума и его обличительных письмах, о свержении с патриаршего престола гордого упряма Никона, о разгуле крестьянской вольницы на юге страны, о дерзком атамане Степане Разине не мог не услышать старый атаман. Об этом говорила вся Москва.

Все более одолевали Дежнева хвори и старческая слабость. Зябко кутался он в поношенный кожушок. Вспоминал былое. Вставали перед ним Студеное море, зубатые люди у Большого Каменного носа. Вот беснуются белогривые шальные волны. Рвется в клочья парус, скрипит, стонет корабль. Мореходы шепчут слова молитвы. Пронесло бы. На высоком гребне волны взметнулся другой коч и исчез в пучине. Кричи не кричи — никто тебя не услышит в реве океана, в свисте ветра. Погибли ли товарищи или занесло их в чужие земли? Один бог про то ведает.

Длинной вереницей встают перед глазами образы сотоварищей по походам и плаваниям. Федот Алексеев, Курбат Иванов, Михайло Стадухин, Юшко Селиверстов... Никого из них уже нет в живых. На Михайлу и Юшка он, Семейка, зла в своем сердце не таит. Бог им судья.

Скончался Семен Иванович в Москве в начале 1673 года. Об этом в «окладной книге» денежного, хлебного и соляного жалованья служилых людей города Якутска сделана короткая запись: «Семен Дежнев — во 181-м году на Москве умре, а оклад его в выбылых». Прожил он около семидесяти лет. Из них не менее пяти десятилетий провел в походах и плаваниях.

Мы не знаем, кто проводил Семена Ивановича в последний путь. Не знаем, да и вряд ли сможем установить, где покойся прах Дежнева в Москве. В XVII веке в столице не было больших общих кладбищ. Усопших обычно хоронили внутри церковной ограды, рядом с их

приходской церковью. Так как храмов в Москве было великое множество, то и таких маленьких кладбищ было много. Еще и сейчас возле старинных московских церквей можно найти вросшие в землю надгробные плиты с полустершимися надписями. Иногда их находят под толстым слоем земли во время разного рода земляных и строительных работ. Со временем такие приходские кладбища совсем исчезли с лица земли, а территории многих из них оказались застроенными. Так что поиски могилы Дежнева, если бы мы даже знали, в каком приходе он умер и похоронен, вряд ли будут успешными.

Напомним, что Семен Иванович был дважды женат и оставил потомство. Его сыновья, старший Любим и младший Афанасий, служили как простые казаки в Якутском воеводстве. Имя жены Семена Ивановича упоминается в одном документе, датированном началом марта 1673 года, когда Семена Ивановича, вероятно, уже не было в живых. Это память о выдаче хлебного жалованья жене казачьего атамана Дежнева Пелагее и другим женам служилых людей. Пелагее полагалось получить «по два пуда за рожь деньгами по осьми алтын по две деньги за пуд».

В середине 1675 года в книге Якутской приказной избы была сделана запись: «А он, Семен, умер, а жена ево Пелагея после ево, Семеновы, смерти вышла замуж за казака Гришку Ларионова».

Вся жизнь Семена Ивановича Дежнева и особенно плавание 1648 года, начатое под руководством Федота Алексеева-Попова и завершенное во главе с Дежневым — это одна из самых героических страниц в истории русских географических открытий.

Историческое плавание Алексеева—Дежнева означало, что к середине XVII века весь Северный морской путь был пройден по частям русскими мореходами. Они достигли восточной оконечности Азии, открыли пролив, разделявший Азиатский и Американский материки. В этом великое значение экспедиции 1648 года.

Как свидетельствуют исторические документы, плавание русских мореходов вдоль северных берегов Сибири было в XVII веке, особенно в его второй половине, довольно оживленным. По подсчетам М. И. Белова, по Северному Ледовитому океану у сибирских берегов с 1633 по 1689 год было совершено 177 плаваний как в одиночных судах, так и в отрядах из нескольких судов. Речь идет лишь о плаваниях, зафиксированных в документах, обнаруженных исследователями.

Русские служилые и промышленные люди открывали все новые и новые реки и земли, продвигаясь все далее и далее на восток, к берегам Тихого океана. Речь идет об открытии рек и земель, новых для русских, для европейцев, известных аборигенным народам испокон веков. От похода Ермака (1579—1581 гг.) до выхода отряда Ивана Москвитина на Тихоокеанское побережье прошло каких-нибудь шесть десятилетий. Напомним для сравнения, что волна англоамериканских переселенцев продвигалась от Атлантического побережья до Тихого океана в течение примерно двух с половиной столетий. Этой быстроте русского продвижения на восток во многом содействовал отчасти мирный характер присоединения сибирских земель. На северо-востоке Сибири русские встречали активное сопротивление лишь преимущественно со стороны чукчей и коряков. В целом же происходило хозяйственное и культурное сближение русской части населения с аборигенными народами, ока-

зывавшими землепроходцам немалую помощь в сборе географических сведений, в качестве проводников.

Выдающийся первооткрыватель Семен Иванович Дежнев — один из главных участников открытия восточной оконечности Азии и пролива, разделяющего два материка, открывший реку Анадырь. Землепроходцы доставляли первые сведения о вновь открытых краях, их отписки и челобитные были первыми письменными свидетельствами об этих открытиях.

На жизненном пути Семена Ивановича было много тяжелых испытаний, невзгод, потерь близких соратников. И все же ему сопутствовал успех первооткрывателя. В чем причины этого успеха? Прежде всего в личных душевных качествах Дежнева. В его героизме, отваге, целеустремленности. Его самоотверженное служение Родине и сегодня может служить достойным примером. При его доброте и человечности Дежнев лишь в исключительных случаях брался за оружие — когда этого требовали интересы самообороны. С открытой душой, добрым словом шел он к аборигенам Восточной Сибири, протягивая им руку дружбы. И это приносило более действенные плоды, чем угрозы и бряцание оружием, помогало русским первопроходцам укрепиться среди восточносибирских народов.

Поход Алексеева—Дежнева вокруг Чукотки и дальнейшее открытие Анадыри Семеном Ивановичем — это не личная удача первооткрывателей, не просто частная инициатива этих отважных и мужественных людей. Это частица мощного исторического процесса, направлявшегося Московским государством, широкого миграционного движения, его северного ответвления, устремленного к северо-восточной оконечности Азиатского материка. Экспедиции русских первопроходцев помогали формированию географических представлений русских о северо-востоке Азии, которые к началу XVII века были еще самыми смутными и неопределенными. Плавание 1648 года позволило установить, что северо-восточный выступ Азиатского материка заканчивается Чукотским полуостровом и мысом, получившим впоследствии название мыса Дежнева, который омывается проливом, разделявшим Азию и Америку. О великой важности этого географического открытия не могли подозревать сами мореплаватели, Алексеев, Дежнев и их товарищи. Но это

неведение не умаляет заслуг славных первооткрывателей. Такие исторические парадоксы случались. Колумб вошел в историю как великий первооткрыватель, не подозревая, что он открыл новый материк.

Открытие, сделанное русскими мореходами, имело общемировое значение. Немецкий историк и этнограф К. Вейле напоминал, что путешествие русских мореходов 1648 года привело к крупнейшим из всех открытий начиная с 1492 года, так как благодаря ему действительно было доказано неопровержимым образом, что Новый Свет отделен от Старого.

Дежнев был одним из ярких представителей замечательной плеяды русских первопроходцев, вносивших свой вклад в русские географические открытия на Дальнем Востоке. Речь идет об Атласове, Хабарове, Москвитине, Пояркове, Алексееве, Стадухине, Реброве, Курбате Иванове и многих других.

Открытия русских нашли свое отражение в отечественной и западноевропейской картографии, в географических сочинениях, значительно дополнили представления географов о карте мира. Сведениями, собранными первопроходцами, пользовались сибирские картографы Петр Годунов и его последователь, архитектор, писатель и космограф Семен Ремезов. Ремезовские чертежи были среди последних из старинных памятников русской картографии, основанных еще не на точном определении долгот и широт. Годунов и Ремезов еще не пользовались инструментальными съемками, а давали во многом условные, схематичные чертежи. Постепенно с развитием картографии, которая стала основываться на геодезических съемках, очертания морских берегов, полуостровов, водоемов стали приобретать все более и более точный характер, приближаясь к очертаниям на современных картах.

Имя Семена Ивановича Дежнева, как и его товарищей, оказалось сравнительно быстро забытым. В трудах географов мы находим упоминание о великом географическом открытии 1648 года, но имена тех, кто совершил это открытие, никак не фигурируют. Царское правительство оценило открытие новых земель с их пушными и моржовыми промыслами, дававших казне большие прибыли, но не считало нужным вспоминать худородного казака.

И только в середине XVIII века историк Г. Ф. Миллер, разби-

рая бумаги якутского архива, наткнулся на документы, рассказывающие об экспедиции Алексея Дежнева и опубликовал их в 1758 году. Сложной и далеко не безгрешной фигурой был немец русской академической службы Герард Федорович Миллер, недруг Михайла Васильевича Ломоносова. Малопривлекательный его образ, а порой и откровенно шаржированный, не раз воспроизводили авторы книг и создатели фильмов на ломоносовскую тему. Будем справедливы к маститому академику. При всех его дурных качествах, высокомерии, реакционности своих исторических концепций был Миллер подвижником науки, непоседливым, пытливым. Он забирался в глубинки Северной Сибири, копался в архивах. И он первый, отдадим ему должное, воскресил для науки если не совсем забытые, то полузабытые имена Федота Алексея и Семена Дежнева. В труде «Описание морских путешествий по Ледовому океану и Восточному морю с Российской стороны учиненные» Миллер уделил Алексею и Дежневу немало страниц. На составленной им карте Сибири, изданной в 1758 году Российской Академией наук, морской путь из устья Колымы к берегам Камчатки был обозначен надписью — «Дорога издавна часто посещаемая, Морской проезд в 1648 году трех русских судов, из коих одно достигло Камчатки».

Об экспедиции 1648 года знал великий Ломоносов, писавший: «несомненно доказан проход морской из Ледовитого океана в Тихой». Холмогорец Федот Алексеев... с казаком Иваном Дежневым предприняли путешествие из реки Ковымы на восток в июле 1647 года... Первая сия неудача не отняла у них ни надежды, ни смелости; и поэтому следующего 1648 года июня 20-го дня те же, Алексеев и Дежнев и еще некто Герасим Анкудинов пошли на семи кочах». Ломоносов ошибочно называл Дежнева Иваном, но в остальном был прав, опираясь, видимо, на находки Миллера.

Большое значение Ломоносов придавал Северному морскому пути, видя широкие перспективы его использования. Свои соображения по этому поводу великий русский ученый изложил в 1763 году в записке, озаглавленной «Краткое описание разных путешествий по северным морям, и показание возможного проходу по северным морям, и показание возможного проходу Сибирским океаном в восточную Индию».

Алексеев и Дежнев проложили путь через пролив, разделяющий

Азию и Америку. Однако путь этот осваивался медленно. Первый из западноевропейских мореплавателей смог пройти проливом Дежнева только в конце XVIII века. Это был англичанин Джеймс Кук, доходивший до мыса Шмидта (Северного) на северном побережье Чукотки и оставивший в своем дневнике интересное описание природы чукотского побережья и быта местных жителей, очевидно, прибрежных эскимосов. В десятые годы прошлого века в Беринговом проливе побывал плававший на корабле «Рюрик» известный русский мореплаватель О. Е. Коцебу, описавший пролив и его азиатский берег. Коцебу интересовался личностью С. И. Дежнева.

Выход отважных русских первопроходцев к проливу, разделявшему два материка, и на Анадырь создавал предпосылки для дальнейших походов первооткрывателей. Эти дальнейшие походы имели два направления — южное и северное, а точнее — северо-восточное. Южное устремилось на Камчатку и Курильские острова, осваивавшиеся русскими людьми. Северо-восточное было нацелено на Алеутские острова и северо-западную оконечность Американского материка.

Как мы видели, исследователи выдвигали предположение, что члены экспедиции Алексеева — Дежнева могли достичь и аляскинского берега. Однако убедительными доказательствами эта версия пока не подкрепляется. Но если дежневские кочи в 1648 году и не приставали к берегам Аляски, появление русских на Американском континенте было теперь лишь вопросом времени.

В 1732 году М. Гвоздев вместе с И. Федоровым совершил плавание на боте «Гавриил» и, исследуя Берингов пролив, положил начало практическому исследованию берегов Аляски. В 1741 году экспедиция Витуса Беринга достигла аляскинского побережья, открыла остров Каяк, острова Шумагинские и часть Алеутских островов, собрав ценные сведения о природе и населении прибрежной части северо-запада Американского континента. В последующие годы Аляску посещали десятки исследовательских и торгово-промышленных экспедиций. Они были связаны с именами целой плеяды замечательных русских исследователей, продолжавших дело Алексеева — Дежнева. В их числе можно было бы назвать Г. И. Шелихова, Ф. П. Врангеля, А. Ф. Кашеварова, Л. А. Загоскина, Иннокентия Вениаминова (И. В. Попова) и многих других.

Исследования Аляски особенно активизируются с созданием Российско-Американской компании. Только с 1804 по 1840 год ею было организовано 25 экспедиций, в том числе и кругосветные.

Медленнее шло освоение северных морей, особенно в восточной Арктике. И хотя немало выдающихся русских мореплавателей-исследователей оставили свой яркий след в истории освоения Арктики XVIII—XIX веков, их походы и открытия не привели к превращению Северного морского пути в постоянную магистраль. Причин тому немало. В их числе были техническое несоответствие тогдашнего русского флота условиям систематического полярного плавания и отсутствие серьезного интереса у царского правительства к освоению Арктики. Основными путями, связывавшими центральные районы России с русским Дальним Востоком, оставались сухой путь через Сибирь и морской кругосветный путь.

Только в советское время Северный морской путь стал регулярно действующей транспортной магистралью, имеющей большое народнохозяйственное значение. Мощные теплоходы под советским флагом проходят вдоль северных берегов Сибири, Беринговым проливом, мимо мыса Дежнева, напоминающего о славном первопроходце, который вместе с Федотом Алексеевым впервые проложил путь из Ледовитого океана в Тихий.

Г. Ф. Миллер и М. В. Ломоносов положили начало систематическому изучению жизни и деятельности Семена Ивановича Дежнева и его соратников. К настоящему времени круг научных и научно-популярных публикаций о нем весьма обширен. В советское время с такими публикациями выступали А. И. Алексеев, С. В. Бахрушин, Л. С. Берг, М. И. Белов, В. Ю. Визе, А. В. Ефимов, Н. Н. Зубов, Б. П. Полевой, В. А. Самойлов и др. Публиковались исторические документы, проливающие свет на жизнь и деятельность первопроходца.

Несмотря на обилие публикаций о С. И. Дежневе, в его биографии остается еще немало «белых пятен» и дискуссионных вопросов, по которым не утихает полемика между исследователями. Она касается места рождения Семена Ивановича, его роли в экспедиции 1648 года, толкования некоторых мест в его отписках, возможности посещения членами экспедиции Алексеева — Дежнева аляскинского берега, количества кочей, прошедших Берингов пролив и

достигших Берингова моря, и т. д. Очевидно, дальнейшие исследования и поиски новых документов внесут ясность в эти спорные вопросы.

Имя С. И. Дежнева увековечено на карте. По случаю 250-летия героического похода русских мореходов вокруг восточной оконечности Азиатского материка Русское географическое общество по инициативе академика Шокальского внесло предложение назвать самую восточную точку Азии мысом Дежнева. Предложение было поддержано широкой общественностью и претворено в жизнь. В 1898 году на карте появилось новое название — мыс Дежнева.

Именем Дежнева названы также железнодорожная станция под Хабаровском, бухта в Беринговом море у побережья Камчатки, ледник на Северной Земле в Карском море, остров в море Лаптевых в группе островов Комсомольской Правды, полуостров в Беринговом проливе и одна из улиц в городе Великом Устюге, претендующем на то, чтобы считаться местом рождения первопроходца. Имя Дежнева в 30—60-е годы носил ледокольный пароход, построенный в Ленинграде.

В центре Великого Устюга в 1972 году был установлен памятник Дежневу работы ленинградского скульптора Е. А. Вишневецкой. Фигура Семена Ивановича во весь рост возвышается на высоком цилиндрическом постаменте на фоне приземистого пилона с рельефным изображением сцены из истории подвигов русских людей на северо-востоке Сибири. Пытливый взгляд Дежнева устремлен вдаль.

На мысе Дежнева еще в 1910 году, в память о подвигах первопроходцев, был поставлен мемориальный крест с надписью. В 1956 году на этом месте соорудили памятник-маяк. В следующем году в поселке Верхнеколымске, в честь 325-летия вхождения Якутии в состав России, установили обелиск с именами первопроходцев, среди которых и имя Семена Ивановича Дежнева. Имеется еще памятник, посвященный первопроходцам, в поселке Зырянка на Колыме — гранитный столб, увенчанный моделью коча XVII века. Таков далеко не полный, вероятно, перечень памятников и мемориальных знаков, напоминающих о подвигах Семена Ивановича Дежнева и его славных соратников.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. И. ДЕЖНЕВА

ок. 1605

ок. 1630

1630—1638

1638

1639

1640, лето

1640—1641

1641—1642

1643, лето

1647

1648

1648, 1 октября

1648, декабрь

1648—1659

1650, осень

1652, лето

1653, весна

1654

1659

1662

1664, сентябрь

- Родился на севере европейской части России.
- Поступил на сибирскую службу и выехал с партией новобранцев из Великого Устюга в Сибирь.
- Служба в Тобольске и Енисейске.
- Перешел из Енисейска в Якутский острог.
- Начальник Якутского острога Парфен Ходырев посылает Дежнева в Оргутскую волость собирать ясак.
- Поход в земли батурских якутов.
- Служба на Яне.
- Служба на Оймяконе.
- Перешел на Колыму.
- Назначен в экспедицию торгового человека Федота Алексеева. Первая неудачная попытка экспедиции обогнуть Чукотку.
- Экспедиция Алексеева—Дежнева огибает Чукотку и выходит в Берингово море. Гибель Федота Алексеева.
- Остатки экспедиции во главе с С. И. Дежневым высадились южнее анадырского устья.
- Отряд Дежнева достиг устья Анадыри.
- Служба на Анадыри.
- Неудачная попытка достичь Пенжины и возвращение на Анадырь.
- Открытие корги с моржовым лежбищем в районе анадырского устья.
- Поход на чуванцев.
- Два похода на чуванцев.
- Сдал Анадырский острог Курбату Иванову.
- Возвращение в Якутск. Выезд в Москву в составе отряда Ивана Ерастова.
- Прибытие в Москву.

- 1665, — Производство в казачьи атаманы.
 начало года
 1666, лето — Возвращение в Якутск из Москвы.
 1667, — Служба на Чечуйском волоке.
 весна — лето
 1667—1668 — Служба на Оленеке.
 1670, лето — Вторично выехал в Москву, сопровождая со-
 болиную казну.
 1673, — Скончался в Москве.
 начало года

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА).
 Фонд Якутской приказной избы.

Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1814, т. II; СПб., 1842, т. IV.

Алексеев А. И. Береговая черта. Магадан, 1987.

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путеше-
 ственников и писателей. Иркутск, 1941.

Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I.
 XVII в. М.-Л., 1960.

Андреев А. И. Экспедиции на восток до Беринга. — Труды
 историко-архивного института. М., 1946, т. 2.

Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной
 Америке XVII—XVIII вв. Составители: А. В. Ефимов, М. И. Белов,
 О. М. Медушевская. Под редакцией и с введением А. В. Ефимова.
 М., 1964.

Багров Л. С. Карты Азиатской России. Пг., 1914.

Бахрушин С. В. Исторический очерк заселения Сибири до
 половины XIX в. — Очерки по истории колонизации Севера и Си-
 бири. П., 1929, вып. 2.

Бахрушин С. В. Снаряжение русских промышленников в
 Сибири в XVII веке. — Исторический памятник русского морепла-
 вания в XVII веке. М.-Л., 1951.

Бахрушин С. В. Вопрос о присоединении Сибири в исто-
 рической литературе. — Бахрушин С. В. Научные труды. М.,
 1955, III, ч. 1.

Бахрушин С. В. Пути в Сибирь в XVI—XVII вв. Бахру-
 шин С. В. Научные труды М., 1955, III, ч. 1.

Бахрушин С. В. Русское продвижение за Урал. — Бахру-
 шин С. В. Научные труды. М., 1955, III, ч. 2.

Бахрушин С. В. Исторические судьбы Якутии. — Бахру-
 шин С. В. Научные труды. М., 1955, III, ч. 2.

Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в. — Бахру-
 шин С. В. Научные труды. М., 1955, III, ч. 2.

Бейкер Дж. История географических открытий и исследований (перевод с англ.). М., 1950.

Белов М. И. Историческое плавание Семена Дежнева. — «Изв. ВГО», 1949, т. 81, вып. 5.

Белов М. И. Арктические плавания и устройства русских морских судов в XVII веке. — Исторический памятник русского арктического мореплавания в XVII веке. М.-Л., 1951.

Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. — История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956, I.

Белов М. И. Семен Дежнев и американская литература. — «Изв. ВГО», 1957, т. 89, № 5.

Белов М. И. Новое ли это слово о С. И. Дежневе? — «Изв. ВГО», 1963, т. 95, вып. 5.

Белов М. И. Мангазея. Л., 1969.

Белов М. И. Раскопки «Златокопящей» Мангазеи. Л., 1970.

Белов М. И. Подвиг Семена Дежнева. М., 1973.

Белов М. И. По следам полярных экспедиций. Л., 1977.

Берг Л. И. Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука. — Записки по гидрографии. Пг., 1919, II (XIII), вып. 2.

Берг Л. И. Ломоносов и первое русское плавание для открытия северо-восточного прохода. — «Изв. ВГО», т. 76, вып. 6.

Берг Л. И. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. М.-Л., 1956.

Болховитинов Н. Н. Зарубежные исследования о С. Дежневе и В. Беринге. — «Изв. Ак. наук СССР. Серия географическая», 1983, № 4.

Визе В. Ю. Северный морской путь. Л., 1940.

Визе В. Ю. Семен Дежнев (к 300-й годовщине открытия Берингова пролива). «Изв. ВГО», т. 80, вып. 6.

Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г. СПб., 1851, т. 1—2.

Гольденберг Л. А. С. У. Ремезов. М.-Л., 1965.

Греков В. И. Из истории русских географических исследований 1725—1765 гг. М., 1960.

Гурвич И. С. Русские на северо-востоке Сибири в XVII в. — Сибирский этнографический сборник. М.-Л., 1963, т. V.

Данилевский В. В. Русские навигационные приборы первой четверти XVII века. — Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. М.-Л., 1951.

Долгих В. О. Родовой и племенной состав народов Сибири XVII века. М., 1960.

Дополнения к Актам историческим. СПб., 1851, т. IV.

Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах XVII — первой пол. XVIII в. М., 1971.

Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1755.

Крубер А. А. Семен Дежнев и 200-летие со времени открытия пролива, именуемого Беринговым. — «Землеведение», 1898, № 3—4.

Лебедев Д. М. География в России XVII в. М.-Л., 1949.

Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования. М., 1971.

Марков С. Подвиг Семена Дежнева. М., 1948.

Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю с Российской стороны учиненных. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М.-Л., 1937—1941, I, II.

Новлянская М. Г. Ф. Страленберг. М.-Л., 1966.

Оглоблин Н. Н. Семен Дежнев (1638—1671). Новые данные и пересмотр старых. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1890, № 12.

Оглоблин Н. Н. Смерть С. Дежнева в Москве в 1673 г. — «Библиограф», 1891, № 3—4.

Оглоблин Н. Н. Семен Дежнев. СПб., 1890.

Оглоблин Н. Н. Восточносибирские полярные мореходы в XVII в. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1903, № 5.

Огородников В. И. Очерк истории Сибири до начала XIX стол. Иркутск, 1920, ч. I; Владивосток, 1924, ч. II.

Окладников А. П. История Якутии. Якутск, 1949, т. I.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии. (Сборник документов под ред. А. В. Ефимова). М., 1951.

Отписка Семена Дежнева Якутскому воеводе Ивану Павловичу Акинфому о морском проходе с устья р. Колымы до устья р. Анадырь. — «Изв. ВГО», т. 80, вып. 6.

Перевалов В. А. Семен Иванович Дежнев. — В сб.: Русские мореплаватели. М., 1953.

Подлинные документы о плавании С. И. Дежнева. — В сб.: Русские арктические экспедиции XVII—XX вв. Под ред. М. И. Велова. Л., 1964.

Полевой Б. П. О местоположении первого русского поселения на Колыме. — Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока, Иркутск, 1962, № 2.

Полевой Б. П. Находка подлинных документов С. И. Дежнева о его историческом походе 1648 г. — «Вестник ЛГУ. Серия геологии и географии». Л., 1962, вып. I.

Полевой Б. П. К истории формирования географических представлений о северо-восточной оконечности Азии XVII в. — «Сибирский географический сборник». М.-Л., 1964, № 3.

Полевой Б. П. О точном тексте двух отписок Семена Дежнева 1655 г. — «Известия Акад. наук СССР. Серия географическая». М., 1965, № 2.

Полевой Б. П. Новое о начале исторического плавания С. И. Дежнева 1648 г. — «Известия восточносибирского отдела Географического общества СССР», Иркутск, 1965, т. 63.

Полевой Б. П. Из истории открытия северо-западной части Америки. — От Аляски до Огненной Земли. М., 1967.

Полевой Б. П. Сообщение С. И. Дежнева о «Большом Каменном Носе» и происхождение его ложного толкования. — «Известия Акад. наук СССР. Серия географическая». М., 1970, № 6.

Полевой Б. П. Новая работа о плавании Семена Дежнева. — «История СССР», 1983, № 3.

Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыс-

кания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах... на корабле «Рюрик» под начальством лейтенанта Коцебу. СПб., 1825, ч. III.

Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв. М.-Л., 1965.

Русская тихоокеанская эпопея. Дальневосточная историческая библиотека. Хабаровск, 1979.

Самойлов В. А. Семен Дежнев и его время. М., 1945.

Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952.

Сборник грамот Коллегии экономии, т. II. Грамоты Двинского, Кольского, Кевральского, Мезенского и Важского уездов. Л., 1929.

Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886, т. I,

(Спафарий Н.) Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и через границу Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. — «Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии». СПб., 1882, т. X, вып. I.

Титов А. А. Сибирь в XVII в. М., 1890.

Третье плавание капитана Джеймса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. Перевод с англ. Вступительная статья и комментарии Я. М. Света. М., 1971.

Шокальский. Семен Дежнев и открытие Берингова пролива. — «Известия имп. русского географического общества». СПб., 1898, т. XXXIV, вып. IV.

Шокальский Ю. Данные об условиях плавания Беринговым морем и далее на Запад Северным Ледовитым океаном до устья р. Лены. — «Записки по гидрографии», СПб., 1909, вып. XXX.

Якутия в XVII веке. Очерки под редакцией С. В. Бахрушина и С. А. Токарева. Якутск, 1953.

Fisher Raymond H. The Voyage of Semen Dezhnev in 1648: Bering's precursor. With selected documents. L., 1981.

Golder Fr. Russian Expansion of the Pacific, 1641—1850. Cleveland, 1914.

Аманат — заложник.

Балаган — зимнее бревенчатое жилище якутов.

Батог — палка.

Башня из кости китовой — эскимосское жилище с кар-
касом из китовой кости.

Бердыш — холодное оружие, вид топорика на коротком
древке.

Бирюч — глашатай, объявляющий на городской площади царские
указы и распоряжения воевод.

Вершина реки — исток реки.

Вож — проводник, а также кормщик на коче.

Воровство — нарушение закона, преступление перед государ-
ством.

Выкидник — деревья, выброшенные на берег морским прибоем.

Гость — купец.

Государево дело — преступление против государства.

Детинец — внутреннее укрепление в средневековом русском го-
роде, прикрывающее резиденцию воеводы и епископа.

Дьяк — правительственный чиновник высокого ранга.

Елань — луговая и полевая равнина, обширная прогалина в
лесу.

Заговор — согласие, договоренность.

Заморская кость — кость мертвого животного.

Зубатые люди — эскимосы.

Кабала — долговое обязательство, долговая расписка.

Камелек — очаг в жилище у народов Восточной Сибири.

Каменный пояс — горный хребет.

Камень — горный хребет, гора, плоскогорье.

Карбас — весельная лодка.

Князец — глава рода или племени у аборигенных народов.

Корга — отмель.

Кормчий — глава судовой команды.

Коч — морское судно с парусом.

Кочка — приспособление с воротом на коче для стаскивания суд-
на с мели.

Лодья — речное весельное судно.

Матка — компас.

Мунгалы — монголы, мунгальские степи — монголь-
ские степи.

Матка в кости — компас в костяной оправе.

Мягкая рухлядь — пушнина.

Наказная память — письменный наказ, инструкция царя
воеводе или воеводе служилым людям.

Нарты — сани для оленьей или собачьей упряжки.

Ноги — ванты для крепления мачты на коче.

Огненный бой — огнестрельное оружие.

Одекуй — разноцветные стеклянные бусы.

Окольничий — один из высших придворных чинов.

Олонхо — произведение героического эпоса в якутском фоль-
клоре.

Ополнники — выделанные шкурки.

Отписка — письменное донесение, отчет.

Пальма — холодное оружие народов Восточной Сибири, остроко-
нечный нож, насаженный на древко.

Парка — длинная меховая одежда, употребляемая во время
больших морозов.

Пищаль — ружье.

Письменный голова — начальник воеводской канцелярии.

Плавник — деревья, приносимые рекой в половодье, свалившие-
ся в воду в результате оползней.

Подьячий — чиновник низшего ранга.

Покрученная запись — письменное соглашение, определяю-
щее отношения покрученника и его хозяина.

Покрученник — неимущий зависимый человек, нанявшийся к
богатому промышленнику и связанный с ним покрученной
записью.

Полуношник — северный ветер.

Поминки — подарки.

Приказ — центральное правительственное учреждение, ведавшее
определенной отраслью управления, например Сибирский приказ.

Промышленник — предприниматель, занимающийся про-
мыслами.

Пушальница — сеть для ловли пушного зверя.

Родник — родственник.

Роспись — текстовое пояснение к чертежу.

Рыбий зуб — моржовый клык.

Своеуженник — мелкий независимый промышленник, входив-
ший в артель в качестве пайщика.

Складник — член артели, компаньон.

Служебный завод — снаряжение служилых людей для выхо-
да в поход, экспедицию.

Собачья река — старинное название реки Индигирки.

Соры — прибрежные высыхающие озера, заливаемые берега.

Стольник — один из высших придворных чинов.

Сын боярский — наивысший чин, дававшийся служилым лю-
дям за выслугу или особые заслуги.

Съемный бой — рукопашный бой.

Татария — так называли в XVII веке в Западной Европе Си-
бирь.

Тиун — волостной начальник на севере России.

Толмач — переводчик.

Тойон — то же, что и князец.

Целовальник — должностное лицо, ведавшее поступлением в
казну денежных доходов.

Чертеж — карта.

Чертежная книга — атлас.

Чухчи, чухоцкие люди — чукчи.

Шивера — речная стремнина, перекат.

Ясак — натуральный налог пушниной, которым облагались на-
роды Сибири.

Ясачная казна — пушнина, собранная в качестве ясака.

Ясачные люди — люди, платившие ясак.

Ясырь — пленник.

Ясырка — пленница.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Рассказывает бывалый человек	5
2. Поморский уроженец	18
3. Дорога в Сибирь	37
4. Служба в Тобольске и Енисейске. Дорога на Лену	46
5. Якутия в середине XVII века	68
6. Служба в Якутске	107
7. На Яне	129
8. На Индигирке	141
9. На Колыме	154
10. Федот Алексеев — организатор экспедиции	165
11. Не только мореходы, но и корабли	179
12. Великий восточный поход	189
13. На Анадыри	216
14. Поездка в Москву	271
15. Последние службы	294
16. Снова в Москву. Конец пути	304
Заключение	316
Основные даты жизни и деятельности С. И. Дежнева	323
Краткая библиография	325
Словарь терминов	330

Д 30 Дёмин Л. М.
Семен Дежнев. — М. : Мол. гвардия, 1990. —
334[2] с. — (Малая серия ЖЗЛ).

ISBN 5-235-01452-9

О подвигах замечательных первопроходцев — Семена Дежнева и его товарищей, обогнувших в 1648 году восточную оконечность Азиатского материка и впервые проложивших путь из Северного Ледовитого океана в Тихий, рассказывает книга писателя и ученого Л. М. Демина. В основу книги положены подлинные архивные документы и научные исследования русских и советских ученых. Издание рассчитано на массового читателя.

Д 4702010201—196
078(02)—90 КБ—050—017—89

ББК 26.8г